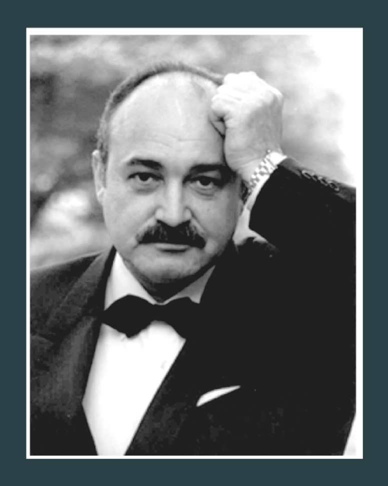

Решетников Михаил Михайлович (род. 1950). Доктор психологических наук, кандидат медицинских наук, профессор. Ректор Восточно-Европейского Института Психоанализа. Президент Российского отделения Европейской Конфедерации Психоаналитической Психотерапии (Австрия). Член экспертных и ученых советов Совета Федерации РФ, МЧС РФ, Института экстремальной медицины и др. Трижды лауреат Национального психологического конкурса. Практикующий врач-психотерапевт. Автор более 200 работ, в том числе 5 монографий.

ISBN 5-91681-003-5
9 785916 810035

ПСИХИЧЕСКОЕ РАССТРОЙСТВО

Михаил Решетников

Михаил Решетников

ПСИХИЧЕСКОЕ РАССТРОЙСТВО

ЛЕКЦИИ

Санкт-Петербург
2008

Mikhail Reshetnikov

PSYCHIC DISORDER

Lectures

Saint-Petersburg

East European Psychoanalytic Institute

2008

Михаил Решетников

ПСИХИЧЕСКОЕ РАССТРОЙСТВО

Лекции

Санкт-Петербург

Восточно-Европейский Институт Психоанализа
2008

Р 47
ББК 88.3

Рецензенты:
проф. Ольга Дейнека, доктор психологических наук;
проф. Виктор.Макаров, доктор медицинских наук
проф. Герман Сунягин, доктор философских наук

Решетников, Михаил. Психическое расстройство. Лекции. — СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2008. — 272 с.
ISBN 978-5-91681-003-5

Книга посвящена историко-методологическому анализу представлений о психике и психическом расстройстве, и включает критическое переосмысление идей выдающихся философов и врачей о различных формах психопатологии и методах их терапии от античности до современности. В книге впервые формулируется гипотеза о мозге как биологическом интерфейсе между идеальным и реальным, и ставится вопрос о применимости естественно-научных подходов к гуманитарному знанию.

Издание носит глубоко-полемический и познавательный характер, иллюстрировано репродукциями картин и портретами выдающихся ученых.

Предназначено для психологов, психотерапевтов и психиатров, а также врачей общей практики, педагогов, философов и социальных работников.

Содержание

Contents

Часть 1
Лекции

Введение

Новый парадигмальный фрейм

На протяжении длительного периода времени российская психотерапия была неразрывно связана с психиатрией не только организационно и методически, но и мировоззренчески. В этом нет ничего удивительного, так как своим вторым рождением, которое состоялось лишь в 1985 году, отечественная психотерапия обязана именно психиатрии, но процесс взросления и сепарации новой области знаний и практики несколько затянулся. Сразу отметим: все, что будет обсуждаться в этой книге, не направлено против психиатрии, которая имеет свои методологию и методы. Однако психотерапия должна осознать свои качественные отличия, а для этого нам потребуется критическое переосмысление некоторых базовых концепций, лежащих в основе представлений о психическом.

Вряд ли это переосмысление будет принято психиатрами, и такая цель даже не ставилась. Моя задача состояла в том, чтобы лишь обозначить отличия психотерапевтических подходов к психическому страданию исходя из несколько иной модели, которая имеет такое же право на существование, как и давно утвердившаяся в психиатрии — биологическая, включая ее современное развитие в форме биопсихосоциальной.

Когда была задумана эта книга, у меня еще не было точных формулировок того, что хотелось бы сказать (боюсь, что

их нет и сейчас), но в целом ее концепция присутствовала уже достаточно давно. Что-то было немного наивно сказано еще в «Аутогенной тренировке» (1986), а потом как бы случайно прорывалось в «Депрессии...» (2003) и «Психической травме» (2006). Но каждый раз срабатывала какая-то, сейчас более мне понятная, внутренняя цензура, хотя — не исключено, что за этим стояла обычная интеллектуальная лень или даже страх: стоит ли тратить столько усилий и зарываться так глубоко (одновременно понимая, что все равно скользишь по поверхности), чтобы попытаться противопоставить одни умозрительные рассуждения другим, да еще без особой надежды быть услышанным и понятым.

Здесь будет не так много собственных идей, которые автор оценивает более чем скромно, впрочем, как и способности к их изложению. Утонченный читатель не найдет здесь высокого полета мысли, скорее наоборот — почти все, что будет говориться, предельно упрощалось, чтобы быть доступным даже неспециалисту. Не уверен, что мне это удалось, но если кто-то найдет это интересным, я заранее благодарю такого непредвзятого читателя, а если кто-то сумеет изложить это более понятно и убедительно, а еще лучше — критически, я был бы искренне рад.

Когда лет тебе уже несколько больше, чем средняя продолжительность жизни мужской популяции в стране, появляется некоторая (надеюсь, понятная) спешка и позволительная в таком возрасте смелость не только говорить то, что не вызовет сомнений, но и формулировать идеи, которые станут легкой добычей для критиков и специалистов, придерживающихся других мировоззренческих позиций.

Ученые всегда стараются задавать умные и непротиворечивые вопросы. Насколько хватит сил и способностей, хотелось бы нарушить эту традицию и задавать самые глупые и противоречивые, даже опасаясь, что кто-то начнет сомневаться — а здоров ли сам автор и есть ли у него адекватные представления о научной психиатрии? Один из таких глупых вопросов: «А применимо ли вообще к психике понятие болезнь?» — составлявший одну из задач этой книги, так и остался без ответа. Если кто-то подумает, что автор скрыл его, он, безусловно, ошибется. Ответ просто не найден. У меня есть несколько предчувствий и предположений, но даже в этом качестве им не хватает уверенности. В целом, эта книга не столько повествование о каких-то достижениях, сколько попытка привести в порядок свои мысли и, если повезет, выслушать критику того, что получится в «сухом остатке».

Изложение начинается со статьи, которая была впервые представлена в качестве доклада на конференции «Актуальные проблемы клинической психологии и психотерапии в условиях современной культуры» в Институте им. В. М. Бехтерева (28.02.2001) и привлекла внимание профессиональной аудитории, но в ней все было еще недосказано или изложено настолько «обтекаемо», что даже не заслуживало серьезной критики, по сути, лишь прикасаясь к проблемам, но не вникая в их историческую сущность. Таким образом, эта статья, пользуясь определением Фрейда, составляет как бы «предуведомление» к последующим главам.

В названии этот материал обозначен как лекции, и меня уже спросили: «Почему не монография?» — как обычно принято именовать такие работы. Здесь нет ложной скромности: монография должна представлять не только результаты глубокого и всестороннего изучения какой-то проблемы, но и детальное описание методики исследования, а также итоги кропотливой экспериментальной работы и их интерпретацию. Ничего этого в книге нет, так как, по моим

представлениям, методология и адекватные методы исследования психического до настоящего времени не разработаны. Это — действительно лекции, где автор — в отличие от широко распространенного сейчас взгляда на этот вид учебной деятельности — исходил из традиционных представлений, считая, что лекции не предназначены для передачи знаний, а являются средством активизации познавательной деятельности и стимуляции критического мышления слушателей.

Не меньше вопросов вызвало словосочетание «парадигмальный фрейм», которое вначале предполагалось вынести на титул издания, а затем было принято решение сохранить его только в заголовке «Введения». Начнем с того, что парадигмой именуется любая исходная схема или модель для постановки проблемы в ее наиболее общем виде, при этом в науке уже давно и почти безраздельно господствует диалектический подход. Не умаляя значение диалектики применительно к предмету нашего исследования как «метода для анализа структур-состояний», мы тем не менее попытаемся заглянуть за пределы этого дихотомического подхода. В целом же, термин заимствован мной у М. В. Кузьмина, из его статьи «Экстатическое время», где он пишет: «Отход от парных дихотомий типа “частица—волна” сам по себе знаменует вхождение в новый парадигмальный фрейм»[1]. Определение «фрейм» мне показалось наиболее подходящим в силу того, что оно характеризует именно абстрактный образ для представления какой-то информации, некую «рамочную» информацию[2]. Именно такой подход здесь и представлен.

Вторая часть книги содержит доклады и статьи последних лет, которые ранее публиковались в различных журналах и сборниках.

[1] Вопросы философии, 1996, № 2. — С. 76.

[2] Фрейм (англ. *frame*) — кадр, рамка, каркас.

Предуведомление

Методологическое значение понятий нормы и патологии

В этом разделе мне хотелось бы поделиться некоторыми идеями, которые многим хорошо знакомы и не являются новыми. Скорее наоборот — они — старые. Здесь гораздо чаще будут задаваться вопросы, чем предлагаться ответы на них, поэтому прошу меня заранее извинить.

В этом разделе читатель практически не найдет апелляций к работам современников. Они, безусловно, существенно расширили наши представления, но некоторые проблемы сохранились практически в их классически-проблемном звучании.

Еще Эмиль Крепелин 100 лет тому назад[1] отмечал, что «психиатру часто то в шутку, то всерьез делается упрек, что он всех людей считает душевнобольными». И далее автор пишет: «Везде, где мы пытаемся провести границу между душевным здоровьем и болезнью, мы наталкиваемся на промежуточную область, в которой совершенно незаметно происходит переход от нормы к выраженным душевным расстройствам»[2]. При

[1] 4 ноября 1900 года Э. Крепелин (E. Kraepelin) завершил предисловие к своему «Введению в психиатрическую клинику», 3-е издание которого в 1923 году под редакцией П. Ганнушкина вышло на русском языке.

[2] Крепелин, Э. Введение в психиатрическую клинику. М.: МЗО, 1923. — С. 210.

этом Крепелин особо подчеркивает, что те или иные формы таких отклонений (в зависимости от обстоятельств их проявления) могут оцениваться с различных точек зрения, что делает проблематичным однозначность суждений о том, где кончается норма, а где начинается патология. Более того, многообразие одновременно присутствующих у одной и той же личности здоровых проявлений и различных отклонений делает этот вопрос практически неразрешимым.

Фактически, и об этом также пишет Крепелин, однозначное толкование проблемы психопатологии предполагается только в одном случае: когда человек попадает в руки психиатра и при столкновении с законом...

В последующем именно эти идеи и проблемы явились основой появления пограничной психиатрии. Но была ли разрешена проблема? Можем ли мы сейчас, в начале XXI века, сказать, что здесь что-то существенно изменилось за прошедшие сто лет? У меня нет категоричного ответа на этот вопрос.

Для наших дальнейших рассуждений будет целесообразно напомнить, что именно Крепелин ввел понятие «симптомокомплексы» и придал им некую иерархичность, одновременно считая, что тип (или «уровень патологичности») симптомокомплекса определяется степенью разрушения или сохранности психических функций. Это также существенно, так как Крепелин (по сути) проводит параллель между «типом» и «уровнем патологичности». Я думаю, многие легко улавливают различие между этими двумя терминами, но вряд ли большинство специалистов с той же легкостью согласится с допускаемым в этой фразе тезисом, что психические заболевания отличаются не этиологически или патогенетически и даже нозологически, а лишь «по уровню патологичности».

Эта проблема занимает значительное место в работах и другого классика — Карла Ясперса, в 1913 году представившего диссертационное исследование под ныне хорошо известным названием «Общая психопатология»[1]. В этой работе наряду с огромным количеством ценных наблюдений и бесценных идей автор отмечает: «С клинической точки зрения очень важно уметь распознать необычное»[2] (имеется в виду в психике). Здесь сразу возникает вопрос: для чего, может быть, для более успешной терапии? Оказывается, вовсе нет. Ясперс дает предельно точный ответ, что речь идет исключительно об исследовательской, а не о терапевтической задаче[3].

Следует отметить, что труды классиков современной психиатрии, как и абсолютного большинства их последователей, имеют отчетливую и характерную особенность: из 1021 страницы «Общей психопатологии» на методы терапии отведено менее 100, во «Введении в психиатрическую клинику» Крепелина из 458 — менее 20. Не странно ли, что мы с такой тщательностью описываем психопатологию и, по сути, лишь упоминаем методы лечения?

Вернемся к симптомокомплексам Крепелина, а фактически — к современной (пусть и с многочисленными пересмотрами, исправлениями и уточнениями) классификации психических болезней. Полемизируя с ее автором, Ясперс отмечает, что «симптомокомплексы пока не удается объяснить в терминах причинности»[4], то есть — это не патогенетическая классификация, как считал Крепелин. В более поздних переизданиях, апеллируя к работам Карла Шнайдера (1942),

[1] В полном объеме «Общая психопатология» вышла в России только в 1997 году в московском издательстве «Практика».

[2] Ясперс, К. Общая психопатология. М.: Практика, 1997. — С. 38.

[3] Там же. — С. 38.

[4] Там же. — С. 707.

Ясперс констатирует, что эти «комплексы... не наблюдаются, а дедуцируются теоретически. Их существование гипотетично»[1].

В другом месте автор «Психопатологии» еще более откровенен, отмечая, что методу Крепелина «присущ элемент художественности»[2]. Тем не менее художественный метод каким-то образом оказался имплицированным в естественнонаучную (медицинскую) концепцию. Для этого, безусловно, были определенные причины, частично также вскрытые Ясперсом. «Установленные категории, — пишет он, — оказались весьма удобны; под них удавалось так или иначе “подогнать” любые наблюдения»[3].

Это положение также хорошо известно специалистам, хотя постепенно забывается. Но при критическом взгляде достаточно очевидно, что наша специальность (считающаяся естественнонаучной дисциплиной) исходно строилась на гипотетических основаниях или, во всяком случае, на гуманитарных концепциях, не имеющих строго научного обоснования. Если быть еще более точным — на одной-единственной гуманитарной концепции, положения которой были «канонизированы» в последующем. Последнее положение — прямо или косвенно — признается практически всеми психиатрами. Тем более что все попытки найти хоть какие-то биохимические, психофизиологические или инфекционные этиопатогенетические факторы окончились неудачей.

В результате мы имеем сугубо описательную психиатрию. Хорошо это или плохо? Может быть, так и должно быть? Может быть, действительно, мы имеем дело с эпифеноменом и нам стоило бы оставить или хотя бы критически пересмотреть

1 Ясперс, К. Общая психопатология. — С. 710.

2 Там же. — С. 1010.

3 Там же. — С. 1012.

наши взгляды, которые все еще (даже в последних изданиях) апеллируют к рефлекторной теории и неким мозговым механизмам?

Как бы мы ни ответили на этот вопрос, в целом мы могли бы констатировать, что методология формирования основ современной психиатрии отчасти сравнима с критическим творчеством в литературоведении, где также описываются различные типажи героев, или с выделением психологических типов в родственной области знаний — в психологии, что, собственно, не удивительно, если напомнить, что Крепелин был учеником В. Вундта.

Но есть и существенная разница, о которой не часто вспоминается: в отличие от сангвиников и холериков, интровертов и экстравертов любым типажам, подпадающим под классификацию Крепелина, законодательно разрешено назначать лечение, в том числе медикаментозное и прочее, включая еще недавно распространенный электро- и инсулиновый шок. При отсутствии реальных объяснений психопатологии в «терминах причинности» можем ли мы говорить о какой-либо патогенетической терапии? А если нет, то не является ли эта терапия экспериментальной? Это еще один вопрос, не имеющий однозначного ответа.

Здесь представляется целесообразным очень осторожно сформулировать еще несколько идей, точнее вопросов, которые кажутся мне актуальными.

Принимая за основу классификацию Крепелина (другого выхода пока нет, и было бы наивно ратовать за ее отмену), следует признать (и надеюсь, никто не будет возражать), что заболевание не состоит из симптомов или синдромов. Симптомы и синдромы являются производными или свойствами болезни, но не ее составляющими частями, и производитель свойств (то есть — собственно психопатология) не сводим к их совокупности.

Попробую даже предельно обострить эту идею: значительная часть наших диагнозов носит не синдромологический, а симптоматический характер: депрессия, маниакальное состояние, ипохондрия, паранойя... Обозначаемые этими терминами явления примерно того же порядка, что и лихорадка, диарея, кашель и т. д., которые могут наблюдаться при огромном множестве заболеваний. И лечить только лихорадку или диарею, скажем, при туберкулезе, холере или ВИЧ-инфекции — это нонсенс. Но — за исключением немногочисленных психотерапевтических отделений — это пока почти обычная практика. Преимущественно симптоматическая ориентация нашей терапии также признается практически всеми специалистами. А что дальше — какие перспективы, почему это положение не меняется уже более ста лет?..

Мне представляется, что определенную негативную роль здесь сыграла эпоха и умонастроения того периода, когда осуществлялась интеграция психиатрии в медицину. Новая область знаний должна была институироваться только с собственной нозологией и, в соответствии с духом времени, только на основе естественнонаучной методологии. Приняв естественнонаучную парадигму в качестве основной (можно сказать — единственной) и постулировав клиническую классификацию как этиопатогенетическую (для которой пока просто не найдено соответствующих морфологических и биохимических коррелятов), психиатрия начала постепенно отдаляться от лежавших в ее основе гуманитарных концепций (то есть гипотез) о психике и, в результате, с этой точки зрения, — оказалась внеконцептуальной. Хотя именно эти — гуманитарные (философские) концепции и составляли хоть какую-то (пусть гипотетическую) «анатомию» и «физиологию» психики. Надеюсь, никто не будет возражать, что практически все классики психиатрии были

отчасти философами. Мы — скорее прагматики, но лучше ли это?..

Несмотря на уже давно практически общепризнанную абсурдность идеи, что мозг вырабатывает мысли или эмоции так же, как печень — желчь или островковый аппарат — инсулин, на практике (заглянем в самые современные учебники) эта идея живет и побеждает. Здесь как бы существует некое негласное и недекларируемое соглашение, что мысли и эмоции, во всяком случае — патологические, все-таки вырабатываются мозгом и именно на него нужно воздействовать некими химическими веществами в интересах лечения и коррекции психических расстройств.

На первый взгляд, мы уже давно разделили понятия «организм» и «психика». Тем не менее еще нередко депрессия или мания воспринимаются как такие же признаки организменного нездоровья, как температура или повышение давления, при которых нужно назначать какие-то химические вещества. А многие психические феномены все еще воспринимаются с предельным анатомизмом и физиологизмом. Даже в более гуманитарно мыслящей психологии память, внимание, мышление и эмоции излагаются так, словно речь идет о строении внутренних органов (скажем, по типу сердца: вот левый желудочек, вот правый, вот клапаны; но ведь никому не приходит в голову сказать, что сердце состоит из систол и диастол).

У меня имеется также (неоднократно подтверждавшееся) подозрение, что когда мы говорим о психосоматических отношениях, мы имеем в виду любую ткань, кроме мозговой. Может быть, стоило бы сделать допущение, что в отношении психики мозг — это такая же сома, как и любая другая ткань, хотя, возможно, и более значимая? Ведь и здесь существуют те же самые психосоматические реакции: переживаемые реально

эмоции гнева и страха вызывают повышение продукции адреналина, а введение адреналина даже при отсутствии внешнего (психического) побуждения приводит к соответствующей модификации эмоционального фона и поведения.

Наши языковые штампы нередко подводят нас и, возможно, обманчивы. Мы совершенно спокойно говорим о том, что человек «думает головным мозгом». Но мы же не говорим, что он ходит спинным мозгом, лишь оттого, что основные двигательные импульсы замыкаются на этом уровне.

* * *

Заслуга Крепелина неоспорима, и никто не ставит ее под сомнение. Он впервые систематизировал психопатологические симптомы и синдромы, но не болезни. Его систематика позволила накопить огромный фактологический материал, распознавать различные формы течения психических расстройств и давать клинический прогноз, но эта классификация практически никак не прояснила вопросы этиологии и патогенеза, а следовательно, — не дала ключа к эффективной терапии (как это произошло в других областях медицины). Может быть, мы пошли не тем путем?

* * *

Несколько слов о психотерапии и психоанализе. Я позволю себе напомнить, что в начале XX века впервые возникли и начали играть все более значительную роль индивидуально-психологические подходы к психиатрии. Особенно ярко эта тенденция проявилась в первой половине XX века в общемировом интересе к психоанализу, где — по сути — объединялись психологические и психиатрические подходы на основе теории развития и психической травмы, то есть — психогенеза (в России эти подходы — вне психотерапевтической среды — только начинают приобретать популярность).

В 1903–1910 годах О. Блейлер и К. Юнг в Цюрихе провели проверку психоаналитической теории на материале душевнобольных, в частности путем анализа их галлюцинаций, сновидений и бреда. И «в целом ряде случаев удалось отыскать смысл там, где при поверхностном анализе все казалось абсолютной бессмыслицей»[1]. В 1907 году Юнг публикует работу «О содержании психоза», где обосновывает, что все проявления болезни строго детерминированы переживаниями пациента, предшествующими психозу[2]. Как представляется, эти идеи были забыты, и лишь сейчас они вновь зазвучали в работах Хаймана Спотница[3] и ряда других авторов, активно внедряющих методы аналитической терапии у психотиков. И с позитивными результатами.

В целом, как мне кажется, можно было бы признать, что по мере развития психиатрии, с одной стороны, гуманитарная нозология Крепелина, как уже упоминалось, все более канонизировалась в качестве естественнонаучной, с другой — точные границы психических заболеваний становились все более расплывчатыми, а схемы лечения — все более «фармаколизировались».

Одновременно с этим (в преподавании психиатрии и ее методических подходах) все менее акцентировалось внимание на том, что те или иные психические нарушения представляют собой неспецифические реакции, которые отчасти обусловлены психической конституцией личности и которые могут появиться или не появиться в зависимости

[1] Bleuler. Freudshe Mechanismen in der Simptomatologie von Psychosen. Psychoatr.-Neuroplog. Wochenschr., 1906 (Цит. по: Каннабих, Ю. История психиатрии. М.: ЦТР, 1994. — С. 463).

[2] Там же. — С. 464.

[3] Спотниц, Х. Современный психоанализ шизофренического пациента. Теория техники. СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2005, — 296 с.

от наличия или отсутствия острых или хронических психотравмирующих, эндогенных или экзогенных, подчас действующих в совокупности и крайне сложно дифференцируемых патогенетических факторов. Факторов — по своей природе и содержанию — психических. Возможна ли сколько-нибудь эффективная терапия без применения адекватных природе и содержанию этих нарушений методов? То есть без методов, непосредственно апеллирующих к психике? Этот тезис не отрицает успехи психофармакологии. Она также нужна, но в комплексе с психотерапией.

Выделение психотерапии в качестве самостоятельной специальности, как представляется, во многом определялось, с одной стороны, социальным запросом, а с другой — отношением самих психиатров к весьма специфической системе приоритетов: в частности — ориентацией на преимущественно психическое или (большей частью изолированное) психофармакологическое воздействие...

При этом характерно, что количество представителей психотерапевтического направления в мировой психиатрии росло резко опережающими темпами. И одновременно существенно увеличивались роль и значение психотерапевта в психиатрической клинике. Именно поэтому в абсолютном большинстве западных стран количество психотерапевтов примерно в 7 раз больше, чем психиатров (у нас пока — с точностью до наоборот). Мы признаем эту проблему, но преимущественно — как кадровую. А может быть, она все-таки методологическая?..

Ежегодно мы тратим миллиарды долларов на закупки и производство фармпрепаратов. Почему бы хотя бы часть этих средств не направить на подготовку и переподготовку психотерапевтов? Не ошибаемся ли мы, рассматривая психофармакологию в качестве одного из магистральных направлений

развития психиатрической науки и практики? С чем связано интенсивное развитие психофармакологии — с ее реальными успехами или все-таки с нашей методологией? Чем объяснить появление множества публикаций, анализирующих модификацию психопатологии под влиянием фармакотерапии? Почему модификацию?..

За последние годы мне несколько раз встречалась в публикациях и выступлениях специалистов одна и та же идея. Но затем обнаружилось, что она была сформулирована еще в 1912 году психиатром Гохе[1], который отмечал, что этиологические факторы в психиатрии, внешние или внутренние, являются только побуждающими, приводящими в действие уже имеющиеся механизмы, возможно, связанные с конституциональными особенностями конкретной личности, а возможно, присутствующие в любой психике (включая здоровую)[2]. Поэтому границы между синдромами столь неотчетливы, а пытаться строго дифференцировать их, по образному выражению уже упомянутого Гохе, это то же самое, что «рассчитывать на просветление мутной жидкости, непрерывно переливая ее из одного сосуда в другой». Позволю себе привести еще одну ключевую идею Гохе: поиск раз и навсегда установленных процессов, однородных по этиологии, течению и исходу — это погоня за фантомом.

Не является ли такой же погоней за фантомом разработка «целевых» препаратов для фармакологической терапии конкретных форм психических расстройств? Медикаментозное лечение, безусловно, должно и может играть в психиатрии

[1] Hoche. Die Bedeutung der Symptomenkomplexe in der Psychiatrie. Z. f. d. ges. N. u P. Bd. 12, 1912. (Цит. по: Каннабих, Ю. История психиатрии. М.: ЦТР, 1994. — С. 470.)

[2] Именно эта идея была сформулирована ранее в психоанализе.

определенную, но, как представляется, лишь вспомогательную и весьма неспецифическую роль.

В этих размышлениях предпринимается попытка обосновать, что вопросы классификации, нозологии, нормы и патологии имеют не узкомедицинское, а широкое методологическое значение, определяющее ряд важнейших проблем, включая экономические, в частности, например, размеры инвестиций в психофармакологию и их соотношение с инвестициями в подготовку и переподготовку специалистов.

Было бы неверно не признать, что фармакотерапия позволяет облегчить страдания пациентов, образно говоря, «подавить» или «снизить остроту» проблемы. Некоторые авторы констатируют[1], что все более широкое применение нейротропных средств главным образом сказалось в области борьбы с психомоторным возбуждением и качественно изменило облик психиатрических отделений. Врачам и сестрам, безусловно, стало легче. Но легче ли пациентам? Нет ли в этом подходе определенной аналогии с обезболиванием при серьезных, иногда множественных переломах в качестве основного вида терапии? С последующей надеждой, что «авось срастется»... Возможно ли вообще химическое решение психических проблем? Нет ли здесь чрезмерного материализма?

Еще несколько слов о таком ключевом понятии, как норма. В целом, понятие «норма» описывается как некий усредненный член определенного ряда, с которым сравнивают другие члены, — это общепризнанный и предельно математизированный подход. Он хорошо работает там, где есть опосредованные измерения (рост, вес, давление и, соответственно, сантиметры, килограммы и т. д.). Но у нас

[1] Например, Сметанников, П. Г. Психиатрия. — СПб., 1995. — С. 4.

нет мер, которыми можно было бы измерять психику. Наши понятия нормы носят описательный характер, и нередко мы определяем ее через противоположное: «патологии нет», следовательно, есть норма, что методически не очень корректно. Многим известен такой термин, как «узнавание диагноза». Причем оценка эта всегда глубоко индивидуальна: один психиатр может сказать, что здесь «нашего» нет, а другой может с ним не согласиться. И в результате — один врач назначит медикаментозное лечение, а другой — нет. При этом мы хорошо знаем, что психофармакология вышла далеко за границы психиатрической клиники. Существует ли эта проблема? Часто ли мы вспоминаем о том, что среди побочных эффектов многих препаратов присутствует практически вся психопатология?..

В психологии аномальность обычно связывается с поведением, отклоняющимся от принятого в конкретном обществе. На первый взгляд, абсолютно верный подход. Но при более глубоком анализе мы не можем не увидеть, что здесь психическая норма идентифицируется с определенным социальным конформизмом.

Резко отрицательно следовало бы оценить раздутый прессой вопрос о так называемой «карательной психиатрии», словно у нас не было никакой другой. Но, как это ни странно, в ее основе лежал именно этот — психологический — подход к проблеме нормы и патологии, что позволяло в отдельных случаях держать «за хроников» всех нонконформистов, например гомосексуалистов или диссидентов.

В психоанализе, как известно, здоровье определяется не с точки зрения нормы или патологии, а в терминах интеграции (личности) и свободы от конфликта. А терапия каждого случая ведется с учетом общей концепции развития и на основе детальнейшего изучения индивидуального развития

конкретной личности, ее психо- и (пользуясь привычной терминологией) индивидуального патогенеза.

Во многом аналогичные подходы используются в психотерапии по В. Н. Мясищеву, в личностно-ориентированной (реконструктивной) психотерапии Б. Д. Карвасарского—Г. Л. Исуриной—В. А. Ташлыкова.

Краеугольным камнем здесь является положение о том, что случаев столько же, сколько пациентов, поэтому особое внимание уделяется не идентификации случая, не нозологии, а конкретной (индивидуально обусловленной) феноменологии, терапевтической технике и закономерностям самого терапевтического процесса. Вначале уже упоминалось, что в классических учебниках по психиатрии на лечение отводится не более 10% объема. В психотерапии — наоборот — 90%. Это отличие случайно или нуждается в самостоятельном изучении?

Здесь вовсе не ставится цель доказать, что психодинамические методы психотерапии — самые лучшие. Но в них есть хоть какая-то концепция, хоть какие-то представления об «анатомии» и «физиологии» психики, хоть какая-то система координат, позволяющая не обрекать терапевта и пациента на бесконечное и нередко бессмысленное блуждание в бескоординатном пространстве, когда оба участника терапевтического процесса не знают — куда и зачем они идут?

Сейчас в психотерапии мы наблюдаем безудержное творчество, особенно в части, касающейся методов. Но метод — это всегда производное от концепции или от теории. Методов все больше, новых теорий — нет. Более того, некоторые теории исчезают, а другие можно было бы определить как «однодневки». И здесь как раз очень уместен наш медицинский консерватизм. Так как любая теория в отношении психики является гипотетической, всегда уместно спросить:

а сколько существует эта теория, имеет ли она достаточно убедительное обоснование, работает ли она и подтверждается ли практикой?

Повторю еще раз, что мной вовсе не предлагается отказаться от классификации психических расстройств (словосочетание «психические болезни» не кажется мне достаточно обоснованным). Здесь также нет призыва отказаться от применения психофармакологических средств. Но мы всегда были и будем против их необоснованного назначения, изолированного и бесконтрольного применения. То есть без систематической, патогенетически ориентированной и концептуально разработанной психотерапии.

Это пока не анализ проблемы, а анализ перечня имеющихся проблем. Вероятно, далеко не всех.

Лекция 1

Несовременная философия психотерапии

Вступление

Психотерапевты не питают особой склонности к изучению истории философии — матери нашей специальности, считая, что психотерапия как самостоятельная область знаний и практики появилась только в конце XIX века (что справедливо лишь отчасти), а в итоге их профессиональное мировоззрение оказывается оторванным от своих корней и в силу этого — достаточно фрагментарным. Это особенно печально, так как в процессе психотерапии мы все чаще встречаемся с проблемой смыслов, точнее — их утраты, и эта «психопатология», вне сомнения, лежит далеко за пределами наших традиционных взглядов.

В этом разделе мы попытаемся пройти (точнее — пробежать) по достаточно извилистой тропе познания и представлений о духовном и психическом, естественно — апеллируя только к известным (оставшимся в веках) авторитетам, и то далеко не ко всем, а лишь к тем, которые когда-то оказались в кругу интересов автора.

Большинство просвещенных читателей хорошо знают эти имена, а многие, уверен, хотя бы раз в жизни просматри-

вали их труды, но ранее мы смотрели на них исключительно через призму грубо-материалистического мировоззрения, и в результате многое осталось «за кадром». Попытаемся еще раз, насколько это возможно, обратиться хотя бы к некоторым из множества далеко небезупречных, иногда — предельно примитивных, но тем не менее — в чем-то поразительных и даже восхитительных идей великих мыслителей. Естественно, что будут рассматриваться не все их идеи, а только те, которые имеют отношение к духовному и психическому. Поскольку 99% современных авторов так или иначе, прямо или косвенно, пытаются обосновать и утвердить недоказуемое, что никакой души не существует, мне представляется столь же актуальным обратиться к не менее недоказуемой (и столь же — неопровержимой) идее о несводимости всей духовной жизни к ограниченному понятию «психические процессы»[1].

Великие философы: Сократ, Платон и Аристотель

Сократ (469–399 до н. э.) происходил из семьи безвестного скульптора, служил в армии, проповедовал на улицах и площадях. Нам мало что известно о его образовании, но он остался в памяти человечества как выдающийся философ античности и истинный мудрец. Более того, одно из самых фундаментальных делений философии связано с его именем: на до- и послесократову. Несмотря на обилие тем, обсуждавшихся в устных (записанных позднее и, безусловно, дополненных) диалогах Сократа, одними из главных для него оставались вопросы воспитания добродетели, рассуждения о том, что есть добро и зло, что прекрасно, а что безобразно, что есть порок и как приобретается знание. Естественно, что

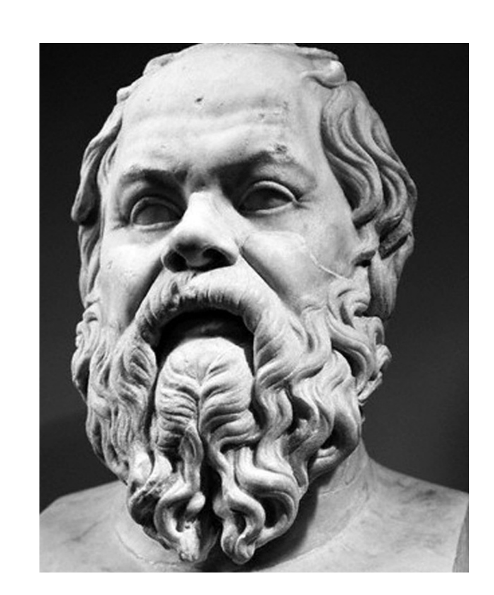
[1] При этом, как читатель сможет убедиться далее, мной совершенно не ставится задача доказательства существования Бога.

достоверность или аутентичность сохранившихся записей достаточно сомнительна, но они, безусловно, передают доминирующее мировоззрение той эпохи, когда влияние Сократа было фактически всеобъемлющим.

Один из ключевых тезисов сократовой философии мне особенно близок, а именно — его этический рационализм, выражаемый формулой: «Добродетель — есть знание», который в современную эпоху стоило бы дополнить тезисом о том, что далеко не всякое знание — добродетельно. Не претендуя на сократову мудрость, готов подписаться под его убеждением, что сам он «ничего не знает» и, чтобы стать мудрым, расспрашивает других людей, что, в общем-то, составляет основное содержание деятельности большинства психотерапевтов, впрочем, как и всех, кто стремится к познанию. Свой метод собеседования Сократ именовал «повивальным искусством», имея в виду, что только способствует «рождению» знания, но сам не является его источником. И это также легко проецируется на те принципы психотерапии, которые исповедуются мной уже давно: «И проблема, и способ ее решения всегда принадлежат пациенту, а наша задача — только помочь осознать первое и найти второе».

Если анализировать диалоги Сократа с точки зрения методики их построения, то и здесь легко найти многое из того, что в настоящее время описывается как психотерапевтические техники. Сократ активно использует опровержение с последующим приведением собеседника к противоречию с отвергаемым, проявляет притворное неведение, «отзеркаливание» вопросов и уход от прямых ответов, а также тонкую иронию, которая заставляет задуматься. Одна из ключевых идей Сократа состоит в том, что любой поступок только тогда имеет моральный смысл, когда человек совершает его осознанно и по внутреннему убеждению. Если же он ведет

себя определенным образом только потому, что, например, «все так делают» — то в случае, если все станут вести себя плохо, — не будет причин быть добродетельным, что находит прямое подтверждение в современном обществе упадка нравов и массовой «культуры».

Сократ

По Сократу, норма нравственности должна быть автономной и нельзя в вопросах истины и добра полагаться на мнение большинства. Здесь уместно напомнить, что это критическое изречение было связано с оценкой наличной власти — афинской демократии и практики принятия государственных решений большинством голосов. Эта же «антигосударственная критика» фигурировала и в качестве одного из обвинительных заключений в процессе суда над «диссидентом» Сократом. Как известно, суд вынес ему смертный приговор, по официальной версии — за попытку введение новых божеств и за развращение молодежи. И это также имеет отношение к обсуждаемой нами теме психического расстройства, нормальности и ненормальности, психического и духовного, а именно — еще раз обосновывает тезис: «Мыслить нестандартно — не только непохвально, но и опасно».

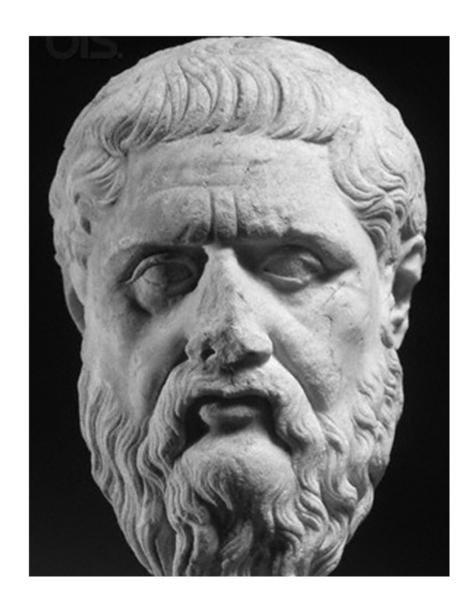
Из немногих дошедших до нас в пересказах диалогов Сократа, с точки зрения предмета нашего исследования,

особого внимания заслуживает «Федон», записанный одним из его выдающихся учеников и будущим учителем Аристотеля — Платоном (428–347 до н. э.), который в отличие от Сократа был весьма знатного происхождения (его отец был из рода афинских царей, а мать — из рода законодателя Солона, одного из «семи мудрецов»). Почти все сочинения Платона написаны в форме диалогов, которые ведет Сократ. Приведем лишь несколько высказываний Сократа из сочинения «Федон». Обсуждая трудности на пути познания душевной жизни, Сократ говорит: «...Когда душа пользуется телом, исследуя что-то с помощью зрения, слуха или какого-нибудь иного чувства (ведь исследовать с помощью тела и с помощью чувств — это одно и то же!), тело влечет ее к вещам, непрерывно изменяющимся, и от соприкосновения с ними душа сбивается с пути, блуждает, испытывает замешательство и теряет равновесие... Когда же она ведет исследование сама по себе, она направляется туда, где все чисто, вечно, бессмертно и неизменно, и так как она близка и сродни всему этому, то всегда оказывается вместе с ним, как только остается наедине с собой и не встречает препятствий. Здесь наступает конец ее блужданиям, и в непрерывном соприкосновении с постоянным и неизменным она и сама обнаруживает те же свойства. Это ее состояние мы называем разумением...»[1].

Главный вывод из этого тезиса, который нам пригодится при дальнейшем обсуждении, состоит в том, что *мы никогда не можем сколько-нибудь объективно судить о душевных процессах, которые лежат в основе всех психических и поведенческих феноменов (и симптомов), на основе наблюдений других людей посредством «тела и с помощью чувств»*. Именно этим

[1] Платон. Диалоги. М., 2007. — С. 51.

тезисом можно было бы обосновать появление такого направления, как «интроспективная психология», считающая сознание сугубо психическим феноменом, познание которого возможно только путем самонаблюдения, и признающая, что *психические явления в целом познаются принципиально иным путем, чем материальные*. В советский период это направление именовалось не иначе как «реакционным» или «буржуазной философией» и фактически было вычеркнуто из перечня возможных методов исследования и направлений развития психологии и психотерапии.

Платон

Конечно, приведенная цитата и авторитет Сократа не могут быть использованы как доказательство некой особой «души» уже хотя бы потому, что и доказательство обратного, в принципе, столь же нереально. Но хотел бы все-таки зародить у читателя сомнение относительно того, что познание мира *принципиально иным (внечувственным)*[1] *путем*

[1] Внечувственное познание в философии обозначается термином «трансцендентное» (от лат. *transcendo* — переступать), которым описывается (в противоположность имманентному) то, что находится за границами сознания и познания. Этот термин имеет важное значение в философии Канта, который считал, что познание человека не способно проникнуть в трансцендентный мир, мир «вещей в себе». Одновременно с этим Кант утверждал, что поведение человека диктуется трансцендентными нормами (свободной волей и бессмертной душой).

невозможно. И поэтому приведу еще одну цитату Сократа из «Федона», но предварительно напомню, что в то время, когда жили Сократ и Платон (IV век до н. э.), господствовали представления о Земле как о центре вселенной — некой тверди, вокруг которой вращаются солнце, луна и звезды. Птолемей (87–165) — автор геоцентрической картины мира, родился только в конце I в. н. э., а автор гелиоцентрической системы мира Николай Коперник (1473–1543) — только в XV веке.

А теперь обещанная цитата: «...Земля, если взглянуть на нее сверху, похожа на мяч ...пестро расписанный разными цветами. Краски, которыми пользуются наши живописцы, могут служить образчиками этих цветов, но там вся Земля играет такими красками, и даже куда более яркими и чистыми. В одном месте она пурпурная и дивно прекрасная, в другом золотистая, в третьем белая — белее снега и алебастра; и остальные цвета, из которых она складывается, такие же, только там их больше числом и они прекраснее всего, что мы видим здесь. И даже самые [глубокие] ее впадины, хоть и наполнены водою и воздухом, окрашены по-своему и ярко блещут пестротою красок, так что лик ее представляется единым, целостным и вместе нескончаемо разнообразным»[1]. Чтобы сравнить, можно посмотреть оригиналы или хотя бы репродукции фото, которые впервые были сделаны из космоса только через 2000 лет. И подумать — откуда у Сократа это знание?

Представления Платона современным, воспитанным на материалистических гипотезах читателям, скорее всего, покажутся странными. Например, на вопрос о том, как верно следовало бы понимать, что такое Солнце, Земля, Луна или

[1] Платон. Диалоги. М., 2007. — С. 54.

звезды, Платон отвечает, что было бы наивно сводить их только к неким материальным объектам. Эти объекты могут только принять движение, но не являются его источником. Источник движения вне их, и именно этот источник Платон называет душой. Это, конечно, слишком примитивное объяснение. И мои рассуждения вовсе не преследуют цель доказательства идей Платона. Здесь формулируются лишь сомнения о несводимости всего многообразия душевных процессов к тому, что мы именуем психическим и мозгом, и надеюсь, никто не подумает, что когда мы говорим о душе, речь идет о неком благообразном старце с нимбом над головой, сидящем где-то на небесах.

В свое время мне достало смелости спросить искренне уважаемого мной преподавателя философии профессора В. П. Петленко, как можно объяснить то, что материя вечна и неуничтожима (а только переходит из одних форм ее существования в другие), а сознание появляется только на каком-то «этапе» этой вечности? Не логичнее ли было бы исходить из того, что если материя вечна, то и сознание вечно? Виктор Порфирьевич ответил, что это очень сложный вопрос, поэтому лучше доверять авторитетам, и затем сослался на Энгельса и его подход к «основному вопросу философии» (в тот период — «единственно верной» — марксистско-ленинской): «материя — первична, сознание — вторично». Должен признаться, молодого студента авторитетное мнение не сильно убедило. И найти какие-либо веские или хотя бы обычные логические доказательства этого авторитетного мнения мне так и не удалось.

В заключение этого раздела добавлю, что мне также достаточно симпатичная идея Платона о том, что познание — это прежде всего работа души или процесс воспоминания душой уже имеющихся знаний, а задача обучения состоит вовсе не в

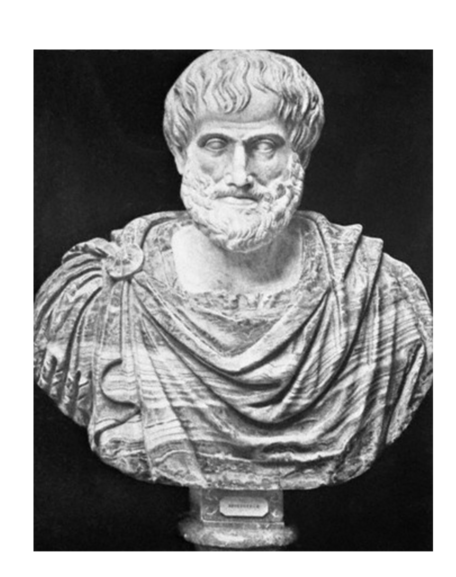
процессе вкладывания каких-то знаний в голову ученика, а в пробуждении его души. Можно только сожалеть, что современная педагогика лишь декларирует последнюю идею или воспринимает ее сугубо метафорически.

От Аристотеля (ок. 384–322 до н. э.) нас отделяет почти 24 века, но мы до сих пор перечитываем и цитируем его мысли и идеи. Он родился в семье врача, придворного медика царя Македонии. Значительную часть (почти двадцать лет) своей жизни Аристотель посвятил учебе и преподаванию в Академии Платона в Афинах, а затем был приглашен в качестве воспитателя к сыну царя Филиппа II — будущему Александру Великому.

Можно было бы начать этот раздел и с более ранних источников, но в своем трактате «О душе» Аристотель, хорошо знакомый с представлениями предшественников и последователей Сократа, подробно анализирует и обобщает их, во всяком случае — применительно к предмету нашей дискуссии. В этом трактате, утверждая, что исследования души должны всегда быть приоритетными (а мы вообще вычеркнули эту проблему из числа актуальных, положившись на Энгельса), Аристотель еще в первой главе первой книги пишет: «Добиться о душе чего-нибудь достоверного во всех отношениях, безусловно, труднее всего»[1]. Далее автор отмечает, что «в большинстве случаев, очевидно, душа ничего не испытывает без тела и не действует без него», но тем не менее Аристотель соглашается с большинством упомянутых выше философов древности, что сама душа определяется признаком «бестелесности» (она не «есть некая пространственная величина»), а в отношении познания душевных процессов нужно исходить из принципа, что «подобное познается подобным», что еще

[1] Аристотель. О душе. М., 1995. — С. 118.

раз возвращает нас, как оказалось — к известному с незапамятных времен тезису о приоритетах интроспективной психологии и познания всей гаммы человеческих чувств и переживаний на основе самонаблюдения и эмпатии.

Аристотель

Аристотель считал нелепым то, что некоторые «философы связывают душу с телом и помещают ее в него», но в то же время признавал, что душа движет живыми существами, но движет именно мыслью. Характеризуя это как наиболее сложный для понимания вопрос, автор поясняет его дополнительно: «Мы говорим, что душа скорбит, радуется, дерзает, испытывает страх, далее, что она гневается, ощущает, размышляет» (все это кажется действиями или движениями, и даже в современном языке имеются вербальные штампы о «движениях души». — *М. Р.*). Но Аристотель далее добавляет: «Между тем сказать, что душа гневается — это то же [самое], что сказать — душа ткет или строит дом»[1]. То есть, когда говорят, что человек совершает какие-то душевные усилия или движения — это неверно; само движение, по Аристотелю, не находится в душе, «оно то доходит до нее, то исходит от нее; [также] как восприятие от каких-то вещей доходит до нее, а воспоминание — от души к движениям или их остаткам в органах чувств»[2]. Еще несколь-

[1] Аристотель. О душе. М., 1995. — С. 121.
[2] Там же. — С. 123.

ко цитат со связками и комментариями. Ум человека, по представлениями Аристотеля, является некоторой сущностью, которая появляется «внутри» [тела], а «старение происходит не оттого, что душа претерпела какое-то изменение, а оттого, что претерпело изменение тело»; способность к мышлению с возрастом слабеет, но лишь тогда, «когда внутри разрушается нечто другое, само же мышление ничему не подвержено. Размышления, любовь или отвращение — это состояния не ума, а того существа, которое им обладает... Вот почему когда это существо повреждается, оно не помнит и не любит: ведь память и любовь относились не к уму, а к связи [души и тела], которая исчезла»[1].

Еще раз обратим внимание на представления Аристотеля о «связях души и тела», идеального и материального, а также на тезис о том, что «подобное познается подобным». И добавим, помня сноску о Канте и трансцендентном, что философский дуализм, то есть признание равноправия идеального и материального, никогда не был опровергнут, он был просто «отброшен».

Параллельно с этими представлениями философов существовали и развивались материалистические гипотезы, которым вначале мы обязаны исключительно врачам.

Великие врачи: Гиппократ, Гален и Авиценна

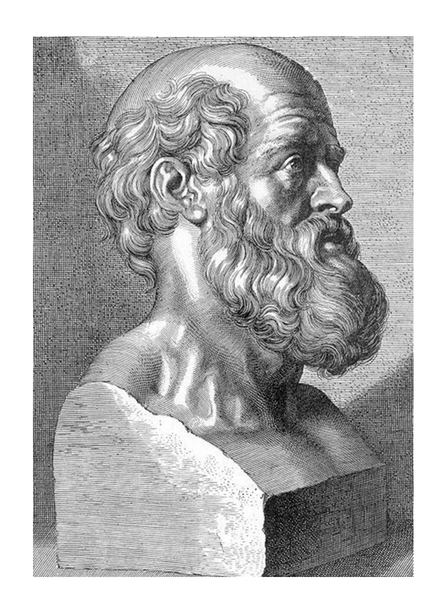
Выдающийся врач Гиппократ (460–377 до н. э.) жил раньше Платона и Аристотеля и, по преданиям, принадлежал к восемнадцатому поколению династии врачей, притязавших на то, что они ведут свой род от самого Асклепия, воспетого Гомером. Уже в двадцать лет он был посвящен в жрецы, что было обязательным условием врачебной деятельности.

[1] Аристотель. О душе. М., 1995. — С. 123.

Его другом был Демокрит, которому мы обязаны общенаучным принципом причинности и медицинским термином «этиология», обозначающим учение о причинах болезней. Имя Гиппократа почти сразу после его смерти стало «собирательным», и, скорее всего, многие из приписываемых ему сочинений принадлежат его ученикам, а то и вовсе другим авторам (например, Гален признавал подлинными только 11 из 70 сочинений Гиппократа).

Самое удивительное, что, будучи человеком, безусловно, в высшей степени образованным, Гиппократ не так уж много внимания уделял душевным процессам, во многом предопределив на долгие века основы узкомедицинского подхода к любым проявлениям нездоровья, строго говоря — независимо от их этиологии — соматической или психогенной.

Хотя школе Гиппократа и приписывается один из классических принципов медицины: «Лечить не болезнь, а больного», — основное внимание в разработке диагностики и лечения уделялось «природе тела», на которое оказывают воздействие внешние (ветер, холод и т. д.) и внутренние факторы, среди которых самыми значимыми считались желчь и слизь. Психогенные факторы в качестве самостоятельных Гиппократом не рассматривались. Воздух оценивался им как сила, которая поддерживает связь организма с миром и приносит в него разум, но вместилищем самих психических функций в системе Гиппократа уже однозначно становится головной мозг. Эта идея не принадлежала Гиппократу — впервые она была сформулирована до него Алкмеоном Кротонским, который, отталкиваясь от своей хирургической практики, пришел к выводу, что мозг — есть орган души. Как в представлениях Гиппократа уживались идеи о том, что разум в организм приносится с воздухом, а вместилищем всех психических функций является мозг (при такой

Гиппократ

логике скорее надо было бы подумать о легких) — мы не знаем.

Еще совсем недавно уже наши современники отдавали Гиппократу приоритеты открытия темпераментов, упоминали его заслуги по очищению медицины от ложных философских теорий, находили у него первые проявления психосоматического подхода — вряд ли все это так уж заслуженно. Гиппократ был, безусловно, выдающимся врачом-практиком, но его знания об анатомии были весьма ограниченными, тем более что вскрытие в этот период времени было запрещено, аналогичными были и знания по физиологии, а что касается психологии, даже с точки зрения приписываемой ему теории темпераментов, то и это знание было, скорее всего, приобретением более позднего времени. Все врачи до настоящего времени принимают «клятву Гиппократа», но и ее авторство является сомнительным, что ничуть не умаляет ее высокого содержания и значения этого ритуала вхождения в профессию.

В отличие от Гиппократа, которого отец с раннего детства приобщал к медицине и «изучению болезней тела», его выдающийся последователь Клавдий Гален (130–200 гг. н. э.) родился в семье архитектора и начал свое образование с философии, что внесло определенные различия в мировоззрения этих двух выдающихся личностей. Медицина

стала вторым увлечением Галена, а его практика в качестве врача гладиаторов предоставила огромные возможности для исследования анатомии и физиологии человека и животных, погибших на арене. Его научные труды, большая часть оригиналов которых погибла при пожаре в книгохранилище храма Мира в Риме, тем не менее на протяжении 14 веков (вплоть до создания анатомии Андреаса Везалия) изучались в списках и были основными пособиями для нескольких десятков поколений будущих врачей. Гален описал и дал названия многим костям, мышцам и суставам, описал зрительный нерв, выделил чувствительные и двигательные нервы, доказал, что по артериям течет кровь (до него считалось, что они наполнены воздухом), ему же мы обязаны появлением «галеновых препаратов», рецептурой «кольдкрема», модификации которого используются в косметологии до настоящего времени.

Но его главное отличие от великих врачей-предшественников состояло в постулате об особой «душевной пневме», которая проникает в тело человека и сообщает ему способность чувствовать и мыслить, что сближает взгляды Галена с представлениями Аристотеля и Платона, хотя Гален формулирует свои идеи более осторожно. Приведем одну из его цитат: «Мы доказали в нашей работе «О догматах Гиппократа и Платона», что головной мозг есть начало всех нервов, всякого ощущения и произвольного движения... ...Многие называют его головным мозгом, подобно тому, как говорят спинной мозг; другие, не называя его головным мозгом, называют его просто мозгом. Но и согласно последним это — смысл слова, а не его название, которое характеризует эту часть; таким образом, то, что высказано нами с самого начала, остается непреложным, а именно что головной мозг не имеет подобного глазам, ушам, языку, легкому и почти всем другим частям спе-

Гален

циального названия, определяющего его сущность. О перечисленных выше частях можно сказать, что орган зрения называется глазом, орган слуха — ухом, то же — и по отношению к каждой из других частей. Но мы не можем сказать, как называется орган, являющийся началом ощущения и движения»[1]. Сравним это высказывание с уже приведенной выше выдержкой из Аристотеля, в которой он утверждает, что движение не находится в душе, «оно то доходит до нее, то исходит от нее; [так же] как восприятие от каких-то вещей доходит до нее, а воспоминание — от души к движениям или их остаткам в органах чувств»[2], и тогда фразу Галена «головной мозг есть начало всех нервов» следовало бы читать как «*только нервов*» (то есть — проводящих путей, центром которых он является). Гален не нашел названия особому органу, где «начинается движение», но мне, как представляется, удалось (с учетом современного уровня знания) сформулировать гипотезу о нем, о чем будет сказано в конце главы.

Авиценна (980–1037) был крупнейшим представителем восточного аристотелизма. Большая часть его жизни прошла в Бухаре, а умер он во время одного из военных походов своего эмира в Иране. Наряду с множеством трудов,

[1] Гален. О назначении человеческого тела. М.: Медицина, 1970. — С. 31.

[2] Аристотель. О душе. М., 1995. — С. 141.

посвященных астрономии, математике, музыке и метафизике, особой известностью до настоящего времени пользуется его «Канон врачебной науки», завершенный в 1020 году. В этом «Каноне...» Авиценна перерабатывает и переосмысливает, безусловно, хорошо ему известные достижения античной медицины. Но в этом переосмыслении уже практически не остается места для душевных процессов, так как мировоззрение Авиценны в этой сфере уже предельно анатомичны. Демонстрируя высочайшую наблюдательность и способность к обобщению, Авиценна дает нам почти классическое описание некоторых психических расстройств, но связывает их исключительно с повреждением тех или иных отделов мозга или с нарушениями обмена жидкостей в теле. Понятие душевных процессов в его мировоззрении практически отсутствует, и это его однозначная позиция. В разделе «Об определении медицины» Авиценна пишет: «Я утверждаю: медицина — наука, познающая состояние *тела* (курсив мой. — *М. Р.*) человека... Здоровье — это способность или состояние, благодаря которому функции органа, предназначенного для их выполнения, оказываются безупречными...»[1]. Психика для Авиценны — это также одна из телесных функций, а ее расстройства — это результат исключительно *физических* повреждений мозга, что подтверждается его, вне сомнения, гениальными (с точки зрения феноменологической психиатрии) описаниями умопомешательства и меланхолии, которые уместно привести почти без сокращений.

Умопомешательство: «Разновидности повреждений, постигающих способности мозга, выясняются и познаются трояким образом. Если ощущения человека остаются неповрежденными и очертания предметов представляются ему наяву

[1] Авиценна. Избранные философские произведения. М.: Наука, 1980. — С. 310.

Авиценна

и во сне правильно, а затем вещи и обстоятельства, которые он видит наяву или во сне и о которых можно рассказать, исчезают и не остаются [в памяти], когда он слышит о них или их наблюдает, значит, у него повреждена память и задняя часть мозга. Если же такого расстройства нет, но человек говорит то, чего не следует говорить, остерегается того, чего не следует остерегаться, одобряет то, чего не следует одобрять, надеется на то, на что не следует надеяться, требует того, чего не следует требовать, делает то, чего не следует делать, и не может обдумывать того, что требует размышления, значит, повреждена способность мыслить и средняя часть мозга... ...Причины всех этих [повреждений] могут корениться либо в самом мозгу, либо в другом органе; иногда она [исходит] извне, как, например, при ударе или падении»[1].

Меланхолия: «Меланхолией называют уклонение мнений и мыслей от естественного пути в сторону расстройства, страха и порчи вследствие черножелчной натуры, которая угнетает пневму мозга своей темнотой и беспокоит ее, как угнетает и устрашает внешняя темнота; к тому же холодная и сухая натура неприятна пневме и ослабляет ее, тогда как горячая и влажная натура, как, например, натура вина, ей

[1] Авиценна. Избранные философские произведения. М.: Наука, 1980. — С. 311.

Гален, Гиппократ, Авиценна. Гравюра из медицинского учебника XVI века

приятна и ее укрепляет. Когда меланхолия сочетается с раздражением, нападением [на людей] и злобностью, то она называется манией, а меланхолией [в собственном смысле] называют только [болезнь], возникающую от несгоревшей черной желчи»[1]. Хотя Авиценна и упоминает здесь галенову «пневму», у него это понятие носит уже почти исключительно декоративный характер.

Даже немного странно, что Авиценну совершенно не занимает вопрос: «А кто сказал или кем предписано: чего не следует говорить, чего не следует остерегаться или одобрять, на что не следует надеяться, чего не следует делать и т. д.?». Задавая такие вопросы, мы тут же обращаемся к понятию духовной культуры, которая всегда принадлежит конкретной эпохе и вряд ли может соотноситься с какой-либо мозговой

[1] Там же. — С. 327

структурой, апеллируя, скорее, к социально обусловленным представлениям о психической норме. Невольно хочется предположить, что его служба то в качестве личного врача, то в качестве визиря могущественных и авторитарных эмиров наложила определенный отпечаток на его мышление и отношение к предмету познания, где представления о том, «как должно» поступать или думать, оказались безусловно преобладающими.

Из чего исходили врачи — и древности, и современности? Из их анатомического, хирургического и физиологического опыта: повреждение мозга (физическое или химическое) приводило к тем или иным нарушениям функций. Но доказательность этих наблюдений достаточно шаткая. Несколько упрощая, это доказательство примерно такого же рода, как если бы телемастер, демонстрируя повреждение звукового блока или развертки изображения, убеждал нас, что все программы передач генерируются внутри телевизора.

В дополнение к уже сказанному необходимо еще раз пояснить: то, что мной так много внимания уделяется представлениям выдающихся мыслителей о душе, имеет веское моральное основание: еще совсем недавно при изложении их философского наследия все это опускалось как не представляющее интереса или ошибочное, в итоге эти гении, не упоминать которых было невозможно, чаще всего подавались чуть ли не как первые материалисты, что, конечно же, обедняло наши представления о познании душевной жизни и поисках истины.

Заключение

Мы могли бы обратиться еще к философу Августину (354–430) и его сочинениям «О бессмертии души» и

«О количестве души»; к выдающемуся врачу Парацельсу (1493–1541), которого считают основоположником современной гомеопатии и фармакологии («Все — яд, все — лекарство; то и другое определяет доза»), одновременно отдавая дань его представлениям о человеке как существе, принадлежащем Вселенной и лишь отражающем ее в своем микрокосме; к сомневающемуся во всем математику, философу и физиологу Рене Декарту (1596–1650), предложившему «лучший путь познания природы души и ее отличия от тела» и, как он считал, доказавшему существование Бога. Декарту мы также в первую очередь обязаны понятием рефлекса и моделью организма как «машины», что нашло свое развитие в работах И. М. Сеченова и И. П. Павлова. Нам, возможно, следовало бы обратиться также к Францу Антону Месмеру (1734–1815) и его «животному магнетизму», последователи которого до сих пор успешно практикуют лечение методом «наложения рук», а также рекламируют и продают магниты от всевозможных болезней. Нам, конечно, не следовало бы обходить вниманием Георга Фридриха Вильгельма Гегеля (1770–1831) и его «Феноменологию духа», главной в которой была идея Абсолюта. Стоило бы остановиться и на его идее диалектики науки, которая, по мнению Гегеля, проходит три стадии: тезис (античность) — антитезис (Средневековье) и синтез (двух первых) в Новое время. Эта тема особенно интересна, так как «Новое время» явно завершилось, и, может быть, как раз сейчас имеет смысл снова вернуться к «тезису». В целом, все изложенное и является такой попыткой. Но бесконечное расширение этого раздела вряд ли внесло бы в него нечто существенно новое.

Идеи о душевной жизни и мозге неоднократно трансформировались за последние две тысячи лет. Более того,

можно признать, что чем дальше (точнее — чем ближе к современности), тем более явно становится то, что эти идеи излагаются все более туманно, расплывчато и неконкретно, удаляясь от основного вопроса, который просто растворяется в дискуссии. Обращаясь к античному знанию, не могу справиться с соблазном процитировать сравнительную оценку этого знания относительно современности, которую дает Гегель: «Античная добродетель имела свое определенное несомненное значение, ибо у нее была своя наполненная содержанием основа...»[1]. В отличие от этого современная добродетель (включающая и знание) Гегелем характеризуется как «пустота риторики, борющейся с общим ходом вещей... путем нового нагромождения фраз»[2]. И далее он пишет: «В ничтожестве этой риторики, хотя и бессознательно, убедилась, по-видимому, образованность нашего времени, так как все нагромождения этих фраз и манера чваниться этим потеряли всякий интерес, и это выражается в том, что они наводят только скуку»[3].

На протяжении трех последних столетий, в процессе борьбы не столько с религиозными представлениями, сколько с властью церкви, постепенно заменив ее новой властью и своеобразной светской теологией в форме «научного материализма» (вызывающего сомнение, как и любая «истина в последней инстанции»), мы почти утратили высокие представления о душевной жизни человека, сведя ее к неким мозговым механизмам.

Это прозвучит не слишком убедительно, но хотел бы выразить предчувствие, что со временем эта особая роль мозга будет пересмотрена и в новой системе представлений

[1] Гегель, Г. Ф. В. Феноменология духа. М.: Наука, 1992. — С. 112.
[2] Там же. — С. 97.
[3] Там же. — С. 118.

ему будет отведена более скромная, но не менее значимая роль — связующего звена между идеальным и реальным или, выражаясь современным языком — биологического интерфейса[1]. И надеюсь, что эта идея стимулирует качественно новые научные подходы как в психиатрии, так и в психотерапии. Добавлю, что эта идея не отменяет, а лишь дополняет современную концепцию о головном мозге как центральной и интегрирующей части всей нервной системы.

Почти уверен, что кто-то из коллег обвинит меня в богоискательстве, кто-то — в уходе в мистику. Ни то ни другое мне не близко. Критика, безусловно, должна быть, но было бы еще лучше, если бы появилось убедительное экспериментальное подтверждение той или иной точки зрения. А пока этого нет, у меня остается право сомневаться в небезупречности современных попыток однозначного определения — что же есть истина?

[1] Интерфейс — любое устройство, связующее две системы. В этом смысле вожжи являются интерфейсом для кучера и лошади, клавиатура и экран ПК — для компьютера и пользователя и т. д.

Лекция 2

Методологические коллизии психиатрии

Реформы и развитие научных идей

К настоящему времени существует не так много работ по истории развития представлений о психических расстройствах, и одной из самых интересных мне представляется книга нашего соотечественника Юрия Каннабиха[1], где он переосмысливает какое-то из немецких изданий по этой теме.

Эта работа написана вроде бы достаточно простым, но одновременно настолько запутанным и где-то даже витиеватым языком, а автор настолько безапелляционно обосновывает свою строго материалистическую позицию, что при вдумчивом прочтении начинаешь сомневаться — а действительно ли он так думал или все это было данью далеко не безопасному времени 30-х годов XX века, когда книга впервые вышла в свет? В этой главе будет предпринята попытка кратко обобщить основные этапы развития представлений о психике в медицинской науке, но с несколько иной точки зрения.

В отличие от соматической медицины, где однажды установленные научные факты и истины иногда оставались

[1] Каннабих, Ю. История психиатрии. — М.: ЦТР МГП ВОС, 1994.

неизменными на протяжении столетий, представления о психическом постоянно пересматривались, отражая специфику мировоззрения конкретной эпохи. Зародившись в недрах философии, это мировоззрение, кроме того, систематически корректировалось с учетом развития пограничных областей знания, в частности — физики, биологии, физиологии, психологии и социологии, но в целом оно до настоящего времени остается неопределенным.

Исследование основных этапов и исторической преемственности идей о психике и психопатологии следовало бы начать с древнейших времен, но мы обратимся к тому периоду, который обычно именуется научным и простирается до современной эпохи, которую в психиатрии общепризнанно связывают с именем Эмиля Крепелина. Хотя усилиями Крепелина психиатрия была введена в систему биологических наук, доказательства этого, как уже отмечалось в «Предуведомлении», по-прежнему далеко не бесспорны. Саму же историю психиатрии целесообразно разделить на две большие части, одна из которых связана с реформами в содержании душевнобольных (и вряд ли может рассматриваться как раздел медицинской науки), а вторая — с развитием научных идей, хотя здесь было бы целесообразно процитировать Ю. Каннабиха, который весьма красноречиво именует их «научно-идеологическими построениями теоретической психиатрии»[1]. Именно эти построения и составят основной предмет нашего исследования.

Научный период развития психиатрии (истоки которого можно проследить вплоть до греко-римской медицины VII–VI веков до н. э.) связывается с первыми попытками рассматривать душевные расстройства как явления есте-

[1] Там же. — С. 18.

ственного (говоря современным языком — биологического) происхождения и постепенным переходом к общественному призрению душевнобольных. Понадобилось почти два с половиной тысячелетия, прежде чем в XVIII веке окончательно сформировались представления о необходимости заменить это общественное призрение вначале принудительной, а затем принудительно-добровольной госпитализацией, которая соединяла в себе элементы медицинского и полицейского характера, включая (без преувеличения) тюремный режим содержания с кандалами и якобы медицинскими процедурами, мало отличающимися от средневековых пыток. Окончание этой эпохи связано с именем великого гуманиста и врача Филиппа Пинеля, который первым (с разрешения Конвента революционной Франции) снял кандалы с психиатрических больных, что нашло отражение в истории как «идея нестеснения». Тем не менее физическое насилие «в интересах пациентов» допускалось еще долго, и можно признать, что оно допускается и сейчас, ибо нет никаких иных научных обоснований или объяснений применения электросудорожной терапии (ненаучные имеются[1]). XIX век в истории психиатрии обычно обозначают как эпоху Джона Конолли — английского врача, который первым высказался за полную отмену насильственных методов обездвиживания его пациентов, что было обозначено как «идея неограниченной свободы психиатрических больных». К концу XIX века появляется еще одна революционная идея ухода за душевнобольными — постельный режим.

Повторим, что в целом все эти революционные преобразования имеют не такое уж существенное отношение к медицине, скорее — это гуманитарные или социальные ре-

[1] Более подробно об этом см.: Решетников, М. Психическая травма. СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2006. — С. 212.

формы. Хотя медицинские аспекты проблемы также постепенно развивались: благодаря развитию алхимии появились успокаивающие отвары, препараты серы и ртути, спиртовые настойки валерианы, затем морфин и, наконец, в середине XX века — транквилизаторы. Последние знаменовали новую эпоху в развитии психиатрии — появление психофармакологии, победное шествие которой вряд ли когда-либо остановится. Ее реальные и мнимые успехи тиражируются многомиллиардными рекламными компаниями, и сейчас уже мало кто вспоминает, что один из первооткрывателей транквилизаторов Анри Лабори позднее признал, что он изобрел всего-навсего «химическую смирительную рубашку»[1].

Самое удивительное, что социальные реформы в психиатрии (реализуемые законодательно), развитие психофармакологии (как химии и биохимии) и представлений о психических расстройствах (как гуманитарной сферы) на протяжении всех последних столетий шли некими параллельными (почти не пересекающимися) путями, хотя и предпринималось множество попыток связать эти три направления. В этом разделе мы попытаемся проследить развитие представлений о психических расстройствах и выявить их проекции в современное мировоззрение.

Античность[2]

Агрессивное и неадекватное поведение связывалось в этот период преимущественно с одержимостью злыми духа-

[1] Цит. по: Roudinesco, E. Why psychoanalysis. — N-Y.: Columbia University Press, 2001.

[2] Античность (от лат. *antiquus* — древность) — обозначает совокупность исторических форм общественного сознания, религии, науки и искусства преимущественно в Древней Греции и Древнем Риме в период с X века до н. э. по V век н. э., когда сформировались мировоззрение и ценности, которые во многом определили последующее развитие одной из мировых культур, получившей название европейской.

ми. Этим же фактором объяснялись случаи эпидемического распространения бредовых идей, а также такая «священная» болезнь, как эпилепсия, по модели которой было построено множество гипотез о психическом расстройстве. Одна из первых (дошедших до нас) таких гипотез принадлежит «отцу истории» Геродоту[1]: «Дух не может быть здоров, если тело больное»[2]. С этим трудно согласиться, так как большинство долго практикующих врачей не раз встречали пациентов тяжело больных соматически без каких-либо признаков психических расстройств. Уместно сразу напомнить, что после длительного исторического периода, в течение которого эпилепсия рассматривалась исключительно в качестве психической болезни, в настоящее время она при всеобщем согласии «перекочевала» в неврологию, а учитывая, что в основе ее патогенеза лежат органические причины (поражение ткани мозга), это следует признать абсолютно закономерным и естественным, хотя (вторичные) интеллектуальные и эмоциональные нарушения при этом заболевании также присутствуют.

В качестве еще одной существенной причины психических расстройств (кроме одержимости духами и болезней тела) уже в то время признавалось пьянство, и все эти причины позволяли объявлять виновниками их психического неблагополучия самих страдальцев и, как следствие, заключать их в колодки, изолировать, изгонять из городов и побивать камнями. Обвинение в помешательстве наряду с его постыдностью становится уже в античное время достаточно распространенным способом избавления от соперников (в политике, претензиях на наследство или даже на трон). Однажды сограждане обвинили в помешательстве уже упомянутого

[1] Геродот (между 484 и 425 гг. до н. э.) — древнегреческий историк.

[2] Геродот. История в 9 книгах. — М., 1888. Т. 1. — С. 99.

выше автора принципа причинности Демокрита, а учитывая его общепризнанную славу, для подтверждения общественно вынесенного диагноза был приглашен сам Гиппократ, который засвидетельствовал, что Демокрит отличается вполне здоровым и ясным умом, чего нельзя сказать о его согражданах. Этого авторитетного мнения, к счастью, оказалось достаточно. Но заметим, что принцип авторитетности мнения и ситуационности решения при вынесении психиатрического диагноза действует по настоящее время[1].

Хотя решение основного вопроса философии всегда было в ведении мыслителей, следовало бы признать, что именно врачи внесли самый большой вклад в обоснование научного материализма, последовательно отстаивая идею, что причины поведения как здорового, так и страдающего психическим расстройством человека связаны с состоянием его тела, а уже позднее (скорее всего — после Гиппократа) стало как бы общепризнанным, что мозг и есть тот орган, с помощью которого осуществляется познание мира и приспособление к нему. «Надо знать, — пишет Гиппократ, — что, с одной стороны, наслаждения, радости, смех, игры, а с другой стороны, огорчения, печаль, недовольства и жалобы — происходят от мозга... От него мы становимся безумными, бредим, нас охватывает тревога и страх...»[2] Заметим, что кроме утверждения и авторитета автора никакой доказательной базы не

[1] Многим специалистам хорошо известны такие случаи, а самой демонстративной является одна из недавних (принадлежащих уже XXI веку) ситуаций, когда молодому человеку (после обвинения в убийстве сестры и полученного в результате психологического давления и физического насилия «признания») одним из ведущих институтов страны был установлен диагноз шизофрении, после чего он в течение нескольких лет подвергался принудительному лечению в клинике строгого режима, а после случайно выявленной невиновности этот диагноз был снят тем же авторитетным институтом. Конечно, можно допустить, что таким образом психиатры пытались хоть как-то защитить несчастного юношу от неизбежного тюремного заключения.

[2] Гиппократ. О природе человека, М.: 2007. — С. 78.

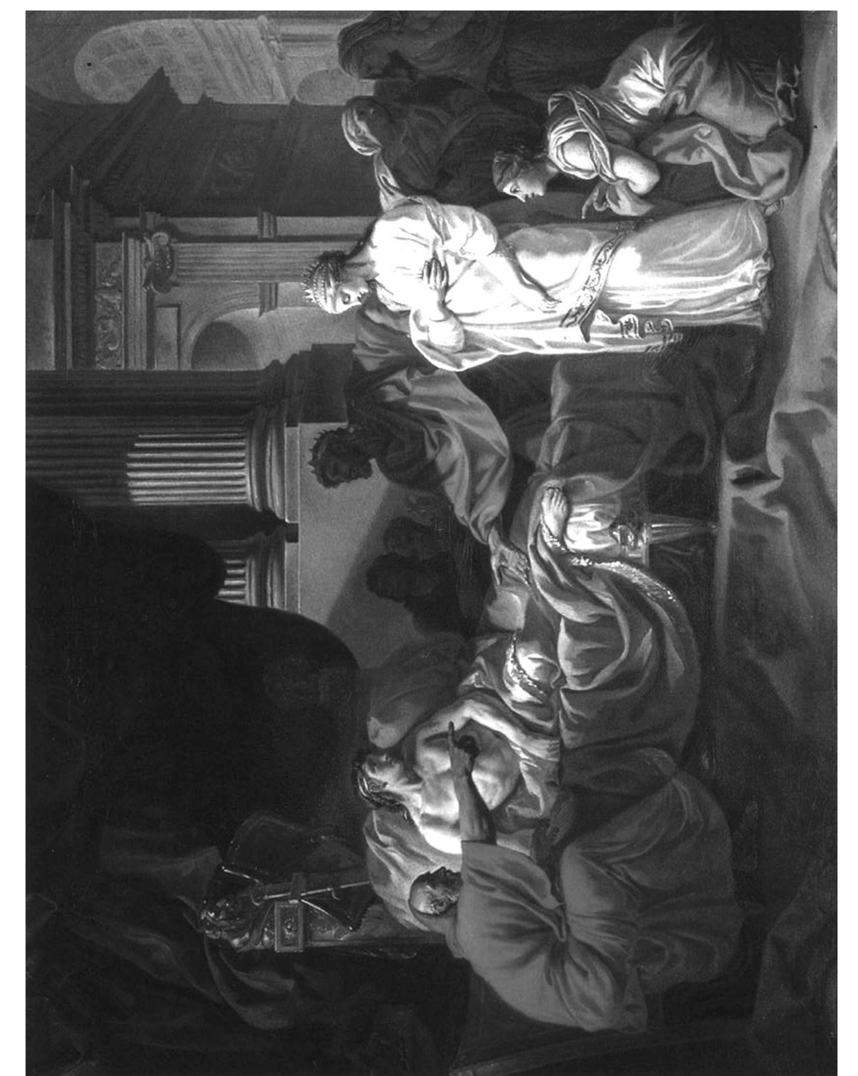
приводится, но с этого момента идея о том, что психическое расстройство, как и все другие болезни, имеет свою анатомическую локализацию, уже не подвергается сомнению. Это надо, выражаясь языком Гиппократа, «просто знать».

Гиппократу принадлежит также гипотеза об основных четырех жидкостях (крови, слизи, желтой и черной желчи), соотношение которых в организме определяет здоровье или болезнь. И хотя сейчас мы уже давно знаем, что это не так, а черной желчи — вообще не существует, эта гипотеза, получившая в Новое время наименование «гуморальной теории», по-прежнему активно используется не только в соматической медицине, где она, безусловно, адекватна, но и при объяснении психопатологии, например, составляет теоретический базис биохимической гипотезы о серотонине в этиологии, патогенезе и терапии депрессий.

Древнегреческий анатом и хирург Герофил[1] был одним из первых, кто начал производить вскрытия умерших и затем постулировал, что головной мозг является центром всей *нервной системы*, и против этого, с учетом всех достижений современной науки, никто не будет возражать. Так что — не все постулаты ошибочны. Хотя их вольная интерпретация и расширение нередко приводили к качественно иным выводам. Например, современник Герофила Эрасистрат[2], исходя из того же тезиса о центральной нервной системе, предложил анатомический метод определения ума и способностей чело-

[1] Герофил — выдающийся анатом древности (ок. 300 до н. э.), современник Александра Македонского, внук Аристотеля. Первым разработал учение о пульсе и начал изучать анатомию вначале на трупах, а затем и на живых преступниках. Из его сочинений сохранились только отрывки и комментарии на «Афоризмы» Гиппократа.

[2] Эрасистрат — греческий врач, современник Герофила, точные даты жизни также неизвестны. Считается основателем особой медицинской школы, называвшейся по его имени. Он предполагал, что в теле человека главными являются два элемента: жизненный дух и кровь. Из его сочинений сохранились лишь немногие отрывки, преимущественно в пересказе — у Галена.

Жак Луи Давид. Антиох и Стратоника

века, мерой которых считал площадь поверхности головного мозга и глубину извилин. Через столетия эти идеи еще раз возродятся в представлениях о френологии. Тем не менее Эрасистрат был также предтечей современных детекторов лжи и психологических подходов к этиологии и терапии депрессий. По преданию, когда он был приглашен для консультации к сыну сирийского царя Антиоха, медленно угасавшему от тяжелой депрессии, Эрасистрат заподозрил, что причиной страдания является тайная любовь, и, положив свою руку на сердце царевича, попросил, чтобы все живущие во дворце женщины по очереди приближались к больному. Когда к пациенту подошла молодая мачеха юноши Стратоника, врач ощутил учащение сердцебиения, на основании которого подтвердил свой предварительный «диагноз», о чем он сообщил царю. Антиох, хотя и слыл тираном, проявил великодушие и отдал Стратонику в жены своему сыну. Сцена постановки диагноза стала впоследствие популярной темой живописных полотен.

Наиболее известным (с точки зрения психиатрии) римлянином был Авл Корнелий Цельс[1]. Его врачебное образование подвергалось сомнению, но он оставил огромное энциклопедическое наследие по современному ему знанию, в том числе — по медицине. В качестве общего наименования для всех видов психических расстройств Цельс вводит термин «паранойя» (другие авторы приписывают ему термин «делирий»), которому в современном русском языке соответствует недифференцированное определение «сумасшествия»

[1] Цельс Авл Корнелий (ок. 25 до н. э. — ок. 50 н. э.) — римский философ и врач. Оставил после себя около 20 книг по философии и медицине. В психиатрии известен как автор термина «делирий» (*delirium* — лат. безумие, помешательство) — синдром помрачения сознания с зрительными галлюцинациями, бредом и психомоторным возбуждением, нарушением ориентировки во времени и месте). За чистоту и изящество языка Цельса называли Цицероном среди врачей.

или «умопомешательства». Цельс выделял три вида безумия: френит[1] — острое расстройство психической деятельности с широким диапазоном клинической картины, от легкого возбуждения и беспричинной веселости до глубокой печали, раздражительности и буйства; в качестве второго описывается меланхолия — которая овладевает человеком на длительное время и проявляется преимущественно в постоянной печали; и самый неблагоприятный третий вид, когда у человека возникают обманы восприятия и ложные мысли. «Лечение» состояло в связывании больных (при необходимости), уговорах, а если последние не помогали, предписывалось бить их плетками, морить голодом, назначать рвотные средства (а в случае отказа от приема лекарства подмешивать его в хлеб). Предполагается, что многие из описываемых Цельсом подходов были заимствованы у римского врача (грека по происхождению) Асклепиада (128–56 гг. до н. э.), о котором Цельс отзывался исключительно в восторженных выражениях, хотя, по дошедшим до нас сведениям, Асклепиад рекомендовал как раз избегать насилия и лекарств, предпочитая назначать массаж, гимнастику, длительные прогулки, путешествия, терапию музыкой и сбалан-

Цельс

[1] Френит (от греч. «дух», «сердце», «ум»— *phren*) — душевная болезнь, синонимы — френезия, френолепсия, термины использовались еще в XIX веке для обозначение психических расстройств, возникших при лихорадочных состояниях.

сированным питанием; он считал устаревшими рекомендации Гиппократа о необходимости периодического очищения организма с помощью рвотных и слабительных; ему же принадлежит тезис о том, что *лечение должно быть безопасным, быстрым и приятным для больного*. Человеческое тело согласно учению Асклепиада состоит из мельчайших невидимых частиц, которые находятся в непрерывном движении. Их свободная циркуляция в организме и является главным условием здоровья, поэтому физическим упражнениям в его терапии уделялось особое место. До нас созданное Асклепиадом учение, получившее наименование «атомистического», дошло благодаря поэме римского философа и поэта Лукреция Кара (I в. до н. э.) «О природе вещей».

В качестве второго памятника греко-римской психиатрии обычно упоминаются сочинения Аретея (I век н. э.), который, не отрицая гуморальной теории Гиппократа, в то же время считал, что психические расстройства могут возникать и сугубо психологическим путем: от какого-либо угнетающего представления или от печальных мыслей, что повторно, уже в Новое время, было обосновано в психоанализе. Во времена Аретея уже использовались настои мака (в качестве успокаивающего и снотворного средства), но одновременно отмечалось, что такое лечение дает только оглушающий эффект, что, в принципе, применимо и ко многим современным психофармакологическим препаратам.

Греко-римский период развития медицины замыкает Гален, о котором мы уже говорили в предыдущей главе. Здесь уместно добавить, что хотя метафизика Галена была весьма противоречивой, в отличие от своих предшественников он был уверен в существовании души и даже выделял три ее различных вида: растительную, чувствующую и рассуждающую, соотнося их с телесными, эмоциональными и интеллектуальными функциями. По мере укрепления позиций

христианской церкви развитие представлений о душевных расстройствах приостанавливается, так как уже к III веку нашей эры религиозные представления о душе становятся официальными, не подлежащими пересмотру и однозначно главенствующими.

Средневековье[1]

Средневековье обычно описывается как достаточно мрачный период истории европейской цивилизации, когда беспрерывные войны, эпидемии, голод и засилье церкви привели почти к полному забвению наук о человеке. Поскольку психические расстройства в это время рассматривались преимущественно как результат одержимости бесами и злонамеренного колдовства, главной задачей становится ограждение здоровой части общества от грешных и опасных душевнобольных, по отношению к которым применялись все более изощренные методы изоляции и воздействия, начиная от пыток каленым железом и кончая сожжением на кострах инквизиции. Небывалый расцвет переживает экзорцизм[2]. Общество было принизано страхом за реальные и мнимые прегрешения, в итоге медицина, в свое время отделившаяся от храмов, вновь вступила в союз с властью (в тот момент — с церковью), что затем случалось с психиатрией еще не раз — практически при всех тоталитарных режимах, будь то коммунизм или фашизм[3].

---

[1] Средневековье обычно делится на несколько периодов, но в целом охватывает период с V по XV век, а отрезок истории с XV по XVII век именуется поздним Средневековьем — кануном Нового времени.

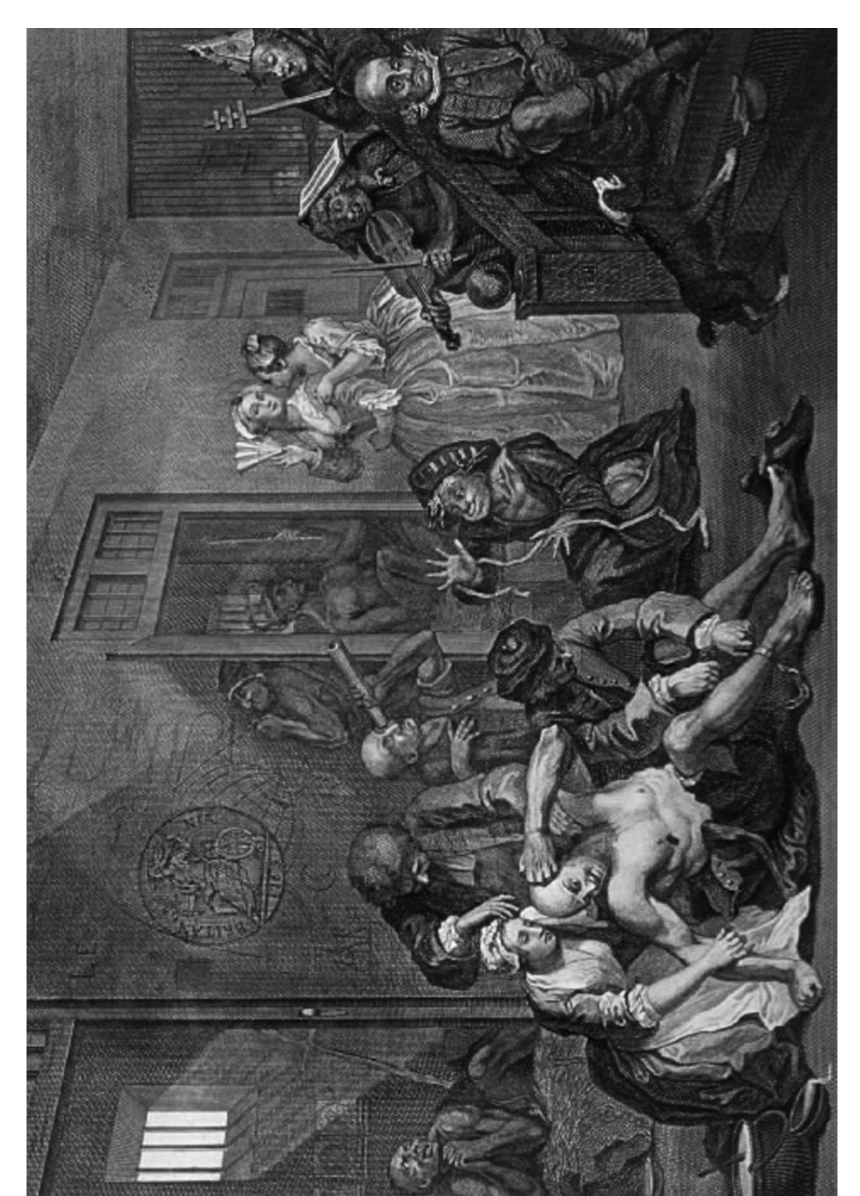
[2] Более подробно об экзорцизме — см. часть II — статью «Одержимость и паранойя».

[3] О «карательной психиатрии» в СССР не писали только самые ленивые. Но не так много известно о психиатрии в фашистской Германии, где производилось массовое уничтожение людей, страдающих психическими расстройствами, а около 60% психиатров состояли в СС и были причастны к самым ужасающим опытам над людьми. После окончания Второй мировой войны предполагалось,

Несмотря на тотальное засилье церкви, противники официальных догм периодически появлялись и в Средние века. В XV веке падуанский профессор Микеле Савонарола (дед более известного проповедника и реформатора Джироламо Савонаролы) решительно осуждал пытки умалишенных и утверждал, что «волчья ярость» буйных является лишь результатом жестокого обращения с ними. Юридические акты позднего Средневековья в целом были не такими уж жестокими: если у страдающего психическим расстройством имелись состоятельные родственники, им предписывалось принять все меры для ограждения безопасности и покоя всех остальных граждан и содержать душевнобольного либо дома, либо у чужих людей (за определенную плату). Пришельцев и чужестранцев препровождали домой. Всем, у кого не было средств и сердобольных опекунов, предназначалось тюремное заключение, к которому могли «приговорить» и отказывающиеся от заботы о страдальце родственники. Но это было уделом преимущественно буйных, а безобидные душевнобольные, дебилы и имбецилы были предоставлены собственной участи — нищих, бродяг и «потешных», и неизвестно, что было лучше — тюрьма или бесконечные издевательства и унижения. Никаких методов лечения, впрочем, как и никаких новых представлений о психических расстройствах, в этот период не предлагалось.

В XV–XVI веках начинают появляться «приюты для беспокойных больных». Одно из первых учреждений такого рода было создано в Англии (в 1402 году) при монастыре ордена Вифлеемской звезды. Искаженное название Бетлемской (т. е. Вифлеемской) больницы, «Бедлам», стало

что эти психиатры также предстанут перед Нюрнбергским международным трибуналом, но усилиями американского психиатрического лобби этого не случилось, так как были опасения, что этот процесс может вылиться в суд над всей психиатрией.

Уильям Хогарт. Вифлеемский госпиталь

впоследствии именем нарицательным, обозначающим и психиатрическую лечебницу вообще, и состояние крайнего беспорядка и хаоса. Режим в этой клинике был достаточно щадящим, некоторым пациентам даже позволялось покидать клинику и бродить по городу. В пьесе У. Шекспира «Король Лир» один из персонажей — Эдгар, сын герцога Глостерского — умышленно принимает образ бедламского нищего, чтобы остаться в Англии, скрываясь от изгнания. Типичный вид средневековой психиатрической клиники достаточно выразительно представлен на картине художника Уильяма Хогарта «Сцена в Бедламе».

Ренессанс[1] и Новое время

Понятием «Новое время» обобщается период истории с 1492 по 1789 год. Критерием этой «новизны» (в сравнении с предшествующей эпохой), по воззрениям гуманистов, был расцвет светской науки и культуры, то есть не столько социально-экономический, сколько духовный и культурный факторы. Однако этот период довольно противоречив по своему содержанию: возрождение культуры и гуманизм в этот период сочетались с массовым всплеском иррационализма и «расцветом» демонологии, более известной как «охота на ведьм», которая во многом определила подходы к психическим расстройствам и отношение к душевнобольным.

Чуть раньше и во многом предопределяя Новое время — в период первого «информационного взрыва» — появляется

[1] Возрождение (Ренессанс; франц. *Renaissance*) — период в культурном и идейном развитии стран Западной и Центральной Европы (в Италии — XIV–XVI вв., в других странах — конец XV–XVI вв.), переходный от средневековой культуры к культуре Нового времени. Отличительные черты культуры Возрождения — антифеодальные в своей основе: светский, антиклерикальный характер, гуманистическое мировоззрение, обращение к культурному наследию античности, как бы «возрождение» его (отсюда и само название этой эпохи).

печатный станок Иоганна Гуттенберга (1440). Колумб открывает Америку (1492), Коперник в 1543 г. пересматривает господствовавшую почти полторы тысячи лет птолемееву геоцентрическую систему мира. Появляется промышленная металлургия, прообраз современных гидроэлектростанций — водяное колесо, начинают добывать и использовать каменный уголь, появляется механика. Это, конечно, далеко не весь перечень выдающихся открытий, но именно в этот период формируются основы европейской цивилизации и нового европейского мировоззрения, которое становится все более технократическим.

Период великих открытий, появления целой плеяды выдающихся ученых и возрождения духовных ценностей не мог не повлиять на представления о психическом. Самым выдающимся врачом этой эпохи считается хирург Андреас Везалий (1519–1564), который, вскрывая трупы, систематизировал и обобщил предшествующие достижения в области анатомии и исправил более 200 ошибок, допущенных Галеном. В 1543 г. вышел его главный труд «О строении человеческого тела», после чего приверженцы средневековой традиции добились изгнания Везалия из Падуи за посягательство на авторитет Галена. Но это было лишь поводом. Главная вина еретика состояла в утверждении, что количество ребер у мужчин и женщин одинако-

Везалий

во (до этого считалось, что у мужчины, как и у Адама, на одно меньше), а это напрямую затрагивало церковное вероучение. Везалий вынужден уехать в Испанию, где становится придворным хирургом, но и здесь инквизиция не оставляет его в покое — за вскрытие трупов его приговаривают к смертной казни, которая, благодаря заступничеству короля, заменяется обязанностью паломничества в Иерусалим, в процессе которого Везалий умер.

В этот период творили множество выдающихся умов: Леонардо да Винчи (1452–1519), Галилей (1564–1642), который после публикации книги «Диалог о двух главнейших системах мира — птолемеевой и коперниковой» также был предан суду и в 1633 году был вынужден произнести отречение от своих трудов, стоя на коленях в той же церкви, где тридцатью годами ранее Джордано Бруно (1548–1600) выслушал свой смертный приговор, вынесенный по совокупности всех его преступления против веры, среди которых фигурировало отрицание непорочного зачатия и чудесных исцелений Христа. Галилею, как известно, повезло больше.

Развитие науки ставит под сомнение целый ряд религиозных догм и естественно, что церковь предпринимает все возможные усилия для сохранения своей материальной и фактически — безграничной духовной власти. Особое место в отношении к страдающим психическими расстройствами занимает папа римский Иннокентий VIII (1432–1492), прославившийся изданием в 1484 года папской буллы о розыске и привлечении к суду людей, добровольно отдавших себя во власть дьявола. В 1487 году два доминиканских монаха опубликовали дополнительное толкование папской буллы «Молот ведьм», где подробно описывалось, как распознавать, изобличать и сокрушать зловредных женщин. Безусловным доказательством греховной связи считалось «чистосердечное признание» обвиняемых, которое добывалось пытками и почти всегда было гарантированным. Истреблялись все неугодные или даже просто привлекательные женщины, и даже высокий статус в церковной иерархии никого не мог защитить. Далеко не молодая настоятельница монастыря Магдалина Круа созналась, что в течение 30 лет находилась в преступной связи с дьяволом, и была предана сожжению. Та же участь постигла 14-летнюю монашенку Гертруду, которая также призналась, что живет с демоном и производит падеж скота. Геноцид против женщин (в некоторых городах сжигали по 10–12 ведьм в день) длился более трех столетий, пока Великая французская революция законодательно не отменила подобные процессы и не признала (специальным декретом от 22.08.1791) одержимых душевнобольными.

Одним из своеобразных противников демонологической интерпретации психических расстройств был уже упомянутый врач и философ Парацельс (1493–1541), который утверждал, что дьявол вселяется только в здорового и разумного человека, а в душевнобольном ему делать нечего. Помешанные — это, по его мнению, просто больные люди, и к ним следует относиться сочувственно, так как такая судьба может постигнуть любого.

Парацельс

Во многом сходных идей придерживался голландский врач Иоганн Вейер (1515–1588), которого можно считать одним из основоположников судебной психиатрии, так как он настаивал на том, что если человек обнаруживает те или иные странности, то прежде чем отправлять его в трибунал, надо проконсультироваться с врачом — здоров ли он. Публично выступая против охоты на ведьм, Вейер утверждал, что обвиняемые в бесовстве женщины являются только жертвами дьявола и поэтому не заслуживают сурового наказания. Ему же принадлежит классификация демонов и инструкции, разъясняющие, как добиться того, чтобы демон служил вызвавшему его человеку, а не наоборот.

Хуан Луис Вивес

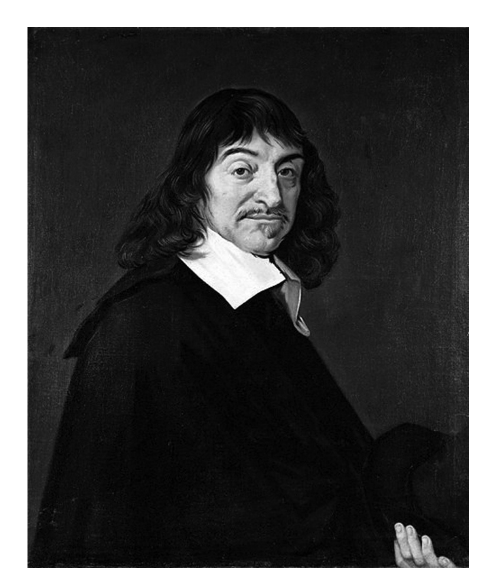
В XVI веке итальянский философ-утопист Томазо Кампанелла (1568–1639) впервые говорит о пороге ощущений как методе исследования чувств, а затем испанский философ Хуан Луис Вивес (1492–1540) заявляет об отказе от попыток понимания, что есть душа, считая необходимым сосредоточиться только на изучении доступных наблюдению ее свойств и проявлений (то есть — телесных проявлений душевных процессов)[1]. *Основное внимание перемещается исключительно к измерениям и рассудочной деятельности, и это составляет качественное отличие новых подходов от всех предшествующих теорий.*

[1] Это можно рассматривать как первое проявление позитивизма в представлениях о психическом. Более подробно к позитивизму мы обратимся в 6-й лекции.

Одновременно развиваются идеи о гуманизации подходов к тем, кто страдает психическими расстройствами, в частности, тот же Вивес писал: «Так как нет ничего в мире совершеннее человека, а в человеке — его сознания, то надо в первую очередь заботиться о том, чтобы человек был здоров и ум его оставался ясным. Большая радость, если нам удается вернуть в здоровое состояние помутившийся разум нашего ближнего. Поэтому когда в больницу приведут умалишенного, то нужно прежде всего обсудить, не является ли это состояние чем-то от природы свойственным этому человеку, а если нет, то в силу какого несчастного случая оно образовалось и есть ли надежда на выздоровление? Когда положение безнадежно, надо заботиться о соответствующем содержании больного, чтобы не увеличить и не углубить несчастья, что всегда случается, если душевнобольных, и без того озлобленных, подвергают насмешкам или дурно обращаются с ними»[1].

В этот же период начинают появляться более близкие к современным классификации психических расстройств. Феликс Платтер (1537–1614) выделяет расстройства внешних ощущений (от анализаторов) и внутренних. К последним он относит рассудок, воображение и память, объединяя их общим наименованием — сознание, а их расстройства описывает в своей классификации как ослабление, усиление, уничтожение и извращение. В рамках этой классификации автором описываются такие нарушения функций сознания, как навязчивые состояния, бред изобретательства, влюбленность и ревность. Платтер, повторяя представления античности, однозначно настаивает на анатомо-клиническом подходе к изучению психических расстройств, а в качестве подтверждающей его гипотезу модели приводит описание психопатологии при

[1] Цит. по: Каннабих, Ю. В. История психиатрии. — Л.: Госмедиздат, 1929. — С. 87.

Рене Декарт

опухоли мозга (что, конечно же, не относится к истинной психопатологии).

В целом, медицинская наука Ренессанса все дальше уходит от представлений о душевных расстройствах и все более сближается с современной ей механикой. Кости рассматриваются как рычаги, мышцы — как приводные ремни, возникают гипотезы о нервной жидкости[1], которая циркулирует, так же как и кровь, по артериям. На этом пути совершается множество великих открытий, главнейшим из которых общепризнано открытие системы кровообращения Уильямом Гарвеем (1578–1658). Но одновременно появляется несколько гениальных заблуждений, которые на столетия вперед определили развитие представлений о психическом. Увлеченный достижениями анатомии и физиологии Рене Декарт пишет в письме своему другу: «Я анатомирую теперь головы разных животных, чтобы объяснить, в чем состоит воображение, память и прочее». Естественно, что Декарту (1596–1659) не удалось найти то, чего и не могло быть в головах животных или человека, но в процессе своих опытов и размышлений он набрел на гораздо более значимую идею — рефлекс, которая не только на несколько столетий определила развитие всей

[1] Выражаясь современным языком, "о нейромедиаторах".

современной науки, включая кибернетику, но и внесла весьма специфический вклад в теоретические подходы психиатрии, психологии и психотерапии.

Надо сразу сказать, что рефлекс — это чисто *биологическое* понятие, которое описывает простейшие ответы организма (тела) на раздражение. Лягушка пытается сбросить пропитанную едкой кислотой салфетку с лапы даже при отрезанной голове. И хотя обычно термин рефлекс употребляется применительно к живым существам, имеющим нервную систему, сейчас известно, что примитивные рефлекторные акты (в частности, реакции избегания) осуществляются уже простейшими (одноклеточными) организмами и даже растениями.

В процессе последующих изысканий было установлено, что регуляция практически всех *физиологических функций* организма, включая движения, химическое и физическое постоянство внутренней среды (гомеостаз), осуществляется рефлекторно. Везде имеются определенные рецепторы — тепловые, тактильные, зрительные, слуховые, вестибулярые, болевые, химические, осмотические и т. д., от которых начинается рефлекторная дуга (ее чувствительная часть) и несет информацию в тот или иной (специализированный) ганглий (скопление нервных клеток), от которого начинается вторая часть рефлекторной дуги, посылающая к мышцам, органам или тканям соответствующие импульсы — команды. На этом же принципе основаны современные противопожарные системы, анализаторы окиси углерода в газовых шахтах и множество других новейших изобретений, включая компьютеры и отвечающих на определенные команды роботов. Это открытие трудно переоценить. Но не будем забывать, что оно применимо почти исключительно к телу, то есть — физическим по своей сути процессам, которые именуются физиологическими лишь в силу своей принадлежности к биологическим системам.

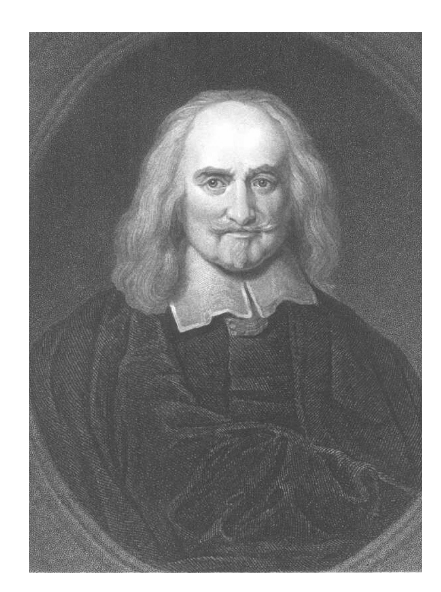
Прежде чем мы пойдем далее, следует обратиться к некоторым принципам философии Декарта, в частности его представлениям о достоверности, которая и есть критерий истины. Но, обратим внимание, как его трактует Декарт: есть то, что уже не нужно доказывать, что ясно само по себе[1]. При таком способе рассуждений очень легко прийти к выводам, которые делает Декарт: организм — это просто хорошо работающий механизм, а живое тело фактически вообще не требует какого-либо вмешательства души; к функциям «машины тела» относятся «восприятие, запечатление идей, удержание идей в памяти, внутренние стремления», которые «совершаются в этой машине как движения часов», что за исключением «внутренних стремлений», в принципе, не вызывает возражений, так как уже давно реализовано в магнитофонах, фотоаппаратах, компьютерах. Но Декартом даже аффекты («страсти») рассматриваются как телесные состояния, являющиеся регуляторами психической жизни. Повторим еще раз: можно согласиться с тем, что восприятие, поступающее от анализаторов, и память являются телесными функциями, но здесь явно вводится еще одна идея — *все психические состояния имеют телесное происхождение*. Можно было бы попытаться объяснить, как эта логика Декарта уживалась с его идеей доказательства существования Бога, но это было бы слишком большим отступлением от нашей темы. Поэтому читателю придется только еще раз удивиться, когда он ознакомится со следующей цитатой из Декарта: «Причина же, почему многие убеждены, что трудно познать Бога и душу, состоит в том, что они никогда не поднимают своего ума выше чувственных вещей и так привыкли рассматривать все воображением, представляющим собою лишь особенный способ мышления о

[1] См.: Декарт, Р. Разыскание истины. — СПб.: Азбука, 2000..

материальных вещах, что все, чего нельзя вообразить, кажется им непонятным»[1]. И это не единственный пример противоречивости мировоззрений ученых этого периода истории.

Учение о рефлексах предопределило множество фундаментальных открытий о нервной деятельности. Однако ни одно из этих открытий так и не смогло объяснить сложные формы целенаправленного поведения, мышления, творческих озарений и чувств. В последующие столетия представления о рефлекторных механизмах были дополнены гипотезой об особой роли потребностей организма в формировании поведения; стало практически общепринятым, что поведение животных, в том числе человека, носит активный характер и определяется не столько раздражениями, поступающими извне, сколько планами и намерениями. Уже в XX веке (на базе теории условных рефлексов и понятий о высшей нервной деятельности) появилась (в свое время вызывавшая искренний восторг) физиологическая концепция «функциональной системы» и «акцептора действия» П. К. Анохина (1898–1974), а также теория «физиологической активности» Н. А. Бернштейна (1896–1966), тесно связанные с развитием биомеханики и кибернетики. Сущность этих сугубо физиологических концепций сводилась к тому, что *мозг* может не только адекватно отвечать на внешние раздражения, но и предвидеть будущее, активно строить планы своего поведения и реализовать их в действии, что именно мозгу присуща функция «опережающего отражения действительности». *Для личности здесь уже практически не оставалось места — мозг строит планы и реализует их посредством тела*. Но это было много позднее, а пока мы снова вернемся к развитию представлений о психическом в период Ренессанса и лишь

[1] Декарт Р. Разыскание истины. — СПб.: Азбука, 2000. — С. 96.

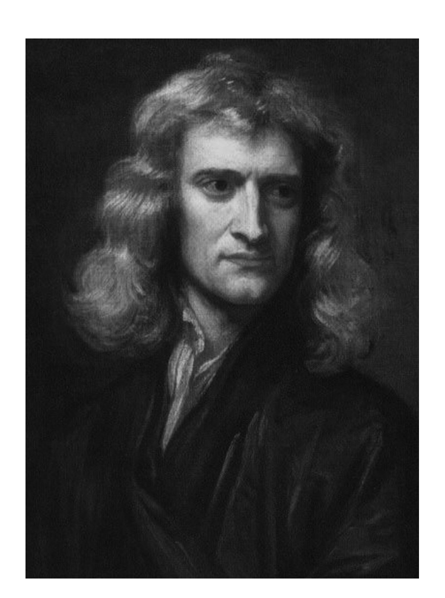

Томас Гоббс

затем перейдем к развитию идей Декарта о рефлексе в работах И. М. Сеченова и И. П. Павлова.

Идею Декарта о двойственности мира (материального и идеального), получившую наименование философского дуализма (у последователей Декарта — картезианство), резко раскритиковал другой выдающийся мыслитель Томас Гоббс (1588–1679), который затем создал свою, как считалось, законченную систему механистического материализма, которая полностью соответствовала требованиям естествознания того времени. Гоббс категорически отвергал существование особой мыслящей субстанции и доказывал, что мысли относятся к материальным объектам. В философских построениях Гоббса уже появляется слово как опосредованный знак определенных вещей, а мышление представляется как движение в сознании этих знаков на основе «механики внутреннего мира» (фактически — здесь мы уже встречаемся с формированием представлений о второй сигнальной системе И. П. Павлова как основе всех психических процессов).

Естественно, что Гоббс ничего не доказал экспериментально, а предложил лишь еще один вариант недоказуемого объяснения. Его идеи подхватил Джон Локк (1634–1704), который на протяжении 16 лет работал над своим «Опытом о человеческом разумении», где обосновывал несколько идей, в частности, о том, что основой нашего познания служит опыт, который слагается из отдельных восприятий; сами восприятия делятся на ощущения (которые возникают от действий предметов на наши органы чувств) и от рефлексии (уже имеющегося в сознании предшествующего отражения предметов в органах чувств); идеи же возникают в уме в результате абстрагирования восприятий. Исходно разум — это чистая страница, на которой постепенно накапливается информация от органов чувств, и таким образом, ощущения первичны, а разум — вторичен. Эти идеи также вполне соответствовали духу времени и получили широкое распространение (хотя в последующем и подвергались критике как сенсуализм).

Исаак Ньютон

Но самое значительное влияние на представления о психическом оказали работы не философа и не врача, а физика и математика Исаака Ньютона (1643–1727), который в своем труде «Математические начала натуральной философии»[1] сформулировал великую гипотезу о том, что мир, в котором действует закон тяготения, — един, а все перемены, происходящие в нем, являются необходимым следствием его закономерного устройства. С точки зрения физики — никаких противоречий, и с этого периода време-

[1] Ньютон, И. Математические начала натуральной философии. — М.: Наука, 1989..

ни в точных науках окончательно закрепляется принцип детерминизма, который затем транслируется в медицину, а чуть позднее — в материалистические представления о душе и психике как свойстве мыслящей материи. Но сам Ньютон даже не помышлял об этом. Он искренне верил в Бога, бессмертную душу, а значительная часть его трудов посвящена богословию (его особенно занимала идея: был ли Бог всегда Богом-Отцом, или стал таковым только с появлением Сына?). Это позволяет высказать гипотезу, что его всеобъемлющий физический детерминизм вряд ли простирался до идей однозначного психического детерминизма, тем более что в тот период научные теории воспринимались лишь как один из способов познания мира — мира, созданного Творцом. Предшественник Ньютона Николай Коперник (1473–1543), кстати, занимавшийся не только физикой и математикой, но и врачеванием, свой выдающийся труд «Об обращении небесных сфер» посвятил папе римскому Павлу III, и, поместив Солнце в центр мира, рассматривал свои исследования не как противоречащие религиозным догмам, а как более точный способ астрономических расчетов, отражающий реальный (то есть — Божественный) порядок вещей.

Еще несколько слов о детерминизме. В период позднего Ренессанса детерминизм являлся сугубо философским учением о закономерной взаимосвязи и причинной обусловленности всех явлений в *физическом мире*. Однако постепенно этот принцип распространяется на все явления — появляется психологический детерминизм, который (в его современном варианте) исходит из признания генетической обусловленности человеческой психики, а также из наличия причинно-следственных связей между всеми психическими явлениями. Таким образом, вначале основными категориями детерминизма были причина и следствие какого-то явления. Но затем

Ян Матейко. Разговор с Богом. (Портрет Николая Коперника)

оказалось, что этих двух категорий недостаточно, так как при одной и той же причине следствие может быть многовариантным, и тогда появляются дополнительные категории детерминизма — понятие о необходимости и случайности, а также — о статистической вероятности того или иного события, которое может произойти, а может и не случиться. Даже в физическом мире. А применительно к психическому — эта вероятность становится уже качественно иной.

У меня нет сомнений, что принцип детерминизма действует и в сфере психического. Более того, моя практика постоянно подтверждает эту уверенность. Но этот психический детерминизм является весьма своеобразным, с точки зрения возможных следствий его можно было бы определить как заведомо поливариантный, а нередко — вообще непредсказуемый. Нет сомнения, что в равной мере это относится и к психике.

Уже в XX веке ученые пришли к пониманию того, что в природе имеются системы даже полностью детерминистские (в классическом, то есть — ньютоновском смысле), но тем не менее практически не поддающиеся никаким расчетам. В 80-е годы XX века начали говорить о «детерминистическом хаосе», а вслед за этим появилась и стала областью научных исследований *теория хаоса*, которая до настоящего времени почему-то не проникла в сферу психического. Простым примером детерминистского хаоса является так называемая «белая вода» горных потоков. Если вы бросите в воду горной реки два листка, то ниже по течению они, с огромной вероятностью, окажутся чрезвычайно далеко друг от друга. Точно так же в любой другой системе, где нет жестких параметров, малейшее различие в начальных условиях может привести к огромной итоговой разнице. То есть в хаотических системах всегда имеется расхождение между детерминизмом (точнее — нашим пониманием законов Природы) и его предсказательными

возможностями (тем, что получится в итоге). Долгое время ученые уделяли этим вопросам не так много внимания, надеясь, что для теории строгого детерминизма пока просто не хватает каких-то знаний. Однако с появлением теории хаоса эта убежденность стала слишком шаткой, и сейчас признается, что большинство сложных систем, даже если они кажутся строго детерминистскими и предсказуемыми теоретически, на практике оказываются совершенно непредсказуемыми.

Возвращаемся в XVII век. В 1664 году выходит одно из первых изданий «Анатомии мозга», автор которой Томас Уиллис Виллизий (1622–1678) наряду с уникальными анатомическими исследованиями, уверенно излагает теорию локализации психических функций: в белом веществе находятся память и фантазии, а в мозолистом теле — идеи. Отсюда вытекало, что лечить во всех случаях нарушений памяти или отклонений в сфере идей нужно мозг. Далеко не все разделяли эти идеи. Например, женевский ученый Теофиль Боне (1620–1689) считал, что лечение душевных болезней следует осуществлять путем убеждения и разрушения у пациентов ложных представлений, и мозг здесь ни при чем. Уже в XVIII веке Эрнст Шталь (1660–1734) почти с религиозной страстностью утверждал, что материя сама по себе безжизненна и только душа является причиной движений тела.

Эрнст Георг Шталь

Позднее эти представления были развиты в теории витализма, которая отстаивала идею о наличии у представителей живого мира особых нематериальных факторов, определяющих специфичность этого мира и его качественное отличие от неживого. Ведущим представителем современного витализма является немецкий ученый — биолог и философ Ханс Дриш (1867–1941), ученик Э. Геккеля[1]. Дриш отказался от геккелевского механицизма в подходе к живой материи и обосновывал неприменимость таких подходов к биологии в целом, вплоть до отказа от применения к живой природе понятий физико-химической причинности. Знаменитые опыты Дриша с яйцами морского ежа показали способность организма развиваться из нестандартного набора клеток эмбриона. На основании этих исследований Дриш доказывал, что машина в отличие от живого организма не способна к саморегенерации и самовоспроизводству. Инстинктивные действия, по Дришу, также не сводимы к простым машинообразным рефлексам, а уж тем более необъяснимы на основе теорий причинности сознательные поступки. По его мнению, в живой материи должен действовать некий особый фактор, обусловливающий «суверенность» всего живого, и поэтому синтезировать живое невозможно. Даже некоторые химики согласились с Дришем, что синтез биологически активных веществ невозможен, так как для этого требуется еще особая «жизненная сила», присущая только живым организмам, и именно благодаря этой

[1] Геккель Эрнст Генрих (1834–1919) — немецкий врач, естествоиспытатель и философ, последовательный дарвинист. Ему принадлежит идея о существовании в историческом прошлом формы, промежуточной между обезьяной и человеком, а также формулировка биогенетического закона, согласно которому в индивидуальном развитии организма как бы воспроизводятся основные этапы его эволюции. С 1891 года Геккель полностью погружается в разработку философских аспектов эволюционной теории и становится страстным апологетом «монизма» — научно-философской теории, призванной, по его мнению, заменить религию.

силе возникают молекулы органических веществ, которые не могут быть воспроизведены в неживой природе. Однако в последующем были синтезированы многие из веществ, первоначально обнаруженных только в биологических системах, что послужило вроде бы убедительным доказательством того, что для создания органических молекул не требуется никакой жизненной силы и что они образуются по тем же законам, что и любые другие вещества. В действительности же идеи витализма (представления о жизненной силе) не так-то легко похоронить. Чтобы покончить с ними раз и навсегда, недостаточно синтезировать некие органические вещества, надо создать живое из неживого, что пока никому не удалось.

В XVII веке начинают открываться первые пансионы и приюты для душевнобольных, уровень содержания в которых существенно зависел от материального положения семьи пациента. В этих приютах также предпринимались попытки лечения, в частности, путем кровопускания, назначения слабительных и рвотных, применялись также ванны, обливание холодной водой и т. д. Если по истечении нескольких недель не наступало улучшение, то есть — пациенты «не исправлялись», они признавались неизлечимыми и передавались в специальные изоляторы, где никакого медицинского наблюдения или даже простого человеческого участия уже не предполагалось. Одним из таких специзоляторов была вначале и всемирно известная клиника Сальпетриер — бывший завод по производству селитры (отсюда и название клиники). Во многие такие изоляторы за умеренную плату допускалась публика, как в зверинец.

В этот период авторитет науки был велик как никогда, и многим казалось, что в области теорий и открытий все самое главное уже сделано, установлено раз и навсегда. Пересматривать что-то считалось даже не вполне приличным. Тем более

удивительно, что французский врач Франсуа Буасье де Соваж (1706–1767) вслед за Теофилем Боне, не отрицая, что психические нарушения могут зависеть от изменений в мозговой ткани, одновременно утверждал, что было бы неверно как здоровый рассудок, так и помешательство объяснять только состоянием каких-то волокон. Он также заявлял, что если бы все зависело только от анатомии, то врачи не могли бы действовать убеждением на своих пациентов, а это, оказывается, возможно. То есть мы могли бы считать и Боне, и Соважа предшественниками Поля Шарля Дюбуа (1848–1918) — общепризнанного автора рациональной психотерапии. Более того, Соваж в чем-то опередил и Фрейда (1856–1939). За 100 лет до открытия психоанализа он говорил, что самое главное — приобрести доверие пациента, чтобы открыть первопричину его ошибочных суждений, так как невозможно излечить помешательство, если неизвестно — отчего оно появилось?

Можно назвать еще десяток имен выдающихся врачей, одни из которых стояли на позициях введенного Джованни Морганьи (1682–1771) и обязательного для «настоящего врача» — «анатомического способа мышления» и искали анатомические корреляты психопатологических состояний и процессов, а другие категорически не соглашались с ними, утверждая, что душевные болезни не имеют никакого отношения к мозговой ткани. Эти споры так ни к чему и не привели. В итоге в конце XIX века психиатрия раскололась на психиатрию и психотерапию. Фактически — по убеждениям.

Новейшее время

Новейшее время начинается с Великой французской революции (1789), когда в обществе произошли коренные

изменения, затронувшие все сферы социальной жизни, во Франции была упразднена монархия и провозглашена республика, но даже не это главное — впервые утвердилось понятие гражданских прав, закрепленных в «Декларации прав человека и гражданина».

Благодаря деятельности великих гуманистов — Вольтера (1694–1778), Дени Дидро (1713–1784), Шарля Луи Монтескье (1689–1755), Жана-Жака Руссо (1712–1778) и других в мировоззрении образованной части французского общества произошли качественные изменения, и на относительно протяженный период времени Франция становится основным поставщиком новых социальных идей, оказавших огромное влияние на все сферы жизни европейского сообщества, включая проблему душевнобольных.

Применительно к теме нашего исследования мы не можем не упомянуть имя Пьера Жана Жоржа Кабаниса (1757–1808) и его книги «Соотношение между физическим и психическим» и «Об общественной помощи». В этих работах, написанных после разрушения Бастилии, Кабанис предлагает незамедлительно подумать о судьбе других «заключенных», имея в виду тех, кто по первому требованию родных или просто соседей помещался в специальные заведения для умалишенных. Кабанис также обосновывает почти современные

Пьер Жан Жорж Кабанис

требования к процедуре помещения в психиатрическую больницу. Он говорит, что если изменения в душевной деятельности человека незначительны и не угрожают ни его собственной, ни чужой безопасности и не нарушают общественного покоя, никто не имеет права посягать на его свободу, а государство должно принимать все меры для ограждения гражданина от таких посягательств.

Восхитительная идея. Все, казалось бы, абсолютно верно. И современное законодательство большинства европейских стран основано именно на таком подходе. Но как быть в ситуациях, подобных той, которую Мишель Фуко[1] описывает в своей книге «Ненормальные»? Напомню ее содержание: юная девушка выходит замуж за титулованную особу и уже в браке обнаруживает, что ее молодой муж с раннего утра все свое время посвящает изготовлению из своих испражнений шариков разной величины и их укладке в порядке возрастания на мраморной полке камина[2]. Угрожает ли он чьей-либо безопасности и нарушает ли общественный покой? Скорее, нет. А вот академик А. Д. Сахаров явно пытался нарушить

[1] Фуко Мишель Поль (1926–1984) — известный французский философ, был заведующим кафедрой Истории систем мышления в Коллеж де Франс. Основной объект его исследований — бессознательное различных исторических эпох, а также критика ряда общественных институтов, в то; м числе — психиатрии, где его позиция сближалась с анти-психиатрами. Одна из основных работ — «История безумия в классическую эпоху» (1961), где Фуко вначале описывает практику изоляции прокаженных, а затем обосновывает, что после исчезновения проказы эту «нишу» заняло безумие. В качестве подтверждения этому упоминаются «корабли безумия», на которых в открытое море отправляли сумасшедших в XV веке; в XVII — на смену кораблям пришел процесс, который Фуко называл «великим заключением», имея в виду появление «домов умалишенных», когда сумасшествие начинает рассматриваться как противоположность разумности, а в XIX входит в медицину под наименованием психического расстройства. В другой крупной работе «Рождение клиники: археология врачебного взгляда» (1963), Фуко анализирует появление клинической медицины, которое коренным образом меняет подход врача к объекту лечения: таким объектом становится уже не человек и не личность в целом, а отдельные органы.

[2] Фуко М. Ненормальные. — СПб.: Наука, 2005. — С. 186.

«покой» советского общества и был помещен в психиатрическую клинику на принудительное лечение. Какой вывод здесь напрашивается? — Высокие идеи о психиатрической помощи и защите прав пациентов далеко не всегда оказываются пригодными для их практической реализации.

Говоря о заслугах Кабаниса, мы не можем обойти его представления о душевных расстройствах, которые однозначно оценивались им как «болезни мозга», и с этого периода такой подход становится уже не просто истиной медицинского порядка, а одним из лозунгов революционной эпохи. Тем не менее Кабанис делает существенную оговорку, утверждая, что еще одной причиной душевных болезней может являться общественная обстановка, при которой живет и работает человеческий мозг. Здесь мозг также полностью подменяет понятие личности, но сама идея, безусловно, революционна, и предвосхищает утвердившиеся в науке намного позднее представления о социальном факторе в развитии психопатологии. Здесь сказано об «утвердившихся представлениях», но точнее было бы говорить о «сугубо декларативных», так как, несмотря на то что в последующем объем психопатологии удваивался фактически каждые 30 лет[1], он до настоящего времени объясняется исключительно улучшением диагностики, расширением доступности психиатрической помощи и т. д., а общественная обстановка уже давно ушла из сферы интересов науки в политику и, естественно — она во всех европейских странах «последовательно улучшается»[2].

[1] По данным, которые приводит Ю. Каннабих (История психиатрии, с. 320) введение «правильной административно-врачебной организации» помощи душевнобольным привело к тому, что только за 1880–1920 гг. количество пациентов увеличилось в 5 раз.

[2] Анализ современных социальных процессов — см. статью «Неочевидный образ будущего», с. 234 настоящего издания.

Филипп Пинель

Всякий, кто действует в сфере психопатологии, не нуждается в особом представлении французского врача Филиппа Пинеля (1745–1826), который первым выдвинул принцип свободы психиатрических пациентов и в 1792 г. снял кандалы с душевнобольных. Согласившись с доводами уже широко известного в революционной Франции врача, председатель Парижской коммуны Кутон, покидая клинику, по преданию, сказал Пинелю: «Сам ты, вероятно, помешан, если собираешься спустить с цепи этих зверей». Здесь уместно привести еще одну оценку деятельности Пинеля. 25 октября 1892 года, в день столетия его реформ, выдающийся русский психиатр Н. Н. Баженов, напутствуя тех, кто когда-либо окажется в клинике Сальпетриер, напоминал, чтобы они не забыли снять шляпу перед статуей, которую увидят у ворот, — статуей Пинеля.

Пинель одним из первых делит причины психических расстройств на предрасполагающие и производящие (непосредственные). Он же формулирует идею, что симптомы психических расстройств могут быть лишь различными ступенями душевной болезни — от самых легких до полного помрачения рассудка (эта идея, как уже упоминалось в «Предуведомлении», вначале была близка и Крепелину). Клинические варианты

Тони Робер-Флери. Пинель снимает цепи с душевнобольных в Бисетре.

(симптомы и синдромы) душевных расстройств, по Пинелю, не могут быть их отличительными признаками, так как у одних и тех же пациентов возможны их различные проявления в зависимости от обстоятельств и периода заболевания. Тем не менее Пинель предлагает свою классификацию психических расстройств, в которой выделяет всего 5 вариантов: манию, манию без бреда, меланхолию, слабоумие и идиотизм. Эта классификация основана исключительно на психологических критериях, хотя Пинель не говорит об этом прямо. Он очень осторожен в выражениях, как бы между прочим заявляя, что ему встречались пациенты, у которых «были поражены только одни аффекты» (а аффект — это, конечно, не анатомическая категория). Одновременно с этим Пинель допускает, что душевные расстройства могут возникать и в результате чисто физических причин — ранений головы, лихорадки, от пьянства, но *в качестве наиболее частой причины он указывает на моральные потрясения*. Однако даже мощные моральные потрясения, отмечает далее Пинель, не обязательно вызывают психическое расстройство; кроме силы «производящего момента» огромную роль играет предрасположенность и личная восприимчивость, которая неодинакова у различных людей. Эта идея о психической травме, которая может стать, а может и не стать причиной психопатологии в зависимости от индивидуальной реакции на эту травму, позднее была наиболее полно разработана З. Фрейдом[1], а официальной психиатрией была переоткрыта только через 200 лет и нашла свое отражение в ДСМ-4[2].

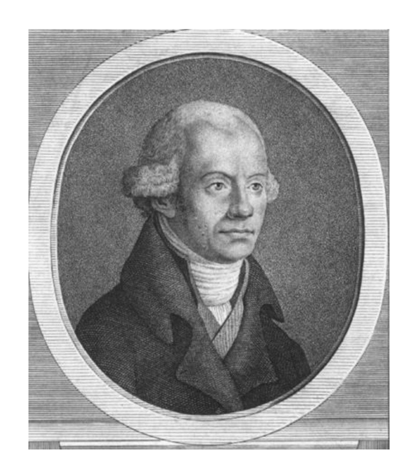
Во всех своих работах Пинель категорически воздерживается от каких-либо предположений о патогенезе психических расстройств и их анатомическом субстрате, но особое внимание

[1] См.: Фрейд, З. Собрание сочинений в 26 томах. Том 1–2. — СПб.: Восточно-Европейский Институт психоанализа, 2005–2006.

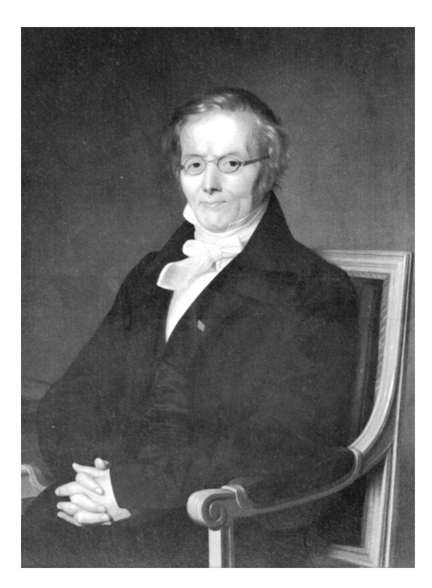
[2] Более подробно об этом — см.: Решетников, М. М. Психическая травма. — СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2006. — С. 118–119, 161.

уделяет обустройству, внутреннему распорядку и подбору персонала клиник для душевнобольных. Весьма красноречива его реакция на предложение одного из коллег нормализовать психическую деятельность путем временной асфиксии (по сути удушения — метода, мало отличающегося от все еще применяемой электрошоковой терапии): «Нужно краснеть, — говорит он, — упоминая о таком медицинском бреде».

В этот период существовали и альтернативные точки зрения, в частности, современник Пинеля Франц Йозеф Галль (1758–1828), которого Пинель называл шарлатаном, остался в истории психиатрии как создатель френологии, объяснявшей характерологические особенности людей и психопатологию строением черепа и формой мозговых извилин, где, по его мнению, и находятся центры умственных и нравственных качеств личности. Галль был настолько уверен в своем «учении», что даже похоронен был без головы, которую завещал для пополнения своей методической коллекции. Его слава ученого-материалиста была еще прижизненной, что нашло отражение в выпуске в Берлине специальной медали в честь Галля, на которой было написано: «Он нашел инструмент души». Это еще раз подтверждает, что авторитет или общественное признание ученого и его реальный вклад в науку — далеко не идентичные понятия. Напомним также, что строением черепа еще через 100 лет самым серьезным образом занималась немецкая психиатрия фашистской Германии.

Франц Йозеф Галль

Жан Этьен Доминик Эскироль

Общепризнанно, что именно Пинель заложил основные принципы клинической психиатрии, хотя ее основателем считается один из его учеников — Жан Этьен Доминик Эскироль (1772–1840). В 1805 году Эскироль завершил диссертационное исследование с весьма необычным для того времени наименованием: «Аффекты, рассматриваемые как причины, симптомы и способы лечения душевного расстройства», которое можно было бы считать предтечей психоанализа, ибо точно так же могла бы называться и опубликованная в 1896 году книга Зигмунда Фрейда и Йозефа Брейера «Исследования истерии», где аффекты рассматриваются как причины психопатологии, симптомы — как ее аффективная репрезентация, а терапия, если при этом не происходит аффективной разрядки, оценивается как недостаточно эффективная.

Вклад Эскироля в развитие психиатрии неоценим. Он был инициатором закона (от 30 июня 1838 г.) об охране прав душевнобольных, впервые ввел понятие о ремиссиях и интермиссиях[1]. Его классификация психических расстройств фактически повторяла представления Пинеля, но он впервые

[1] Интермиссия — «светлый» промежуток между двумя психотическими приступами, с полным восстановлением адекватной психической деятельности.

формулирует идеи о мономаниях[1], одновременно связывая их с серийными убийствами, которые совершаются при отсутствии объективных мотивов, вражды и расчета, при этом жертвами чаще всего оказываются близкие люди. Эскироль также признавал связь некоторых психических расстройств с поражением мозга, например, при прогрессивном параличе и приобретенном слабоумии, сравнивая это различие с двумя несопоставимыми ситуациями: когда человек лишается того богатства, которым раньше владел, в отличие от идиота, который исходно был беден.

Эскироль также стал основателем первой кафедры психиатрического профиля (1823) и оставил после себя целую плеяду ярких учеников и последователей.

Анатомия психики?

Значительное влияние на развитие представлений о психических расстройствах и их связи с мозговыми процессами оказали клинические исследования такого тяжелого заболевания, как прогрессивный паралич. Эскироль одним из первых (еще в 1814 г.) описал случаи, когда душевное расстройство осложняется параличом, и многие ученые считали это качественно новым этапом в развитии психиатрии, так как наряду с патогенетически непонятной и анатомически никак не обосновываемой группой психических расстройств, типа мании, истерии или меланхолии, в психиатрии впервые появилась «настоящая болезнь», у которой были объективные симптомы, характерное течение и, самое главное, — *собственная патологическая анатомия с характерными изменениями мозговой ткани*. Идея, что при-

[1] Более подробно о мономании — см. статью «Одержимость и паранойя» — с. 201 настоящего издания.

чиной всех психических расстройств является поражение мозга, торжествовала!

Первое систематическое описание прогрессивного паралича (1822) как самостоятельной болезни принадлежит выдающемуся ученому — ученику Эскироля Антуану Бейлю (1799–1858), который, как ему казалось, установил параллелизм между помешательством («разрушением мыслительных способностей» вплоть до маразма) и прогрессивным параличом, а также описал выявленные при посмертном вскрытии тел таких пациентов патолого-анатомические изменения мозговых оболочек. В его диссертации «Исследования душевных болезней» Бейль не делает вывода о причине и следствии, то есть — не акцентирует внимание на том, что было вначале — психическая болезнь или воспаление мозговых оболочек, но общественное мнение в профессиональной среде было склонно интерпретировать это более прямолинейно: и это психическое расстройство и, скорее всего — все остальные имеют органическую (анатомическую) природу и связаны с мозгом. Эти профессиональные настроения постепенно овладевают и самим Бейлем, и в 1825 году он издает следующую книгу, которую называет «Новое учение о душевных болезнях», где приверженность принципам анатомического мышления представлена уже более ярко. Надо сказать, что Эскироль, несмотря профессиональное признание представлений о «параллелизме помешательства и паралича», остался при своем мнении, продолжая в полемике с Бейлем настаивать на том, что вначале заболевает мозг, а уже затем в процесс вовлекаются психические функции. Единства мнений в этом вопросе не наблюдалось вплоть до 1911 года, когда все сомнения были наконец сняты, а теория Бейля посрамлена.

Сейчас мы знаем, что прогрессивный паралич, который так долго считался веским основанием для анатомической

доктрины в психиатрии, есть не что иное, как поздний сифилитический психоз, который развивается при отсутствии лечения через 10–15 лет после заражения бледной спирохетой, вызывающей дегенеративно-атрофические изменения нервной ткани. Таким образом, правым в конечном итоге оказался Эскироль, а включение этого заболевания в психиатрию было ошибочным. Бейль, судя по всему, был также не слишком уверен в однозначности своего открытия и нового учения и отмечал, что около 20% из 182 наблюдавшихся им пациентов, возможно, болели сифилисом, но, мотивируя тем, что это было в то время достаточно частым явлением[1], он не считал возможным признать сифилис причиной хронического менингита (что было окончательно установлено только в 1911 году). И хотя это заболевание уже давно и общепризнанно относится к инфекционной патологии, прогрессивный паралич, который сыграл такую значительную роль в формировании современного мировоззрения о психическом расстройстве, по-прежнему включен во все справочники по психопатологии.

Еще до установления реальной этиологии прогрессивного паралича в соматической медицине произошел ряд открытий, которые тут же (нередко — некритически) переносились в психиатрию и позволяли качественно переосмыслить существовавшие ранее гипотезы о психическом расстройстве. В 1851 году был открыт возбудитель сибирской язвы, в 1867-м — появились работы Луи Пастера о брожении, изложенные в его диссертации «Исследование телец, носящихся в атмосферном воздухе», и зародилась новая наука — бактериология, а затем — токсикология, которая объясняла симптомы инфекционных заболеваний

[1] Первые эпидемии сифилиса, который был завезен командой Колумба из Америки, отмечались уже в 1495 году и до XVI века были подлинным бичом Европы, пока Парацельс не предложил для лечения соединения ртути. Окончательная победа над сифилисом была достигнута только в эру антибиотиков.

отравлением организма токсинами, выделяемыми микробами. Были подробно изучены инфекционные психозы, которые наблюдались при брюшном тифе, пневмонии, сепсисе, и естественно — появился большой соблазн объяснить и все психические расстройства по аналогии, что и сделал Крепелин, утверждая, что и психические болезни также могут возникать тем же путем, с оговоркой, что современные технические возможности просто не позволяют пока обнаружить их возбудителей. Параллельно развивалась эндокринология и в итоге была установлена этиология еще одного «не совсем» психического расстройства — болезни Галя-Орда[1] — микседемы, названной вначале по именам описавших ее (в 1873 и 1878 гг.) психиатров. Однако затем было обосновано, что и эти психические нарушения вторичны и являются следствием гипофункции щитовидной железы. В это же время активно исследуются выделительные функции печени и почек. В результате появляются гипотезы о самоотравлении организма, который представляет собой «лабораторию ядов», и уже в XX веке на смену инфекционным гипотезам вновь приходят гуморальные и биохимические, которые лишь на новом уровне повторяют идеи Гиппократа (в частности, о дискразии — неправильном соотношении неких веществ в теле), но одновременно оказываются основой формирования нового и самого мощного направления современной психиатрии — психофармакологии. Вне сомнения, в этом подходе есть своя и даже вполне научная логика, но лишь при одном условии: если вы исходно признаете, что все психические феномены — мысли, чувства, идеи, влечения и переживания — не более чем некие физико-химические реакции.

[1] Ее основными симптомами являлись — апатия, малоподвижность, снижение работоспособности, постепенное развитие слабоумия.

Несмотря на авторитет Эскироля, практически весь XIX век и большую часть XX века в представлениях о психическом господствовала эндогенная (связанная с деятельностью организма, то есть — с телом) теория психопатологии. Противоположная точка зрения постепенно вытеснялась из психиатрии и продолжала развиваться почти исключительно в философии. В XIX веке это разделение наиболее ярко проявилось в борьбе психиков и соматиков. Соматическая школа утверждала, что в основе душевных расстройств лежат материальные факторы, связанные с функционированием нервной системы или всего организма, а симптомы психозов являются внешним проявлением какого-то биологического процесса в головном мозге. В целом, нужно признать, что соматики отчаянно боролись за признание психиатрии в качестве одного из разделов естествознания (и надо сказать — преуспели в этой борьбе, но было бы неверно считать, что победили).

Психики вели свою историю от Иммануила Канта (1724–1804) — одного из основателей немецкой классической философии, и в ряде случаев также доводили идею психизма до абсурда, утверждая, что все болезни (включая соматические расстройства) имеют исключительно психический генез. Главным произведением Канта является «Критика чистого разума»[1], которая в чем-то воспроизводит идеи Сократа и Аристотеля. Определение «чистый» в методе Канта обозначает «неэмпирический», то есть не основанный на опыте и изучении фактов, не опирающийся на непосредственное наблюдение или эксперимент. Кант различает аналитические и синтетические суждения. Под «синтетическими» суждениями Кант понимал «суждения с приращением содержания»,

[1] Кант, И. Сочинения в шести томах. — М., 1963.

Иммануил Кант

когда одна идея (даже если в ее основе лежит установленный научный факт) дополняется другой или доказывается путем тех или иных (дополнительных) рассуждений. Термин «априори» у Канта означает «вне опыта», в противоположность термину «апостериори» — из опыта. В этом смысле и теории соматиков, и теории психиков являются сугубо синтетическими, так как доказательства особой душевной жизни или ее отсутствия теми или иными авторами принимаются или не принимаются априори. Кант утверждал, что существование Бога невозможно доказать, но жить надо так, как если бы он был. Сознание, по Канту, не просто постигает мир, а является активным участником становления мира. Кроме работ по философии типичный гуманитарий Кант разработал космогоническую гипотезу о происхождении Солнечной системы из первоначальной туманности, которая не утратила своей актуальности до настоящего времени, а в трактате «К вечному миру» впервые обосновал культурные и философские основы будущего объединения Европы, которое началось лишь через 150 лет после смерти великого мыслителя. Эти «синтетические» идеи можно рассматривать как подтверждение возможности априорного (не вытекающего из опыта) знания.

В заключение этого раздела следует сказать, что в течение всего XIX века предпринимались многочисленные попытки классификации психических расстройств, но ни одна из них не принималась в качестве общепризнанной. Каждая из этих классификаций предлагала свой разделительный принцип и специальные термины, но все они отличались произвольностью, абстрактностью, схематичностью и невозможностью объединения чисто психологической картины страдания с физиологией мозга, а также отсутствием сколько-нибудь удовлетворительных знаний об этиологии и патогенезе психических расстройств. Наиболее категорично по этому поводу в свое время высказался немецкий психиатр Нейман (1814–1884) в своем учебнике по психиатрии (1859): «Мы считаем классификацию душевных расстройств совершенно искусственным, а потому и безнадежным мероприятием, — поэтому, по мнению автора учебника, — нужно отказаться от всяких классификаций и объявить вместе с нами: есть только один вид душевного расстройства, мы называем его помешательством». Но классификация, конечно же, была нужна, и она появилась благодаря Крепелину, о котором мы уже говорили в «Предуведомлении». Повторим здесь только еще раз, что она была и остается сугубо психологической, не этиологической и не патогенетической. Можно сколько угодно упрекать Крепелина во всяческих грехах, но эта классификация работает. Что же касается его убежденности в том, что эта классификация должна со временем получить естественнонаучное подтверждение, то, по моим представлениям, это невозможно в принципе: гуманитарная концепция не может иметь такого подтверждения. С таким же успехом можно было бы искать естественнонаучные (биологические) объяснения таким гуманитарным понятиям, как мораль, нравственность, совесть, свобода, стоимость и т. д.

Тем не менее естественнонаучная парадигма преобладала и продолжает главенствовать в науках о человеке и личности. Ее укреплению во многом способствовали гипотеза Чарльза Дарвина (1809–1882), изложенная в его книге «Происхождение видов»[1] (1859), открытие Грегором Менделем (1822–1884) законов генетики, впервые описанных в работе «Эксперименты с гибридами растений» (1866), а также публикация И. М. Сеченовым (1829–1905) работы «Рефлексы головного мозга» (1863).

Здесь осознанно опускается ряд выдающихся имен (Теодора Мейнерта, 1833–1892; Карла Вернике, 1848–1905; Карла Людвига Кальбаума, 1828–1899 и др.), которые были предтечей клинического мышления Крепелина, а также вклад в развитие психиатрии Жана Шарко и его выдающегося ученика Зигмунда Фрейда, который после попыток идти естественнонаучным путем исследования психопатологии и безуспешной работы над «Физиологической психологией» отказывается от этой идеи и начинает действовать так, как если бы перед ним было только психическое. Те, кого это интересует, могут обратиться к предельно популярному изложению подходов Фрейда, которое уже было опубликовано ранее[2]. Но мы не можем обойти вниманием влияние физиологии на развитие психологии и психотерапии, впрочем, как и гуманитарного знания в целом.

[1] Полное название: «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь».

[2] Решетников, М. М. Элементарный психоанализ. — СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2002.

Лекция 3

Физиологическая психология

Смена парадигмы

Попытки создания физиологической теории, которая объясняла бы психическую деятельность без апелляции к каким-либо особым душевным факторам, предпринимались неоднократно.

Немецкий физиолог Фридрих Нессе (1778–1851) был одним из первых, кто был абсолютно убежден, что в основе всех душевных болезней лежат материальные изменения, но не анатомического, а физиологического характера. В 1818 году, возглавив незадолго до этого кафедру в Боннском университете, он начинает издавать журнал, где обосновывает идеи физиологической психологии. Здесь мы можем констатировать *смену парадигмы* — от не оправдавшей себя анатомической парадигмы в XIX–XX веках наука постепенно смещается к парадигме физиологической, а затем — к биохимическим подходам (более тонким физиологическим изменениям) для объяснения феномена психики.

Особого упоминания заслуживает немецкий ученый Вильгельм Гризингер (1817–1868), который считается одним из основоположников научной психиатрии. В 1845 году он

издает получившее широкую известность руководство по душевным болезням, где формулируются (но в строго научном смысле — никак не доказываются) несколько, по мнению автора, основополагающих идей, в частности: 1) в основе любого психического расстройства всегда лежит какой-то патолого-анатомический процесс; 2) этот патолого-анатомический процесс следует искать в головном мозге и только в головном мозге; 3) вся психическая деятельность человека построена по схеме рефлекса; 4) патологические психические феномены сами по себе не являются болезнями и должны рассматриваться только как симптомы мозгового процесса[1]. Эта книга выдерживает несколько переизданий и переводится на основные европейские языки, включая русский. Последний раз книга переиздается в 1892 году и еще долго остается настольной книгой психиатров в различных странах Европы, определяя их новое мировоззрение. В этой книге Гризингер впервые говорит о «рефлексах головного мозга». В России это понятие приобретает широкую известность много позднее благодаря работе признанного основоположника отечественной физиологической школы И. М. Сеченова (1829–1905), которая выходит в 1867 году с аналогичным наименованием — «Рефлексы головного мозга».

И. М. Сеченов: «Мозг есть орган души»

Сеченов окончил вначале инженерное училище в Санкт-Петербурге (1848) и затем медицинский факультет Московского университета (1856). Это не случайное примечание: мне не раз приходилось сталкиваться с людьми, которые обращаются к естественнонаучным дисциплинам или гума-

[1] То есть — психических болезней вообще не существует! Позднее этот же тезис активно развивал В. М. Бехтерев. См. с. 119 настоящего издания.

нитарному образованию после технического, и во многих случаях они тяготеют к составлению различных «технических» схем гуманитарных процессов, разработке графиков течения мыслей и механистическому объяснению и пониманию даже отвлеченных философских гипотез.

В 1856–1859 годах Сеченов стажируется в Германии и Австрии в лабораториях Э. Дюбуа-Реймона[1] (Берлин), К. Людвига[2] (Вена), Г. Гельмгольца[3] (Гейдельберг) и др., где подготовил докторскую диссертацию «Материалы для будущей физиологии алкогольного опьянения» (1860), которую защитил в Медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге, и сразу возглавил кафедру физиологии академии, а затем создал там первую физиологическую лабораторию.

[1] Эмиль Дюбуа-Реймон (1818–1896), немецкий физиолог и философ, профессор Берлинского университета (с 1855). Его основные труды посвящены животному электричеству; Дюбуа-Реймон доказал его наличие в мышцах, нервах, железах, коже, сетчатке глаза и др. тканях. Как философ Дюбуа-Реймон был сторонником механистического материализма, а также агностицизма — в том числе в отношении процессов сознания, о котором в работе «Семь мировых загадок» постулировал: «Не знаем и никогда не узнаем» (Ignoramus et ignorabimus).

[2] Людвиг Карл Фридрих Вильгельм (1816–1895), немецкий физиолог. Окончил Марбургский университет (1839), профессор этого университета (с 1846). Профессор университета в Цюрихе (с 1849), а затем — в Военно-медицинской академии в Вене (с 1855). С 1865 г. возглавлял институт физиологии в Лейпциге. Людвиг предложил физическую теорию мочеотделения (1846), открыл секреторные нервы слюнных желез (1851), исследовал деятельность сердечно-сосудистой системы, изучал газообмен.

[3] Герман Людвиг Фердинанд фон Гельмгольц (1821–1894) — немецкий физик, физиолог и психолог. Изучал медицину в королевском медико-хирургическом институте в Берлине, в течение 5 лет был военным врачом, что было обязательным для выпускников. С 1848 года преподавал анатомию в Берлинской академии, в 28 лет — профессор физиологии и патологии в Кенигсберге, затем в Бонне, Гейдельберге и Берлине. В своих первых научных работах по теплообразованию в живых организмах приходит к формулировке закона сохранения энергии, в том числе — в биологических системах, занимается изучением роста нервных волокон, активно изучает физиологию зрения и слуха, создает концепцию «бессознательных умозаключений», согласно которой актуальное восприятие определяется уже имеющимися у индивида «привычными способами», при этом существенную роль играют мышечные ощущения и движения. Гельмгольц также заложил основы гидродинамики и научной метеорологии.

Еще в докторской диссертации особое внимание Сеченов уделяет идее рефлексов головного мозга, а затем в 1862 году в лаборатории Клода Бернара[1] экспериментально обосновывает гипотезу о влиянии центров головного мозга на двигательную активность. В частности, им было выявлено, что химическое раздражение продолговатого мозга кристаллами поваренной соли оказывало задерживающее влияние на рефлекторные двигательные реакции лягушки, что в последующем получило наименование «сеченовского торможения» и стало основой для исследования *реакций возбуждения и торможения* в центральной нервной системе, в терминах которых до настоящего времени описываются психические процессы в физиологии, а нередко — и в психологии.

После возвращения из-за границы по предложению главного редактора журнала «Современник» — уже широко известного поэта Николая Некрасова — Сеченов подготовил статью «Попытка ввести физиологические основы в психические процессы» (1863), но цензура запретила ее публикацию со ссылкой на пропаганду материализма и предосудительное

[1] Бернар Клод (1813–1878) — крупнейший физиолог XIX века. Кроме работ по физиологии пищеварения, обмена веществ и нервной регуляции кровообращения широко известны его труды по изучению функций крови, проблемам внутренней секреции, механизмам теплообразования, по электрическим явлениям в тканях животных, по функциям различных нервов, действию анестезирующих и наркотических веществ. В 1843 году получил звание док-тора медицины за работу о роли желудочного сока в пищеварении, в 1855 году возглавил кафедру экспериментальной медицины, а в 1854 году получил созданную для него кафедру общей физиологии в Парижском университете. Его наблюдения над собаками с удаленной поджелудочной железой способствовали спустя 72 года открытию инсулина. В 1848 году Бернар открыл гликоген и установил роль печени в углеводном обмене. Бернар ввел понятие «желез внутренней секреции», изучение которых стало предметом отдельной науки — эндокринологии. В 1858 году Бернар в деталях описал свое следующее крупное открытие: он установил, что просвет кровеносных сосудов регулируется симпатической нервной системой, что в последующем привело Бернара к представлению о гомеостазе — поддержании внутренней среды организма в состоянии динамического равновесия.

название, оскорбляющее чувства верующих[1]. В итоге работа вышла не в популярном в обществе «Современнике», а в «Медицинском вестнике» и под другим названием — «Рефлексы головного мозга» (1863). Многие считают выход этой работы началом эры так называемой «объективной психологии». В созданное еще Декартом учение о рефлексах было внесено существенное дополнение: теоретически автором было обосновано, что рефлексы могут возникать не только в результате актуальных внешних раздражителей, но и от прошлых воздействий (сохранения их следов в центральной нервной системе, что, по Сеченову, является основой памяти). Торможение рассматривалось Сеченовым как механизм, обеспечивающий избирательную направленность поведения, а гипотетическая деятельность «усиливающего механизма мозга» — как субстрат мотивации.

В 1871–1972 годах под редакцией Сеченова в России впервые публикуется работа Ч. Дарвина[2] «Происхождение

[1] Переписка и документы цензуры по этой публикации по объему намного превышают работу самого Сеченова. Тех, кого это интересует, отсылаем к работе П. Г. Терехова, опубликованной в сборнике «И. М. Сеченов и материалистическая психология» (М.: Издание АН СССР, 1957. — С. 95–109).

[2] Дарвин Чарльз (1809–1882) — выдающийся английский ученый, создатель теории эволюции. В 1859 г. опубликовал своей самый известный труд «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь», где описал изменчивость видов растений и животных, а также обосновывал их естественное (не божественное) происхождение от более ранних видов. Однако, рассуждая о вере, в работе «О развитии моего ума и характера» Дарвин менее категоричен: «...Источник убежденности в существовании Бога, источник, связанный не с чувствами, а с разумом, производит на меня впечатление гораздо более веского. Он заключается в крайней трудности или даже невозможности представить себе эту необъятную и чудесную вселенную, включая сюда и человека с его способностью заглядывать далеко в прошлое и будущее, как результат слепого случая или необходимости. Размышляя таким образом, я чувствую себя вынужденным обратиться к Первопричине, которая обладает интеллектом, в какой-то степени аналогичным разуму человека, т. е. заслуживаю названия Теиста. ...Я не могу претендовать на то, чтобы пролить хотя бы малейший свет на столь трудные для понимания проблемы. Тайна начала всех вещей неразрешима для нас, и что касается меня, то я должен удовольствоваться тем, что остаюсь Агностиком».

человека». В 1873 году Сеченов публикует «Психологические этюды», в которые включает «Рефлексы головного мозга» и статью «Кому и как разрабатывать психологию», в которой он полемизирует с К. Д. Кавелиным[1] о психике, оставаясь полностью на физиологических позициях. Позднее И. П. Павлов характеризует эту работу как революционную попытку «представить себе наш субъективный мир чисто физиологически»[2]. Сеченову принадлежит ряд гениальных открытий, в том числе принципа обратной связи, закона растворимости газов в растворах электролитов, исследование реакций на раздражение нервных окончаний у спинальных животных (то есть — при экспериментальном разделении спинного и головного мозга). Все это не подлежит сомнению и, безусловно, адекватно физиологии нервной системы. Но постепенно, казалось бы, чисто терминологические подходы изменяются и «реакции нервов и нервных ганглиев» начинают описываться как «нервные явления» в целом, простираясь до высших форм психической деятельности человека. Поэтому целесообразно обратиться уже не к пересказу, а к первоисточнику. Мы не будем подвергать сомнению уже упомянутые выше и, безусловно, выдающиеся открытия Сеченова в физиологии, а лишь поставим под определенное сомнение его проекции физиологических теорий в психологию.

[1] Кавелин Константин Дмитриевич (1818–1885) — российский ученый-правовед, профессор Санкт-Петербургского университета. В работе «Задачи психологии», полемизируя с физиологическим подходом к психическим феноменам, писал: «Выяснение психологических вопросов точно так же стоит на очереди в теоретическом, нравственном и научном отношении, как задачи земства — в практическом мире. Пустота, бессодержательность, нравственный упадок и растление мыслящей и образованной части публики есть явный признак, что в ходу новый синтез и что старый отжил свое время... Особенно печально и тлетворно отражается это состояние на молодежи, которая больше всех нуждается в синтезе. Проложить к нему дорогу и отпереть дверь может психология и она одна».

[2] Павлов, И. П. Полн. собр. соч. Т. 3, кн. 1. — 1951. — С. 14.

Изложение работы «Рефлексы головного мозга»[1] Сеченов начинает весьма своеобразно, предостерегая читателя, что в этом вопросе преобладает дилетантизм, и тем самым как бы советует не впадать в него, а довериться автору. Но далее по всему тексту тут и там встречается множество бездоказательных утверждений и допущений, которые мной будут выделены курсивом. «Войдемте же, любезный читатель, в тот мир явлений, который родится из деятельности головного мозга. *Говорят обыкновенно*, что этот мир охватывает всю психическую жизнь, и *вряд ли* есть уже теперь люди, *которые с большими или меньшими оговорками не принимали бы* этой мысли за истину». «Для нас как для физиологов *достаточно и того, что мозг есть орган души*, т. е. такой механизм, который, будучи приведен какими ни на есть причинами в движение, дает в окончательном результате тот ряд внешних явлений, которыми характеризуется психическая деятельность»[2]. «Все бесконечное разнообразие внешних проявлений мозговой деятельности сводится окончательно к одному лишь явлению — мышечному движению». «...*Читателю становится разом понятно*, что все без исключения качества внешних проявлений мозговой деятельности, которые мы характеризуем, например, словами: одушевленность, страстность, насмешка, печаль, радость и пр., суть не что иное, как результат большего или меньшего укорочения какой-нибудь группы мышц — акта, как всем известно, чисто механического»[3]. Далее автор разбирает непроизвольные («невольные») движения, исследуя не головной, а спинной мозг обезглавленной лягушки, но очень быстро, путем ряда допущений (с вводными словами типа: «понятно далее...»,

[1] Сеченов, И. М. Рефлексы головного мозга. — М., 1953. — С. 31–117.

[2] Там же. — С. 32.

[3] Там же. — С. 33.

«стало быть...», «пусть не думает читатель...», «в этом смысле...», «как бы то ни было...»), приходит к однозначному выводу: «*Стало быть*, головной мозг, орган души, *при известных условиях (по понятиям школы)* может производить движения роковым образом, то есть, как любая машина, точно так, как например, в стенных часах стрелки двигаются роковым образом оттого, что гири вертят часовые колеса»[1]. « *Ввиду таких результатов стремление определить условия,* при которых головной мозг является машиной, конечно, совершенно естественно»[2]. «...У современных физиологов *укрепилась мало-помалу мысль*[3] о том, что в теле животного могут существовать нервные влияния, результатом которых бывает подавление невольных движений. С другой стороны, обыденная жизнь человека представляет тьму примеров, где воля действует с виду таким же образом...»[4]. Точно так же Сеченовым затем (во второй главе) объясняются произвольные движения, а также воля, память и формирование ассоциаций: «Ассоциация есть, *как сказано,* непрерывный ряд касаний конца предыдущего рефлекса с началом последующего»[5]; о памяти: «Ощущения... возбуждают разом отдельные нервные нити. Следовательно, нужно только, чтобы это возбуждение сохранилось лишь во всех этих нитях»[6]. «*Стало быть*, и все сознательные движения, вытекающие их этих актов (рефлекторных актов. — *М. Р.*), движения, называемые обыкновенно произвольными, суть в строгом смысле отраженные»[7]. По-

1 Сеченов, И. М. Рефлексы головного мозга. — С. 36.

2 Там же. — С. 37.

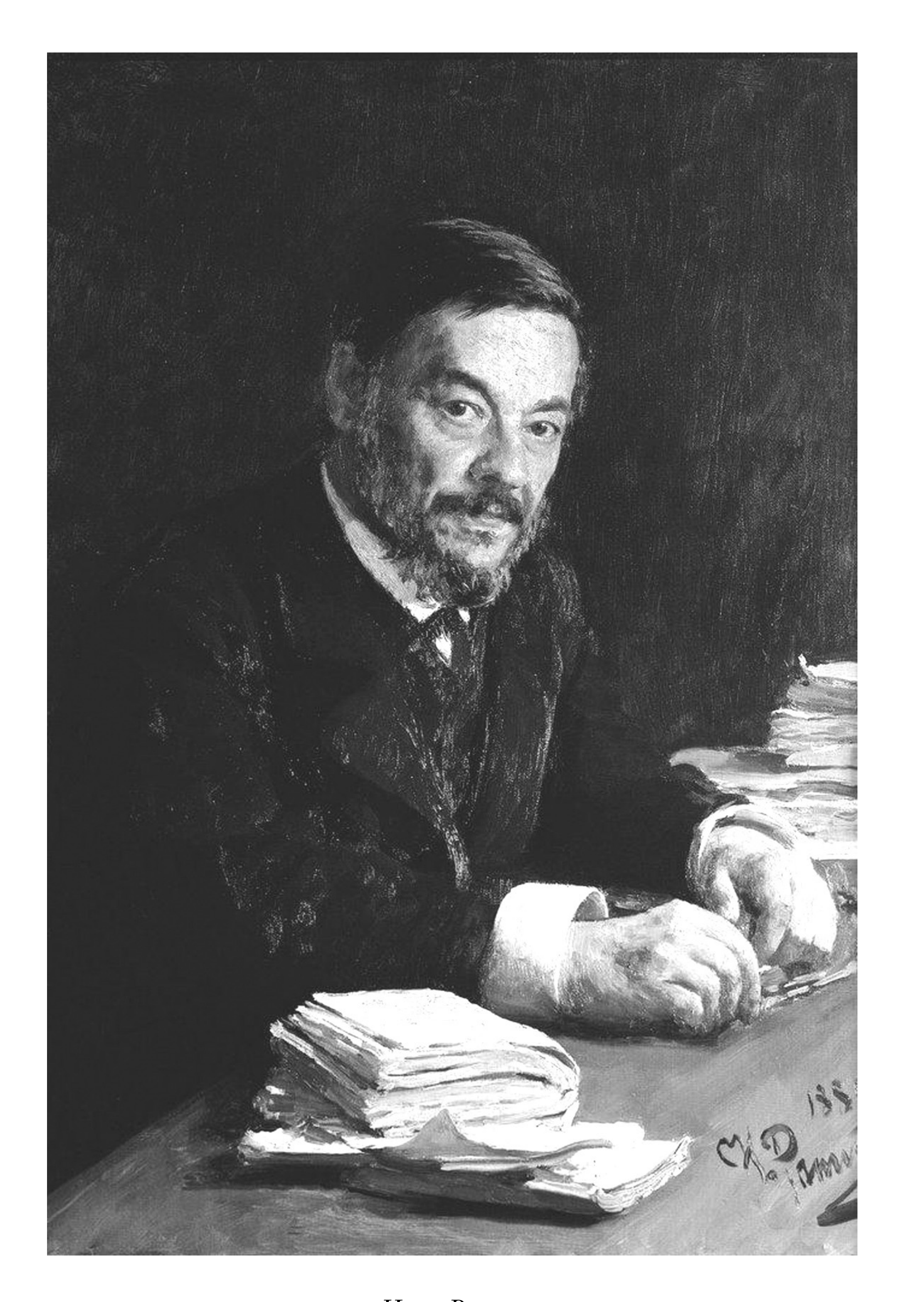
3 Обратим особое внимание: не доказана экспериментально, а «укрепилась мало-помалу мысль».

4 Сеченов, И. М. Указ. соч. — С. 41.

5 Там же. — С. 89.

6 Там же. — С. 87

7 Там же. — С. 94.

Илья Репин.
Портрет физиолога И. М. Сеченова

следняя фраза уже не вызывает сомнений в том, что человек, по представлениям Сеченова — это, выражаясь современным языком, некий биоробот, который способен лишь реагировать на те или иные воздействия внешней среды. В последующем изложении автор еще более точно выражает эту идею: «Мысль есть первые две трети психического рефлекса»[1]. «Первоначальная причина всякого поступка лежит всегда во внешнем чувственном возбуждении, потому что без него никакая мысль невозможна»[2].

Но в заключение, испытывая самое искреннее уважение к выдающемуся соотечественнику, считаю необходимым привести и те цитаты, в которых он сам отчасти реабилитирует свои достаточно вольные допущения: «В предлагаемом исследовании разбирается, — пишет Сеченов, — только внешняя сторона психических рефлексов, так сказать, одни пути их; о сущности самого процесса нет и помина. Принимая за исходную точку исследования явления рефлекса, я, конечно, принимаю вместе с тем и гипотетические стороны учения о нем»[3]. «В основу памяти и явлений воспроизведения психических образований положена также гипотеза о скрытом состоянии нервного возбуждения». «Наконец я должен сознаться, что строил все эти гипотезы, не будучи почти вовсе знаком с психологической литературой»[4]. И самое главное, что Сеченов говорит еще в самом начале его исторической работы: «Разница в воззрении школ на предмет лишь та, что одни, принимая мозг за орган души, отделяют последнюю от первого; другие же говорят, что душа по своей сущности есть продукт деятельности мозга. Мы не философы и в критику

1 Сеченов, И. М. Рефлексы головного мозга. — С. 99.

2 Там же. — С. 101.

3 Там же. — С. 114–115.

4 Там же. — С. 116.

этих различий входить не будем. Для нас, как для физиологов, достаточно и того, что мозг есть орган души...»[1]

«Рефлексы головного мозга» выдержали более 20 переизданий в России, были переведены на немецкий, французский и английский языки и во многом определили развитие мировой физиологии и медицины, но ничуть не менее они сказались на психологии и психотерапии, от каких-либо познаний в которых Сеченов то отказывался, то публиковал программные работы типа «Кому и как разрабатывать психологию»[2]. Эта работа по-своему чрезвычайно интересна, и в ней также содержится много интересных мыслей и гипотез, но мне как врачу и психологу очень трудно принять ее исходный тезис: «Явно, что исходным материалом для разработки психических фактов должны служить, как простейшие, психические проявления у животных, а не у человека»[3].

И. П. Павлов: «О животном организме как о машине»

Наиболее известным последователем И. М. Сеченова стал И. П. Павлов (1849–1936). Еще обучаясь в рязанской духовной семинарии, он прочитал «Рефлексы головного мозга», и эта книга, по его собственному выражению, перевернула всю его жизнь. Не имея возможности выбора университетских специальностей (перечень которых для семинаристов был органичен), Павлов в 1870 году поступает на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, но уже через 2 недели переводится на естественное отделение физико-математического факультета, где специализируется в физиологии животных. Через 5 лет он переводится на 3-й курс

1 Сеченов, И. М. Рефлексы головного мозга. — С. 32.

2 Там же. — С. 118–186.

3 Там же.. — С. 120.

Медико-хирургической академии, после окончания которой, в 1979 году, остается в ней заведующим физиологической лабораторией при клинике выдающегося клинициста-терапевта С. П. Боткина. В 1890 году он избирается заведующим кафедрой фармакологии, а в 1896-м — заведующим кафедрой физиологии, которой руководил 28 лет.

В последующем его главные работы были посвящены секреции пищеварительных желез желудочно-кишечного тракта, где им были предложены несколько особых технологий и проведены тысячи экспериментов, в частности: с помощью фистулы (отверстия в желудке для сбора желудочного сока), с мнимым кормлением (с рассечением пищевода собаки, чтобы пища не попадала в желудок), с мнимой дефекацией (путем замыкания кишечника в кольцо в результате сшивания конца толстой кишки с началом двенадцатиперстной). Несмотря на то, что эти опыты можно было бы назвать крайне жестокими, Павлов в итоге создал современную физиологию органов пищеварения, и именно благодаря этим работам в 1904 году он стал первым российским Нобелевским лауреатом. Теоретический базис его исследований составляла все та же идея рефлекса, на основе которой в последующем Павловым было создано учение о безусловных и условных рефлексах, а последние — легли в основу науки о поведении (бихевиоризма), которая остается чрезвычайно популярной и продуктивной до настоящего времени, в том числе — как одно из направлений современной психотерапии. Павлов стремился открыть всеобщие механизмы научения и соответствующие им нервные механизмы. Он полагал, что во время выработки условного рефлекса в клетках головного мозга происходят структурные и химические изменения, однако многие из гипотез Павлова в этой сфере в последующем не нашли экспериментального подтверждения.

Безусловно, никто не ставит под сомнение введенные Павловым (в 1932 г. на основе теории о высшей нервной деятельности) представления о второй сигнальной системе (системе речевых сигналов), в чем Павлов видел принципиальное различие в работе головного мозга животных и человека. Не будем обсуждать — почему именно головного мозга, а не психики, так как Павлов наличие какой-либо психики у животных отрицал категорически, а над зоопсихологами жестко иронизировал, но никогда не пытался «закрыть» это направление. Слово, по выражению И. П. Павлова, становится «сигналом сигналов», а анализ и синтез осуществляются корой больших полушарий головного мозга. В итоге *главным вместилищем психики становится уже не весь мозг, а только его кора*. Далее идут рассуждения о том, что развитие второй сигнальной системы (и, следовательно, коры мозга) может зависеть от воспитания (социальный фактор) и т. д., но сложные формы поведения, по Павлову — это результат деятельности всей коры больших полушарий, и связать этот процесс с функцией какого-то ограниченного отдела мозга невозможно. Вряд ли уместна какая-то критика, так как теория, относящаяся к сфере естественных наук, не может быть нематериалистической — это вопрос мировоззрения, а не того, что изучается. Представления о том, что развитие второй сигнальной системы и, следовательно, коры головного мозга может зависеть от воспитания, сближают подходы Павлова с тезисом мичуринской биологии о возможности целенаправленного формировании у растений благоприобретенных свойств.

Эти работы Павлова составили основу будущего качественного перехода от классической физиологии к современным информационным подходам к описанию психической деятельности, хотя также не прояснили ее суть и содержание. Но авто-

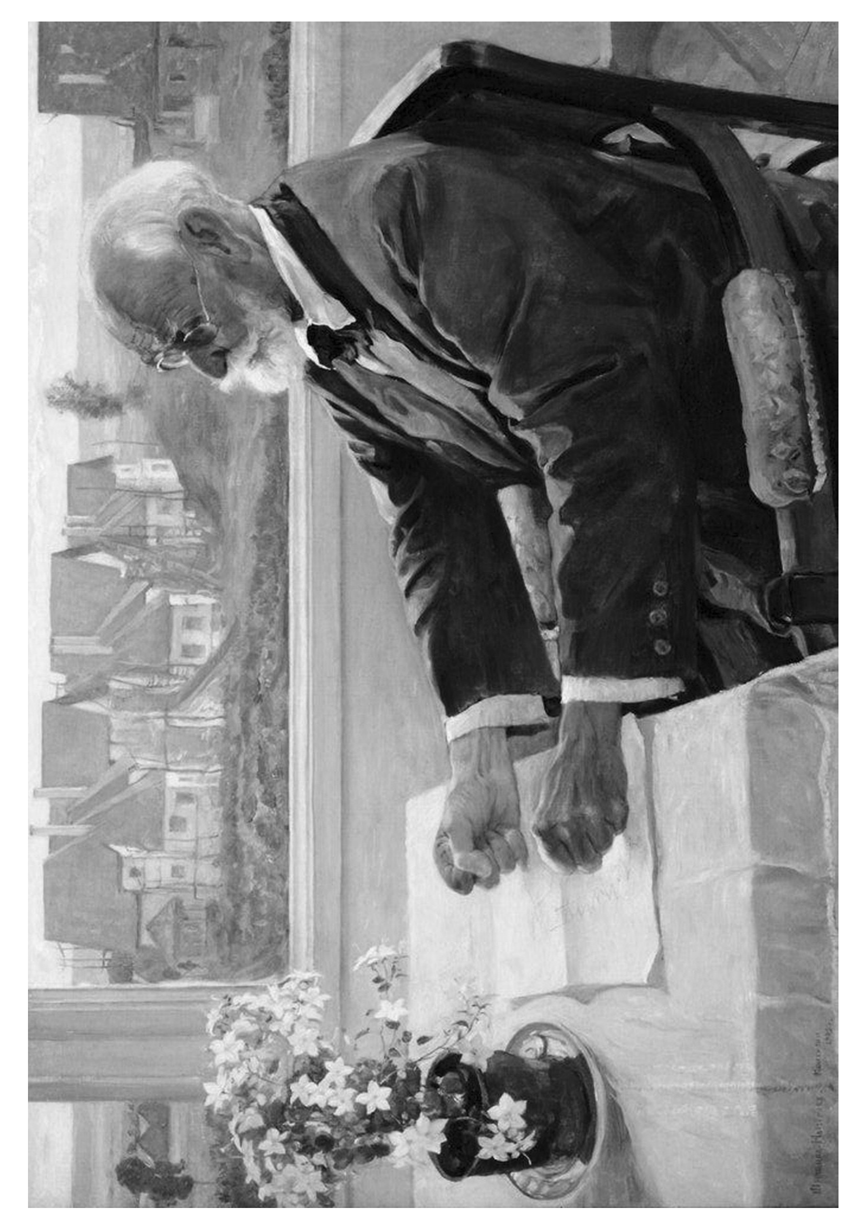
ритет Павлова был так велик, что для каких-то предположений об ином субстрате психики никто не мог даже помышлять. Тем не менее эти разработки Павлова, вне сомнения, были революционными и задолго до работ Шеннона[1], Винера[2] и Тьюринга[3], обосновали общие принципы логической обработки знаковой информации и интеллектуальных операций по заданному алгоритму. Сейчас уже все хорошо знакомы с компьютерами, но хотя эти умные машины и способны осуществлять сложнейшие мыслительные операции, вряд ли кто-то будет утверждать, что «хардвер» (жесткий диск) является аналогом психики. Но, думаю, вполне допустимо рассматривать его как аналог мозга[4].

[1] Шеннон Клод Элвуд (1916–2001) — американский математик, один из создателей математической теории информации, в значительной мере предопределил своими работами развитие кибернетики.

[2] Винер Норберт (1894–1964) — американский ученый, выдающийся математик и философ, основоположник кибернетики и теории искусственного интеллекта. Винер работал вместе с другим американским ученым Джоном (Яношем) фон Нейманом (1903–1957), который разрабатывал ЭВМ для управления береговой ПВО. Но именно Винер обратил внимание на то, что процессы, управляющие электронной системой, аналогичны процессам, описанным в нейрофизиологии, изучающей деятельность живых существ. Сохранение работоспособности таких систем достигается за счет обратной связи, она позволяет отслеживать и корректировать уже начатое, но еще не законченное до конца действие. Существование обратной связи позволило рассматривать сложные системы различной природы — физической, социальной, биологической — с единой точки зрения. Это и есть основы кибернетики, обобщенные Винером в книге «Кибернетика, или Управление и связь в живом мире и машинах» (1948).

[3] Тьюринг Алан Матисон (1912–1954) — английский математик, один из разработчиков современных компьютеров. Он же доказал, что компьютеры никогда не смогут решать любые задачи, так как общего алгоритма для решения любых задач и даже для ввода любых входных данных не может существовать.

[4] Безусловно, было бы нелепо умалять заслуги Павлова применительно к теории научения. Но даже принимая его идеи (говоря современным языком) о программировании (создании «софта») мозга в процессе обучения и воспитания и используя сверхмодное сейчас сравнение центральной части нервной системы с компьютером, чрезвычайно трудно найти объяснение применению психофармакологии при психических нарушениях. С таким же успехом мы могли бы пытаться устранять сбои в программном обеспечении путем воздействия на «железо» компьютера какими-либо химическими веществами.

Михаил Нестеров. Портрет И. П. Павлова

И даже если так, то, как говорят компьютерщики — это только «железо».

После смерти Павлова (1936) происходит, по мнению одних — идеализация его учения как «единственно верного и глубоко материалистического», а по мнению других — случилась «идолизация» его образа и его идей, что сказалось на всей советской науке и наиболее ярко проявилось в так называемой объединенной «Павловской сессии» Академии наук и Академии Медицинских наук (1950), к роли которой в развитии российской психологии мы еще вернемся в следующей главе.

Не так давно один из коллег-психологов спросил меня по поводу того, что могло побуждать физиолога Павлова так много внимания уделять психологии? В ответе мной было высказано предположение, что прежде всего присущий ему глубочайший научный интерес и соблазн разгадать величайшую загадку природы, каковой до настоящего времени остается сознание. Однако затем, после просмотра 5-томного полного собрания сочинений И. П. Павлова[1], неожиданно обнаружилось, что из почти 350 различных работ (от фундаментальных до одностраничных посвящений и предисловий) лишь несколько статей 3-го тома посвящено психологии: «Естественно-научное изучение так называемой душевной деятельности высших животных», «Естествознание и мозг», «Пробная экскурсия физиолога в область психиатрии», «О возможностях слития субъективного с объективным», «Ответ физиолога психологам», а также две пробы физиологического понимания — в одном случае — истерии, а в другом — навязчивого невроза и паранойи. И нужно сразу отметить, что в этих работах Павлов чрезвычайно осторожен и деликатен во всех случаях, когда он

[1] Павлов, И. П. Полное собрание трудов. Т. 1–5. — М.; Л.: Академия наук СССР, 1949.

переходит к психологическим понятиям. Например: «Центральное место в деятельности больших полушарий [мозга], около которого располагается весь наш экспериментальный материал, есть так называемый мной условный рефлекс. Понятие рефлекса в физиологии, дар декартовского гения, есть, конечно, чисто естественно-научное понятие»[1]. Тем не менее шизофрения уверенно характеризуется Павловым как гипнотическое состояние, возникающее у людей со слабым типом нервной системы[2]. Невроз навязчивости и паранойя описываются в рамках гипотезы о «перенапряжении раздражительного процесса»[3], хотя в заключении Павлов достаточно скромно констатирует: «Я не клиницист (я был и остаюсь физиологом) и, конечно, теперь — так поздно — не успею уже и не смогу сделаться клиницистом. Поэтому в моих настоящих соображениях, как и в прежних моих экскурсиях в невропатологию и психиатрию, я не смею при обсуждении соответствующего материала претендовать на достаточную с клинической точки зрения компетентность»[4].

Особенно стоило бы остановиться на «Ответе физиолога психологам». Отстаивая уже широко известные физиологические идеи возбуждения и торможения в центральной нервной системе, теорию условных и безусловных рефлексов, Павлов пишет: «Ясно, что именно идея детерминизма составляла для Декарта сущность понятия рефлекса, и отсюда вытекало представление Декарта о животном организме как о машине. Так понимали рефлекс и все последующие физиологии...»[5] Павлов, конечно, хотел бы, чтобы эти идеи и

[1] Павлов, И. П. Полное собрание трудов. Т. 1–5. — М.; Л.: Академия наук СССР, 1949. — Т. 3. — С. 349.

[2] Там же. — С. 406–410.

[3] Там же. — С. 505–515.

[4] Там же. — С. 515.

[5] Там же. — С. 443.

теории оказались применимыми и к психологии, но далее он отмечает: «Я — психолог-эмпирик и психологическую литературу знаю только по нескольким руководствам психологии и совершенно ничтожному, сравнительно с существующим материалом, количеством прочитанных мной психологических статей. ...Я решительно отрицаю и чувствую сильное нерасположение ко всякой теории, претендующей на полный охват всего того, что составляет наш субъективный мир, но я не могу отказаться от анализа его, от простого понимания его на отдельных пунктах»[1]. И последняя цитата: «Говоря все это, я хотел бы предупредить недоразумение в отношении ко мне. Я не отрицаю психологии как познания внутреннего мира человека»[2]. Эти выдержки из работ Павлова до настоящего времени фактически никем не цитировались, во всяком случае — такие цитаты мне не встречались. А теперь мы можем сделать некоторый промежуточный вывод: с учетом изложенного попытки идеализации или идолизации идей Павлова применительно к психологии следовало бы отнести скорее не к нему самому, а к его последователям. В заключение еще раз отметим, что в этом материале ни в коей мере не подвергаются сомнению физиологические идеи и открытия нашего выдающегося соотечественника, которые затем получили свое развитие в работах Джона Уотсона (1878–1958) и Берреса Скиннера (1904–1990)[3].

1 Павлов, И. П. Полное собрание трудов. Т. 1–5. — М.; Л.: Академия наук СССР, 1949. — Т. 3. — С. 451.

2 Там же. — С. 104.

3 Уотсон Дж. — американский психолог — основоположник бихевиоризма, который отвергает как сознательную, так и бессознательную психическую деятельность и изучает поведение животных и людей в терминах физиологических реакций на стимулы. Б. Скиннер — один из самых известных представителей бихевиоральной психологии, развил положения теории И. П. Павлова об условных рефлексах и создал технику «оперантного обусловливания», при которой модификация поведения достигается за счет постепенного и постоянного подкрепления. Ему же принадлежит идея программированного обучения.

В. М. Бехтерев: «Нелепо говорить о душевных болезнях»

Изложение физиологических подходов к душевным болезням было бы неполным без описания вклада выдающегося российского психиатра и невролога Владимира Михайловича Бехтерева (1857–1927), большая часть жизни и разносторонней научной деятельности которого также была связана с Санкт-Петербургской медико-хирургической академией, которую он окончил в 1878 году, и уже в 1881 году (в 24 года) получил ученую степень доктора медицины. Окончание Академии оказалось досрочным, так как 12 апреля 1877 Россия была в очередной раз вовлечена в русско-турецкую войну на Балканах, и Владимир Бехтерев, который только оканчивал четвертый курс, вступил в санитарный отряд, организованный по призыву С. П. Боткина на деньги состоятельных студентов. Война завершилась уже в феврале 1878 года, но международная обстановка оставалась напряженной, поэтому выпускные экзамены в Академии в 1878 году провели досрочно. Бехтерев оказался в числе трех выпускников, у которых за весь курс обучения в академии было более двух третей отличных оценок, в связи с чем он получил денежную премию 300 рублей и право держать экзамен в действующий в то время при Академии Институт усовершенствования врачей, или, как его называли, «профессорский институт», готовивший научно-педагогические кадры. Экзамен в Институт усовершенствования врачей Бехтерев сдал успешно, однако, как и его товарищи, удостоенные этого права, зачислен в него не был — все они вошли во временно организованный запас армейских врачей при Клиническом военном госпитале — базовом лечебном учреждении Академии. В результате Бехтерев вначале оказался врачом-стажером при возглавляемой

И. П. Мержеевским[1] клинике душевных и нервных болезней, которого затем сменил на этом посту.

В 1884 г. Бехтерев был командирован за границу, где стажировался у уже упомянутого Дюбуа-Реймона (Берлин), основателя современной психологии Вильгельма Вундта (Лейпциг), Теодора Мейнерта (Вена), Жана Шарко (Париж) и др. По возвращении в Россию в 1885 г. Бехтерев уезжает в Казанский университет, где ему предложена кафедра и заведование психиатрической клиникой, там же он создает первую в России психофизиологическую лабораторию. В 1893 г. Бехтерев возвращается в Медико-хирургическую академию и возглавляет кафедру нервных и душевных болезней, а в 1908 году Бехтерев создает частный Психоневрологический институт, который в настоящее время всемирно известен как Институт им. В. М. Бехтерева.

Постепенно особое внимание опытного клинициста — невролога и психопатолога начинают привлекать проблемы психологии. Исходя из безусловно доминирующих в то время идей, что психическая деятельность возникает в результате работы мозга, в своих исследованиях Бехтерев опирался главным образом на достижения физиологии и прежде всего на учение о «сочетательных» (условных) рефлексах. В 1902 году он опубликовал книгу «Психика и жизнь», в которой высказал свое мнение о сущности психических процессов и о соотношении между бытием и сознанием, но его отношение к психическим феноменам наиболее точно выражено в работе «Введение в патологическую рефлексологию» (1926), переизданной недавно (1997) под названием «Будущее психиатрии», где Бехтерев, критикуя одновременно и психологические, и

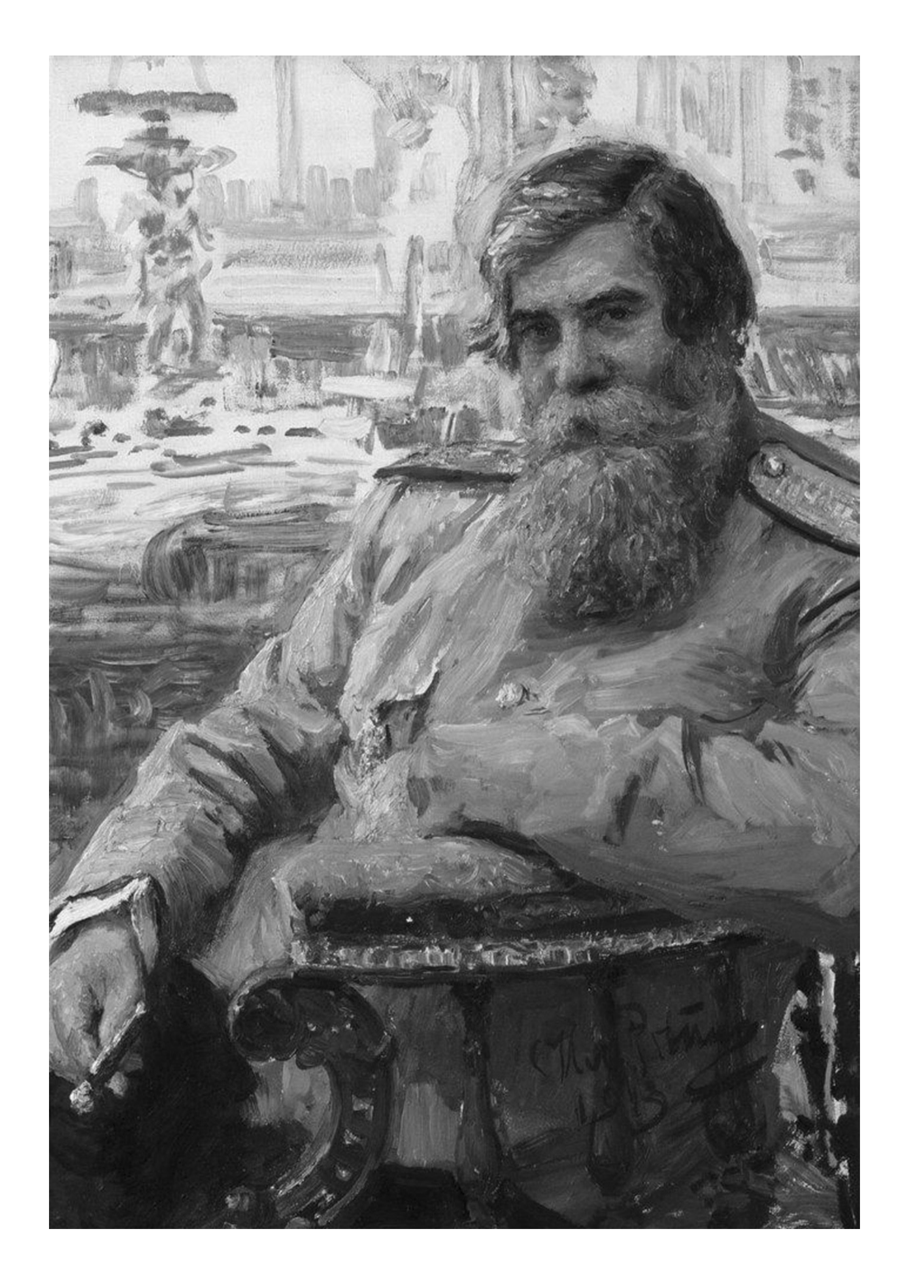
[1] Мержеевский Иван Павлович — известный российский психиатр (1838 — 1908). Окончил Медико-хирургическую академию в Петербурге, в 1877–1893 в качестве профессора возглавлял кафедру клинику душевных болезней Академии.

психиатрические подходы к проблеме, писал: «Нет надобности говорить о совершенной бесплодности всей этой метафизической эквилибристики. Если речь идет о наличии душевного бытия в качестве чего-то самостоятельного от мозга, то все наше знание переворачивается вверх дном... А так как все эти вопросы, или по крайней мере первый из них, оказываются неразрешимыми с той точки зрения, которой придерживается автор, то дальше этих вопросов некуда идти... Автор и относит на этом основании психиатрию к умозрительным наукам, к наукам о "духе", не признавая ее наукой, входящей в круг ведения естествоиспытателей и врачей, заявляя, что она должна быть во всяком случае с неменьшим правом отнесена к наукам о духе, то есть метафизическим знаниям. При этой точке зрения естественно возникают проблемы возможности заболевания самой души, вследствие чего выражение "душевнобольные" (*Gemutskrankheiten*) становится само по себе нелепым. И действительно, сколь ненаучно говорить о душе как сущности, обособляемой от мозга, столь же нелепо говорить о душевных болезнях. На этом основании, руководствуясь тем, что нет вообще психических процессов без процессов мозга и что так называемые психические процессы всегда и везде суть процессы мозга, мы совершенно устранили из обихода вышеуказанную терминологию и обозначаем предмет психиатрии не душевными болезнями, а болезнями личности, объект же психиатрии обозначаем не душевнобольным, а лично-больным»[1]. Следует обратить особое внимание на стилистику изложения: большинство используемых аргументов базируются только на авторитетности мнения автора, а доказательства — на его исходной уверенности в своей правоте.

[1] Бехтерев, В. М. Будущее психиатрии: Введение в патологическую рефлексологию. — СПб.: Наука, 1997. — С. 23.

В 1903 году Бехтерев завершил подготовку первого тома 7-томного издания «Основы учения о функциях мозга», где он впервые представил энергетическую теорию торможения, согласно которой нервная энергия в мозгу устремляется к находящемуся в деятельном состоянии центру. Она как бы стекается к нему по связующим отдельные территории мозга проводящим путям прежде всего из вблизи расположенных территорий мозга, в которых, как считал Бехтерев, возникает «понижение возбудимости, следовательно, угнетение».

В 1907–1910 годах Бехтерев издал три тома книги «Объективная психология», где обосновывал, что все психические процессы сопровождаются рефлекторными двигательными и вегетативными реакциями, которые доступны наблюдению и регистрации. *Сразу заметим — не сводятся к двигательным и вегетативным реакциям, а сопровождаются ими.* Бехтерев считал возможным изучать не только осознаваемые, но и неосознанные психические явления. В первом томе «Объективной психологии» Бехтерев предложил выделить психологию индивидуальную, общественную, национальную, сравнительную, а также зоопсихологию. Кроме того, он считал необходимым выделение в отдельное направление психологии детского возраста «как науки, изучающей законы и последовательность психического развития отдельных индивидуумов». Уже в советский период, в 1918 году, по инициативе Владимира Бехтерева был создан Институт мозга, который также действует до настоящего времени и является одним из ведущих центров отечественной физиологической науки. Бехтерев неоднократно критиковал психоанализ, но одновременно с этим явно шел в чем-то параллельным «курсом» и способствовал проведению в его Институте теоретических, экспериментальных и психотерапевтических исследований по психоанализу, и такая ориентация Института Бехтерева сохраняется по настоящее время.

Илья Репин.
Портрет В. М. Бехтерева

Широта научных интересов Бехтерева просто поражает, так же как и его работоспособность: он исследовал целый ряд психиатрических, неврологических, физиологических, морфологических и психологических проблем, публиковал иногда до 20 статей в год, при этом никогда не ставил свою подпись под чужими работами, в том числе работами своих учеников. Обратившись к современной ему психологии, он разрабатывает собственное учение, которое вначале (1904) именует объективной психологией, затем (с 1910) — психорефлексологией, а с 1917-го рефлексологией. И эта смена терминологии вовсе не случайна: Бехтерев, с одной стороны, постепенно как бы отказывается от попыток всеобъемлющего объяснения психики на основе физиологических теорий, а с другой — пытается создать комплексную науку о человеке и обществе, интегрирующую достижения физиологии, психологии и социологии.

В целом рефлексология, применительно к психологии, может быть отнесена к механистическим направлениям, которые рассматривали психическую деятельность человека как совокупность условных рефлексов, образовавшихся в результате влияния внешней среды на нервную систему. Тем не менее еще раз подчеркнем, что рефлексология ограничивалась изучением *внешних реакций организма*, в определенном смысле дистанцируясь от изучения психики и сознания. У Бехтерева было множество последователей, однако к концу 20-х годов, когда началась «марксистская критика рефлексологии», значительная часть его учеников «пересмотрела» свои взгляды. Новый всплеск интереса к рефлексологии наблюдался уже после смерти Бехтерева, в 50-х годах XX века, после уже упомянутой «Павловский сессии», когда резко усилились антипсихологические (идеологические) установки в отечественной науке, носившие характер, как отмечали в

последующем некоторые авторы — своеобразных «рефлексологических реминисценций».

Обобщенно характер творчества Бехтерева в этой области можно было бы охарактеризовать как постепенный переход от безуспешных попыток объективного экспериментального изучения психики к «чистой» рефлексологии, отказывающейся от исследования психических явлений и акцентирующей внимание лишь на их внешних проявлениях. Постулировав существование единого нервно-психического процесса, в котором в нерасчлененном виде представлены и физиологические, и психические компоненты, в качестве основной единицы анализа нервно-психической деятельности Бехтерев рассматривает рефлекс — как универсальный динамический механизм, лежащий в основе всех реакций человека. Деятельность человека в рамках этой теории представляет собой сумму рефлексов, различающихся по сложности, характеру и особенностям организации. Однако в центре научных исследований Бехтерева на протяжении всего периода его работы остаются не психика и сознание, а их внешние проявления.

Так же как и Фрейд (1896), Бехтерев исходил из представлений о законе сохранения энергии в живых системах, который считал применимым и к физиологическим, и к психическим процессам[1]. Этим не ограничивается сходство подходов двух выдающихся ученых, например, в структуре личности Бехтерев выделял сознательную и бессознательную части, указывал на доминирующую роль бессознательных мотивов в поведении, а также признавал роль сублимации как способа канализации психической энергии в социально-приемлемое русло. Принципиально важно упомянуть, что (в некотором смысле

[1] Изложение теории Фрейда лучше всего представлено во 2-м томе его собрания сочинений «Автопортрет» (СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2006).

«вразрез» его теории) Бехтерев не ограничивался анализом только индивидуального поведения человека: признавая взаимосвязь индивидуального и коллективного мышления и поведения, в работе «Коллективная рефлексология» (1921) он одновременно с Фрейдом поставил вопрос об объективном изучении этой взаимосвязи[1].

Разрабатывая объективную психологию как психологию поведения, рефлексология Бехтерева тем не менее (в отличие от бихевиоризма) не отвергала сознание, как особый феномен и признавала адекватными субъективные методы исследования психики, в том числе — самонаблюдение. В поздних работах Бехтерев явно склоняется к тому, что рефлексология не может заменить психологию, и в последние годы его деятельности в Психоневрологическом институте появляются работы (в частности, В. Н. Мясищева[2]), которые постепенно выходят далеко за рамки рефлексологического подхода, сближаясь с появившимся ранее психоанализом и закладывая основы для развития отечественной психотерапии. Таким образом,

[1] Аналогичные идеи З. Фрейда были изложены в том же году в работе «Психология масс и анализ человеческого Я» (1921).

[2] Мясищев Владимир Николаевич (1893–1973) — выдающийся российский ученый, с 1921 года сотрудник Психоневрологического института, а с 1927 — руководитель отдела рефлексологии того же Института. В отличие от своего учителя — В. М. Бехтерева В. Н. Мясищев в своих психологических исследованиях делает акцент не на эндо-, а на экзопсихике (мире отношений субъекта или, как сказали бы психоаналитики — на «объектных отношениях»). Позднее В. Н. Мясищев представляет свою концепцию научному сообществу как «психологию отношений». Характерной для его творчества является многозначность понятия «отношение», которое имеет в его концепции, по крайней мере, пять авторских смыслов. Отношение рассматривается: 1) как связь субъекта и объекта; 2) как интегральная «позиция» субъекта (то есть, не организма, а личности. — *М. Р.*); 3) как предмет психологии, поскольку психическое определено как система отношений; 4) как одна из категорий психологии наряду с процессами, состояниями и свойствами личности; 5) как обозначение конкретной проблематики или специальный раздел психологии, включающий изучение целей, стремлений, тенденций, интересов, оценок, идеалов, потребностей, убеждений. В целом, эта концепция не утратила своей актуальности до настоящего времени.

мы можем констатировать, что рефлексология сыграла свою особую роль в переходе к новой парадигме психотерапии — от чисто физиологического подхода к психическим феноменам к интегративному (психофизиологическому), который относится уже к современности. В целом, к этому же (психофизиологическому) направлению можно было бы отнести и введенные в этой книге гипотетические представления о мозге как биологическом интерфейсе.

Лекция 4

Метод негативного поощрения в науке («Павловская сессия»)

«Репрессированное знание»[1]

Исследуя отклоняющееся поведения и способы его коррекции, В. М. Бехтерев активно полемизировал с бихевиоризмом, в рамках которого в качестве главного способа психотерапии рассматривалось положительное подкрепление желательного поведения и отрицательное — нежелательного. В частности, Бехтерев считал, что любое подкрепление (и положительное, и отрицательное) может способствовать фиксации любой патологической реакции. Наиболее ярко этот теоретический тезис раскрывает реальная ситуация с «Павловской сессией» АН и АМН СССР (28 июня — 4 июля 1950).

Большинство специалистов хотя бы что-то или хотя бы понаслышке знают об этом трагическом событии в истории российской науки, но думаю, что оно заслуживает более пристального внимания, особенно — для представителей гуманитарных наук и особенно — для психологии.

[1] Этот подзаголовок позаимствован мной из названия доклада академика Д. С. Лихачева на первой международной конференции по психоанализу в России (6–8 мая 1996 г., Санкт-Петербург).

Геноцид талантливых ученых-естествоиспытателей и философов, мировоззрение которых никак не укладывалось в прокрустово ложе марксизма-ленинизма, начался гораздо раньше, еще в период так называемых «ленинских пароходов», на которых в 1922 г. вывезли из страны несколько сотен ученых, составлявших интеллектуальную элиту нации (и этот «дар» был с ужасом и благодарностью принят Западом). Чтобы понять, в каких условиях *существовала* научная мысль в советской России, остановимся на этом событии более подробно (мне хотелось сказать «развивалась», но, как говорят, «язык не повернулся»).

Вывозили ученых не только немецкими пароходами, но и поездами до Риги и Берлина. Все начинается с записки Ленина к Сталину от 16 июля 1922 года, где относительно русской интеллигенции «вождь мировой революции» высказывается достаточно однозначно: «Арестовать несколько сот и без объявления мотивов — выезжайте, господа!». В чем причина? Естественно, что никакого особого сочувствия утопическим проектам большевиков образованная часть общества не проявляла. Особое беспокойство у советского правительства вызывали активно зазвучавшие в период НЭПа требования демократических свобод, свободы совести, ограничения некомпетентного властного вмешательства новой генерации полуграмотных большевистских чиновников в деятельность специалистов, а накануне памятной записки Ильича — зимой 1922 года власти впервые столкнулись с массовыми забастовками профессоров и преподавателей вузов. Одновременно оживилось общественное движение в интеллигентской среде. Именно тогда у Ленина появилась идея высылки из страны нелояльной наличной власти интеллектуальной элиты, которую он формулирует в мартовской (1922) статье

«О значении воинствующего материализма». 19 мая 1922 г. Ленин в секретном письме Дзержинскому дает четкие инструкции по подготовке высылки «писателей и профессоров, помогающих контрреволюции», требует начать сбор сведений о настроениях интеллигенции, а также обязать членов Политбюро «уделять 2–3 часа в неделю на просмотр ряда изданий и книг, проверяя исполнение, требуя письменных отзывов и добиваясь присылки в Москву без проволочки всех некоммунистических изданий».

Затем к работе подключился нарком здравоохранения Н. А. Семашко, докладывая в письме от 21 мая 1922 года об итогах 2-го Всероссийского съезда врачебных секций Всероссийского медико-санитарного общества. Съезд выявил «опасные» тенденции: врачи хвалили земскую медицину, требовали полной демократии, хотели основать свое общественно-медицинское издание. Ленин переправил это письмо Семашко Сталину с предложением секретно показать его Дзержинскому и заняться выработкой мер против враждебной врачебной оппозиции. После обсуждения в Политбюро была разработана система мер, согласно которой Наркомздраву совместно с ГПУ надлежало заняться составлением списков врачей, подлежащих высылке. В мае 1922 года начали создаваться секретные «бюро содействия» ГПУ в его работе при всех государственных учреждениях, наркоматах и университетах, которые действовали, фактически, до окончания советского периода, и мне пришлось испытать на себе всю мощь этой организации.

Списки на высылку готовились спешно и под неустанным контролем Политбюро, но Ленин, еще не оправившийся после первого инсульта, требовал еще большего рвения. 16 июля 1922 года он писал Сталину из Горок: «Эта операция, начатая до моего отпуска, не закончена и сейчас... Комиссия... должна

представить списки, и надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистим Россию надолго». Не только очистили, в результате чего гуманитарное знание в России на длительный период «просело» до примитивного уровня, но и «отутюжили» мышление нескольких последующих поколений из тех, кто остался и затем пришел им на смену. Трудно представить, как себя чувствовали наши предшественники — ученые, жизнь которых была неразрывно связана с Россией, когда они читали опубликованную в газетах резолюцию Политбюро о насущной необходимости репрессий против верхушки буржуазной интеллигенции, для которой «подлинные интересы науки, техники, педагогики, кооперации и т. д. являются только пустым словом, политическим прикрытием».

Ночи 16–18 августа 1922 года, когда прошли массовые аресты среди интеллигенции, можно без преувеличения назвать Варфоломеевской ночью российской науки[1]. Начались аресты, временное содержание под домашним арестом и массовые высылки. В списки попали известнейшие философы, историки, писатели, врачи, деятели кооперативного движения, экономисты и финансисты, ученые-естествоиспытатели, инженеры. Под угрозой расстрела с арестованных взяли подписки с обязательством выехать за границу и не возвращаться в советскую Россию. Высылаемым разрешалось взять с собой небольшую денежную сумму и минимальный набор личных вещей — две смены белья, зимнее и летнее пальто, из ценностей — только обручальные кольца (драгоценности, включая золотые нательные кресты, брать не разрешалось). По первому

[1] Варфоломеевская ночь — резня гутенотов во Франции, учиненная католиками в ночь на 24 августа 1572 года (то есть ровно за 350 лет до описываемых событий), в канун дня святого Варфоломея, в результате которой было уничтожено от 3 000 до 10 000 человек.

списку высылалось 217 ученых, в том числе из Москвы — 67 человек, из Петрограда — 53, среди которых были Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, Л. П. Карсавин, Н. О. Лосский, М. А. Осоргин, П. А. Сорокин, Ф. А. Степун, С. Е. Трубецкой, С. Л. Франк и множество других[1]. Ленин называл высылку заменой расстрела. На фоне получившего широкий общественный резонанс дела «Петроградской боевой организации В. Н. Таганцева» — ученого секретаря одного из комитетов Российской Академии наук, когда было арестовано более 800 человек, из которых 96 — расстреляно (в том числе поэт Николай Гумилев), а 83 отправлено в концентрационные лагеря, высылка, конечно, была проявлением «высокого ленинского гуманизма». Чтобы понять, в какой обстановке развивалась затем советская наука, нужно учитывать, что люди высылались по одному лишь подозрению, не только без суда и следствия, но и вообще — без предъявления какой-либо конкретной вины. Страна лишилась не только этих людей, но и их трудов, которые оказались под запретом, а также их умов и их идей, которые уже не могли быть переданы следующим поколениям российских ученых.

О репрессиях 30-х годов большинство хорошо знают из литературы и кино, впрочем, как и о печально известной сессии ВАСХНИЛ (31 июля — 7 августа 1948 года), которая

[1] Бердяев Николай Александрович (1874–1948) — религиозный философ и публицист; Ильин Иван Александрович (1882–1954) – философ, социолог и правовед; Карсавин Лев Платонович (1882–1952) — философ, историк-медиевист, поэт; Лосский Николай Онуфриевич (1870–1965) — философ, психолог, основатель теории интуитивизма и персонализма; Осоргин Михаил Андреевич (1878–1942) — писатель, литературный критик, общественный деятель; Сорокин Питирим Александрович (1889–1968) — социолог и культуролог; Степун Федор Августович (1884–1965) — писатель, философ, историк культуры; Трубецкой Сергей Евгеньевич (1890–1949) — философ и литератор; Франк Семен Людвигович (1877–1950) — философ и психолог.

предшествовала «Павловской сессии», и на которой сиюминутную победу торжествовал представитель «марксистской биологии» — истинный мичуринец академик Т. Д. Лысенко. Конечно, ни выдающийся русский селекционер И. М. Мичурин (1855–1935), ни Нобелевский лауреат И. П. Павлов (1849–1936) не имели к этому никакого отношения, ибо к моменту этих исторических событий уже давно ушли из жизни, а их имена просто использовались в качестве разменной монеты для сведения счетов и, как сказали бы сейчас, «недобросовестной конкуренции в науке». Увы, этот метод жив и сейчас, особенно в гуманитарных науках, где знание — всегда неочевидно, а любые доказательства — гипотетичны и спорны.

Уверен, что если бы И. П. Павлов был жив, такая сессия не смогла бы состояться. По рассказу академика В. И. Воячека[1], у которого мне посчастливилось учиться в Военно-медицинской академии, Павлов был человеком весьма скверного и тяжелого характера, но, несмотря на все его влияние, он никогда не пытался закрыть ни одно направление в науке и боролся со своими оппонентами исключительно методами убеждения и научной дискуссии. Но, как нередко случалось в истории и ранее, после ухода «первого среди равных» желающих претендовать на место «просто первого» всегда оказывается много, и тогда менее талантливые, а то и вовсе бесталанные начинают неистово бить себя в грудь, именуясь самыми верными учениками и последователями, а также призывают на помощь офи-

[1] Воячек Владимир Игнатьевич (1876–1971) — российский ученый, академик, генерал-лейтенант медицинской службы, Герой Социалистического Труда. Во многих справочниках почему-то упоминается исключительно как советский ученый, но Воячек окончил Военно-медицинскую академию еще в 1899 году и затем преподавал в ней.

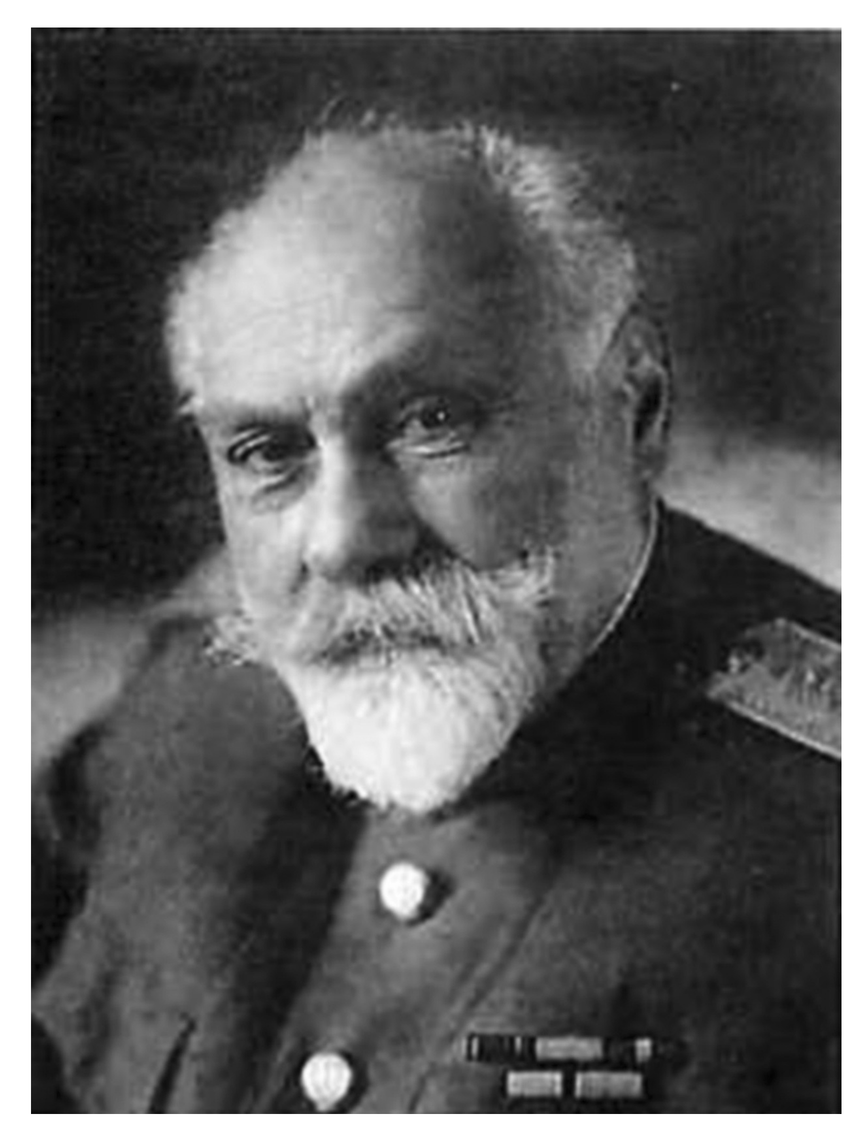
циальные статусы и структуры и тех или иных наличных вождей.

Главная задача сессии состояла вовсе не в подтверждении того, что многие ученые нашей страны успешно и плодотворно развивают учение Павлова (как об этом писали советские энциклопедии), а в том, чтобы вскрыть «ошибочные позиции некоторых наших ученых по ряду основных вопросов физиологии», а также «не допустить в нашей стране реакционных метафизических и идеалистических теорий и направлений в научных исследованиях». В первую очередь, как показывают исторические документы, это было очередным этапом идеологической борьбы, а точнее — борьбы со свободомыслием, показательной «мишенью» которой должен быть стать академик Л. А. Орбели[1], а косвенно эта сессия завершала период уничтожения психологии, начатый еще в конце двадцатых, когда были разгромлены педология, психотехника и психоанализ. Наука страны была отброшена назад в своем развитии, как минимум, лет на сорок.

Подготовка к «Павловской сессии» началась еще в 1949 году с вызова Е. И. Смирнова[2], в то время министра здравоохранения СССР, к Сталину для беседы, в процессе которой «вождь народов» в очередной раз высказал идею о пользе научных дискуссий, в данном конкретном случае — в области

[1] Орбели Леон Абгарович (1882 — 1958) — выдающийся российский ученый, академик, к моменту проведения Сессии — Заслуженный деятель науки, лауреат премий имени И. П. Павлова и Сталинской премии, Герой Социалистического Труда, начальник Военно-медицинской академии, вице-президент АН СССР, один из создателей эволюционной физиологии, генерал-полковник медицинской службы, руководитель Физиологического института им. И. П. Павлова АН СССР, Института эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова АМН СССР и т. д.

[2] Смирнов Ефим Иванович (1904–1989) — генерал-полковник медицинской службы, академик АМН, Герой Социалистического Труда, начальник Главного военно-санитарного и затем Главного военно-медицинского управления МО СССР (1939–1947, 1955–60), министр здравоохранения СССР (1947–53).

Леон Абгарович Орбели

физиологии, но смысл ее состоял в том, как свидетельствовал сам Смирнов[1] много позднее, чтобы расправиться с Орбели и другими независимо мыслящими учеными. Воспринятое в свое время от Павлова убеждение в том, что ученый должен быть «хозяином в собственном деле», Орбели никогда не скрывал. «Вождь народов», безусловно, был информирован о его «вызывающем» поведении в период сессии ВАСХНИЛ 1948 года, где он должен был присутствовать по должности, как академик-секретарь отделения биологии Академии наук СССР. Но Орбели на сессию вообще не явился и тем самым продемонстрировал свое отношение к Лысенко и его учению.

Стенографический отчет о сессии, изданный АН СССР в том же 1950 году, включает 734 страницы, и мы, конечно, не будем пересказывать его полностью. На участие в сессии было подано более 2 тысяч заявок от различных научных учреждений, но Оргкомитет пригласил в качестве делегатов лишь 480 человек и еще 920 были выданы гостевые билеты. Для участия в сессии с докладами записалось 209 ученых, но в дискуссии успел выступить только 81. Как полагалось в то время, сессия приняла письменное обращение к И. В. Сталину, которое заканчивалось словами: «Да здравствует наш любимый учитель и вождь, слава всего трудящегося человечества, гордость и знамя передовой науки — великий Сталин!». Никем не замечаемый цинизм ситуации еще больше усиливался тем, что это приветствие зачитал президент АН СССР, академик С. И. Вавилов, брат недавно репрессированного сталинским режимом академика Н. И. Вавилова.

[1] Ярошевский, М. Г. Как предали Ивана Павлова // Репрессированная наука. Вып. 2. СПб.: Наука, 1994. — С. 76–82.

До Октябрьского переворота отечественная физиология, психология и все остальные области знания составляли неотъемлемую часть мировой науки и не сильно от нее отличались, во всяком случае, ни о каком отставании речи не было. Однако возведение марксизма и диалектического материализма в ранг государственного и «единственно верного» мировоззрения резко изменило и даже извратило развитие многих наук в России. Более того, даже простые сомнения в верности официальной научной доктрины стали оцениваться как оппозиция наличной государственной власти, как вариант некой «ереси», заслуживающей самой строгой кары, вплоть до смертной казни. Одним из наиболее ярких проявлений этой установки явилось создание (также — «единственно верной») марксистской психологии как «объективной науки», в рамках которой — на самом деле — осуществлялась насильственная редукция всего психологического знания до примитивно-биологических и физиологических концепций. Для тех, кто не хотел или не мог (по своим убеждениям) идти по этому пути и оказывался в стане «отщепенцев», существовали три основные формы государственно-общественного порицания, дистанция между которыми была крайне невелика: вначале ученый упрекался в недостаточно выверенной маркистской позиции, затем объявлялся «продажной девкой империализма», откуда было уже совсем близко до особого статуса «врага народа».

Этот тип «поступательного развития советской науки» начался еще в 30-е годы, когда некоторые направления полностью запрещались, в том числе — в истории, в языкознании, в литературоведении, в политэкономии, в философии, в психологии, в биологии и даже в химии и физике, включая, например, теорию относительности Альберта Эйнштейна. «Павловская сессия», в принципе, решала, казалось бы, «частную задачу» — марксистской перестройки всей физиологии,

медицины и психологии, но *не менее значимой и пока не получившей верной оценки была другая — модификация всей системы образования и насильственное внедрение в нее (для всех категорий специалистов) грубо материалистических представлений о психике и сознании,* что наиболее ярко проявилось не в дискуссии, а в заранее подготовленном тексте постановления, выдержки из которого будут приведены в конце раздела.

Стенограмма морального помешательства

Официальную задачу Сессии поставил ученик Павлова академик К. М. Быков[1], в докладе[2] которого «Развитие идей И. П. Павлова (задачи и перспективы)», в частности, говорилось, что нужно «добиться во всех областях теории и практики коренного изменения отношения к павловскому учению с полным признанием классических открытий И. П. Павлова, как имеющих принципиальное и всеобщее значение для всех областей физиологии и медицины. Исследования по разработке учения Павлова следует вести в строгом соответствии с теми проблемами, которые ставил сам Павлов, или вытекающими из существа его учения». Весьма красноречиво выступление физиолога и психиатра академика А. Г. Иванова-Смоленского[3] об отношении к учению Павлова в психиатрии: «Нельзя

[1] Быков Константин Михайлович (1886–1959), советский физиолог, академик АН СССР, Заслуженный деятель науки РСФСР, директор Института физиологии центральной нервной системы, ученик И. П. Павлова. Его основные работы были посвящены проблеме функциональных взаимоотношений коры головного мозга и внутренних органов. Один из авторов теории кортико-висцеральной патологии (в современной науке это направление именуется психосоматическим, его основные положения были обоснованы учеником Фрейда Францем Александером).

[2] Научная сессия посвященная проблемам физиологического учения академика И. П. Павлова 28 июня – 4 июля 1950 г. Стенографический отчет. М.: Издательство АН СССР, 1950. — С. 13–43.

[3] Иванов-Смоленский Анатолий Георгиевич (1895–1882) — советский физиолог и психиатр, академик АМН СССР, ученик В. М.Бехтерева, у которого работал старшим ассистентом в области рефлексологии, а затем перешел на позиции И. П. Павлова и продолжал исследования в его лаборатории, организатор и главный редактор «Журнала высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова».

без горечи вспомнить, что в течение длительного времени и еще совсем недавно все попытки приложения павловского учения к задачам психиатрии неизменно встречались “в штыки”, пренебрежительно именовались “словесной шелухой” и рассматривались как “огромная механистическая опасность” для советской психиатрии». Далее, ссылаясь на свидетельство проф. А. Л. Мясникова[1], Иванов-Смоленский отмечает: «Обширная группа заболеваний кишечника, так же как и желчевыделительной системы, почти не трактуется с павловских позиций... Перед терапевтической клиникой стоит важная задача — восполнить этот пробел и пересмотреть частную патологию и терапию болезней пищеварения на основе идей Павлова». Эту же тему применительно к болезням системы кровообращения подхватывает Смирнов: «Учение И. П. Павлова о нервной регуляции в сердечно-сосудистой системе не разрабатывалось... Изучение шло в отдельных лабораториях и очень часто не встречало большой заинтересованности в широких кругах физиологов, о чем можно было судить по докладам на съездах физиологов и при выступлениях в научных обществах»[2].

И далее в том же духе. Академик А. Д. Слоним[3]: «Даже в учебниках мичуринской биологии совершенно не отражается учение И. П. Павлова; если же авторы и приводят это учение, то в качестве чисто механического вкрапливания, вовсе не объединяя его с основными материалами по биоло-

[1] Мясников Александр Леонидович (1899–1965) — выдающийся советский терапевт, действительный член АМН СССР, лауреат международной премии «Золотой стетоскоп», автор ряда монографий и учебников по терапии, заведовал кафедрой госпитальной терапии Военно-медицинской академии, с 1957 года — председатель Российского общества терапевтов, в 1967 году на базе Института терапии АМН СССР создан Институт кардиологии имени А. Л. Мясникова, перед которым установлен бюст ученого.

[2] Научная сессия посвященная проблемам физиологического учения академика И. П. Павлова 28 июня – 4 июля 1950 г. Стенографический отчет. М.: Издательство АН СССР, 1950. — С. 85.

[3] Слоним Абрам Донович (1903–1986) — академик, сотрудник Института физиологии АМН СССР, автор учения о физиологической адаптации.

гии животных»[1]. Академик Кротков Ф. Г.[2]: «Тщетно ...искать имя Павлова в гигиенических учебниках для студентов и в руководствах для врачей... Отсюда следует сделать только один вывод — учебники для студентов и руководства по гигиене для врачей должны быть написаны заново на основе павловского учения, в духе идей И. П. Павлова»[3].

Кого-то сильно удивит выступления выдающегося российского психолога С. Л. Рубинштейна (1889–1960): «...Я должен прежде всего полным голосом заявить о том, что задача органического освоения учения Павлова, задача построения такой системы психологии, естественнонаучную основу которой не декларативно, а по существу составляло бы павловское учение, советскими психологами еще не решена. С этой точки зрения нужно признать неудовлетворительными все существующие у нас учебники и руководства по психологии». Среди этих «плохих учебников» докладчик упомянул и свою книгу «Основы общей психологии», — но сразу уместно напомнить читателю, что к этому моменту основоположник философско-психологической теории деятельности, организатор и первый заведующий кафедрой психологии, а затем отделения психологии (с 1943) на философском факультете МГУ, организатор и руководитель сектора психологии в Институте философии АН СССР (с 1945), руководитель Института психологии при АПН РСФСР уже был обвинен (в 1947) в космополитизме

[1] Научная сессия посвященная проблемам физиологического учения академика И. П. Павлова 28 июня – 4 июля 1950 г. Стенографический отчет. М.: Издательство АН СССР, 1950. — С. 380.

[2] Кротков Федор Григорьевич (1896–1976) — академик, гигиенист, один из основоположников военной и радиационной гигиены, генерал-майор медицинской службы, начальник кафедры военной гигиены Военно-медицинской академии, заместитель министра здравоохранения.

[3] Научная сессия посвященная проблемам физиологического учения академика И. П. Павлова 28 июня – 4 июля 1950 г. Стенографический отчет. М.: Издательство АН СССР, 1950. — С. 312.

и снят со всех руководящих постов, оставаясь с июня 1949 г. только старшим научным сотрудником Института философии АН СССР. Нам, родившимся позднее, трудно судить, так же как трудно представить — каким всепронизывающим страхом за себя и своих близких было пропитано это время. Думаю, мы вообще не имеем права осуждать их, и даже называя здесь ряд выдающихся имен, мы имеем право только констатировать и извлекать ошибки.

Приведу только еще одну выдержку из выступления автора ряда монографий по высшей нервной деятельности академика Э. Ш. Айрапетянца: «Прежде всего во всех программах по курсу физиологии бросается в глаза старый принцип — эклектическая характеристика основных фактов, законов, систем, функций организма. Программы сугубо объективистски излагают все гипотезы, все теории. По одному этому видно, что программы порочны. Однако именно такое существо программ отражает игнорирование классических открытий И. П. Павлова, имеющих принципиально новое и всеобщее отношение для всех областей физиологической науки... Перестройка чтения курсов физиологии, а следовательно, и программ не может быть отделена ни от учебников, ни от того обстоятельства, что учения Сеченова, Павлова, Введенского еще не стали господствующими в институтах, кафедрах, лабораториях физиологических и медицинских наук... Кроме того, в учебном плане вузов до сих пор отсутствует общефакультетская, обязательная дисциплина: “физиология высшей нервной деятельности”. Эту дисциплину необходимо ввести на последнем курсе и для усвоения истинных знаний и для того, чтобы биолог-врач, учитель, выходя из вуза, получил еще один материалистический запал в своей практической деятельности... В полном соответствии с содержанием и установкой учебных программ находится

список рекомендуемой литературы, учебников и учебных пособий. В учебных программах не рекомендуются совершенно Сеченов, Павлов и Введенский... Мы должны со всей откровенностью заметить, что идеи Павлова и павловская физиология не только не господствуют в вузах, но принижены, а подчас и отсутствуют»[1].

Какой обобщенный вывод можно сделать на основании приведенных выше и других выступлений? Явно, что никто и никогда, ни в тот период, ни сейчас не ставил и не ставит под сомнения исследования И. П. Павлова в области секреции пищеварительных желез, за которые он и был удостоен Нобелевской премии. Но все его разработки в области высшей нервной деятельности оказались невостребованными не только медицинской наукой в широком смысле этого слова, но даже и самой физиологией; если выражаться еще точнее — они оказались никому не нужны. Обращаясь к психологии, следует констатировать еще одно: физиологическая парадигма психической деятельности потерпела поражение, оказалась несостоятельной и никакой сколько-нибудь убедительной замены предшествующим представлениям о психическом так и не было найдено.

Примечательно, что самая яркая критика попыток безмерного распространения идей Павлова о высшей нервной деятельности принадлежит зоопсихологам, которые поставили под сомнение их применимость даже к поведению животных. В частности, известный представитель этого направления В. М. Боровский еще в 1936 году в книге «Психическая деятельность животных» писал: «Принцип "условного рефлекса" оказался чрезвычайно плодотворным и дал очень много ценного для физиологии; в особенности метод условных рефлексов полезен, как мы говорили, для изучения рецепторной деятельности. Учение об условных рефлексах — материалистическое учение и прекрасное оружие для борьбы с идеализмом. Однако в пылу увлечения этим высокополезным принципом были наделаны серьезные ошибки. Условными рефлексами стали объяснять все на свете, "сводить", как говорится, сложное поведение животного к одним условным рефлексам. Дело зашло до попыток вывести принципы воспитания ребенка из фактов, добытых при изучении слюнной железы собаки. Это такая же негодная попытка, как сведение физиологии к химии, химии — к механике атомов и т. д. Мы пережили эпоху, когда физиолог, назвав какой-нибудь сложный акт поведения животного условным рефлексом, думал, что тем самым дал окончательное решение проблемы. В основном эти механистические тенденции теперь уже разоблачены. Упрощенчество всегда является несомненным тормозом для науки, и мы обязаны с ним бороться»[1].

[1] Научная сессия посвященная проблемам физиологического учения академика И. П. Павлова 28 июня – 4 июля 1950 г. Стенографический отчет. М.: Издательство АН СССР, 1950. — С. 341.

Л. А. Орбели: «Как правильно строить разработку научного наследия Павлова»

Как постоянный участник международных Орбелиевских чтений, которые несколько лет назад были возрождены Абгаром Леоновичем Орбели, считаю необходимым привести выдержки из выступления на сессии Л. А. Орбели. Он выступал дважды. Судя по первому выступлению, он не был информирован о задачах сессии и явно вначале не понимал — что происходит? Более того, с учетом того, что сказано в сноске о его титулах и званиях, вероятно, он даже не мог представить себе, что такое может быть. Цитата: «Критика направлена в адрес нескольких определенных лиц. И вот я, к сожалению, должен сделать упрек самой организации этой сес-

[1] Боровский, В. М. Психическая деятельность животных. М.–Л., 1936.

сии. Дело в том, что если намечены определенные лица, которые должны подвергнуться более или менее строгой критике, то в случае свободной научной дискуссии чрезвычайно важно было бы ознакомить этих лиц с тем, в чем их собираются обвинять и критиковать. Даже когда речь идет о преступниках, им дают прочесть обвинительный акт для того, чтобы они могли защищаться или высказать что-нибудь в свою защиту. В данном случае этого не было сделано, и мы — несколько подсудимых[1] — оказались в трудном положении, потому что нам зачитывали здесь заранее написанные выступления, в которых имелись известные обвинения, приводились известные цитаты, ссылки, безоговорочно докладываются эти ссылки без того, чтобы мы имели возможность проверить — до конца ли читаются те или иные выдержки, в каком контексте они сказаны. Но это мелочь, на которой не стоит останавливаться»[2]. В конце своего первого выступления Орбели даже позволил себе откровенно иронизировать: «Я должен признать еще одну свою, может быть, самую большую вину, что, получив под руководство научное наследие Павлова, я постеснялся беспокоить руководителей нашей жизни и нашей научной мысли своими обращениями. Я поступил бы более правильно, если бы, получив такое ответственное дело в свои руки, я сразу же пошел к нашим руководителям и получил от них указания относительно того, как правильно строить разработку научного наследия Павлова»[3]. В последний день сессии Орбели уже понял — с чем он имеет дело и к чему идет это «судилище», и поступил в полном соответствии с духом времени — признал свои ошибки и все инкриминируемые ему преступления против истинной науки. После чего был освобожден от всех занимаемых должностей, кроме возможности преподавания. Для реализации решений сессии был создан специальный Научный совет в составе (как нетрудно догадаться) Быкова, Иванова-Смоленского и Айрапетянца, перед которым Орбели пришлось держать ответ и каяться еще раз, через год после сессии, но Научный совет, попеняв ему на то, что он так и не написал ни одной покаянной работы, его доводы не принял (а все его должности были уже распределены).

[1] Кроме Л. А. Орбели резкой и уничижительной критике были подвергнуты А. М. Алексанян, П. К. Анохин, И. С. Бериташвили, А. Г. Гинецинский, А. В. Лебединский, К. Э. Фабри и др.

[2] Научная сессия посвященная проблемам физиологического учения академика И. П. Павлова 28 июня – 4 июля 1950 г. Стенографический отчет. М.: Издательство АН СССР, 1950. — С. 167.

[3] Там же. — С. 176.

Сессия постановила (в сокращении):

«...Разработка научного наследия Павлова во многих отношениях не шла по столбовой дороге развития его идей».

«Развитие идей И. П. Павлова и внедрение его учения в медицину и биологию встретило ожесточенное сопротивление со стороны проповедников различных метафизических, лженаучных концепций... Необходимо отметить также борьбу против павловского учения академика И. С. Бериташвили и некоторых других идеалистически настроенных физиологов и психологов, а также психиатров и невропатологов».

«В ходе сессии было с полной ясностью установлено, что академик Л. А. Орбели и группа его ближайших учеников... пошли по неправильному пути, сбивали исследователей и нанесли ущерб развитию учения И. П. Павлова. Свободная дискуссия, проведенная на сессии, вскрыла всю ошибочность позиции академика Л. А. Орбели, который в ряде случаев подменял взгляды И. П. Павлова своими ошибочными высказываниями... и, прикрываясь формальным признанием павловского учения, на деле извратил ряд важнейших его положений... В высказываниях академика Л. А. Орбели и некоторых его сотрудников по существу отстаивалась позиция психо-физического параллелизма».

«Слабое проникновение идей И. П. Павлова как в медицину, так и в психологию, педагогику, в дело физического воспитания, ветеринарию и животноводство, обусловливается тем, что учение И. П. Павлова не нашло ведущего места в программах и учебниках вузов...»

«1. Поручить Президиуму Академии наук СССР и Президиуму Академии медицинских наук СССР в кратчайший срок разработать необходимые организационные и научные мероприятия по дальнейшему развитию теоретических основ и внедрению учения И. П. Павлова в практику медицины, педагогики, физического воспитания и животноводства».

«2. Поручить Президиуму Академии наук СССР и Президиуму Академии медицинских наук СССР, а также просить министерства высшего образования и здравоохранения СССР пересмотреть план научной работы на текущий год и перспективный план научной работы по физиологии и медицинским дисциплинам (внутренние болезни, гигиена, психиатрия, невропатология и др.)».

«3. Считать необходимым осуществление следующих мероприятий по линии подготовки кадров в системе Министерства высшего образования СССР и Министерства здравоохранения СССР:

а) пересмотреть программы по физиологии для университетов, педагогических и ветеринарных вузов и сельскохозяйственных вузов, а также программы основных медицинских дисциплин, перестроив соответствующие курсы на основе павловской физиологии;

б) ввести преподавание специального курса основ физиологии (а также патологии) высшей нервной деятельности в университетах, медвузах, педвузах на старших курсах, а также и в институтах усовершенствования врачей как обязательный предмет».

«4. Поручить Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР:

а) ввести в практику созыв ежегодных научных совещаний, посвященных деловому и критическому обсуждению конкретных проблем павловской физиологии и в особенности проблем физиологии и патологии высшей нервной деятельности».

«5. На страницах периодических изданий, находящихся в ведении Академии наук СССР, Академии медицинских наук и министерств высшего образования и здравоохранения, развернуть широкое обсуждение основных проблем павловского учения».

И самая фальшивая заключительная фраза Постановления: «Сессия призывает всех работников в области физиологии и медицины на основе свободной научной критики и самокритики творчески развивать великое учение Павлова на благо народа».

После Сессии были уволены сотни научных сотрудников, занимающихся психологией, медициной[1] и физиологией, а их научные направления закрыты. Были переделаны учебные программы школ и вузов, переписаны учебники — из них изгонялось все то, что не укладывалось в концепцию высшей нервной деятельности. Эти учебники существуют до сих пор, а физиология ЦНС и ВНД — до настоящего времени остается достаточно солидной частью государственного стандарта по специальности «Психология».

«Новая религия», или метод дрессировки интеллигенции

Как мне представляется — ни Павлов, ни Орбели не имели для инициатора этого, вне сомнения — оглушитель-

[1] Научная сессия посвященная проблемам физиологического учения академика И. П. Павлова 28 июня – 4 июля 1950 г. Стенографический отчет. М.: Издательство АН СССР, 1950. — С. 525.

ного по резонансу события никакого значения. Сталин даже выдающихся полководцев, от которых зависело состояние обороноспособности страны (а в этом он разбирался лучше, чем в физиологии), просто расстреливал, и без всякого сожаления. Сверхзадача явно была в другом: в массированном вколачивании в умы образованной части общества новой религии — материализма, единый бог которой уже возлежал в мавзолее, а место первосвятителя занимал «отец народов». Сам же народ, включая его интеллектуальную элиту, надлежало дрессировать методами «поощрения и наказания» в строгом соответствии с принципами, обоснованными И. П. Павловым на животных. Это стало принципиально важной задачей после окончания Отечественной войны, когда по сугубо политическим мотивам были предоставлены временные послабления церкви. Ничем другим невозможно объяснить — зачем теорию высшей нервной деятельности нужно внедрять во все университетские курсы и программы, включая предельно далекие от медицины педагогику и животноводство. Эта сверхзадача была успешно решена.

Я не буду цитировать учебники по физиологии для врачей и психологов 50–80 годов XX века, где без упоминания Павлова уже не рассматривалась ни одна идея (мне и самому приходилось так поступать, а еще ранее — это делалось совершенно искренне, так как никаких других знаний как бы не существовало). Это понятно и простительно, даже если их авторы утверждали, что именно Павлов дал им «истинно диалектическое и материалистическое объяснение душевным и мыслительным процессам». Но уже в постсоветское время (и даже в последние годы, в XXI веке) появляются новейшие учебники и пособия для высшей школы, в том числе для психологов и педагогов, где снова (в полном смысле слова) «воспевается» все тот же неоценимый вклад Павлова в психологическую науку (к которой Павлов сам себя никогда не причислял), а также в самых восторженных и одновременно предельно туманных выражениях описывается развитие его учения в фундаментальных трудах его последователей, которые способствовали «распространению естественнонаучных идей», «обоснованию принципов детерминизма и структурности» человеческого поведения и мышления, что составляет «ярчайшую страницу современного естествознания». В некоторых из этих новых изданий для высшей школы все еще можно найти даже такие «перлы», как: «Передние отделы лобной коры связывают с творчеством» (в издании для высшей школы 2004 года). Не хочу ссылаться на источники, но не могу не спросить: когда же кончится этот период «однозначных» и одновременно предельно примитивных истин?

Сетевой маркетинг в медицине

Читатель, безусловно, задастся вопросом: «С отечественной историей все понятно. А почему же на Западе происходит то же самое?» Потому что и Павлов, и Крепелин исходили из идентичных парадигм — «все дело в мозге». Добавим к этому целенаправленно формируемый у всех врачей стереотип: найди симптомы, объедини их в синдромы, поставь диагноз, загляни (если не помнишь) в справочник, назначь лечение и затем наблюдай и жди — поможет или нет, и если надо — корректируй схему медикаментозного лечения. Все первые пять лет подготовки у студента-медика формируют именно такой подход. И лишь затем будущему врачу сообщают, что вообще-то у человека (кроме внутренних органов) есть еще и психика, которая на фоне всего предыдущего воспринимается как еще один «орган». Поэтому всегда будут врачи, стоящие на этой

медицинской позиции, применяющие (без особого удовлетворения) те препараты, которые есть, и одновременно ожидая несбыточного — будущей «химической панацеи» от всех форм психопатологии. Дополнительным фактором поддержания именно такого мировоззрения в последние десятилетия стала самая мощная и самая прибыльная после производства наркотиков индустрия психофармакологии, которая тратит десятки миллиардов долларов каждый год только на рекламу своей продукции, а сама эта продукция постоянно модифицируется и выходит под новыми наименованиями, но фактически — предлагает химические производные всего примерно от одного десятка различных веществ. Эта же индустрия тратит еще больше на финансирование исследований в этой области (химической коррекции психических состояний), а также на «промывку мозгов» врачей, которых регулярно собирают на специальные конгрессы и симпозиумы в разных странах, в том числе в России, с полной оплатой проезда «делегатов» в Москву или Петербург, бесплатным расселением в самых шикарных отелях, ежедневными банкетами и приемами в сочетании с массированными рекламными кампаниями новых препаратов. Плюс — выдача новейших препаратов для бесплатного распространения (которые тем не менее нередко продаются), с единственной «небольшой» просьбой: заполнить анкету на пациента и описать дозу, курс лечения и реакцию на препарат и отправить ее в фирму, что затем станет основанием для заключения «о дополнительных клинических испытаниях» на многотысячных выборках. Это разве не опыты на людях? Или — это разве не заранее оплаченный и поэтому легко прогнозируемый результат? В последние годы фармфирмы стали неизменными щедрыми спонсорами всех конференций врачей-психиатров, психологов и психотерапевтов. Все, что они просят взамен: 15–20 минут для

рекламы новых препаратов в процессе каждого заседания, которую проводят специально отобранные (по конкурсу), хорошо подготовленные и высокооплачиваемые менеджеры этих фирм. Все это описывается мной не понаслышке — два раза я участвовал, и без всякой оплаты (вместе с несколькими ведущими сотрудниками профильных министерств), в таких конференциях с тысячами участников, жил в самых престижных западных отелях, ужинал в специально арендованных фантастических дворцах (не уступающих парадным залам Эрмитажа), но после проявленного мной непонимания в ответ на просьбу написать пару статей по конкретному препарату, меня больше не приглашали. Что касается «фармспонсорства» любых профессиональных конференций в области психического здоровья, то это знакомо каждому специалисту.

Самое главное, что, безусловно, внимательно изучив аннотации к этим «чудодейственным» препаратам, где в качестве побочных эффектов описывается практически вся психопатология, врачи не сообщают пациентам, что даже если им удастся избежать этих осложнений, в любом случае наступит временное, возможно — более протяженное, а иногда и стабильное интеллектуально-эмоциональное снижение и общее уплощение личности.

В отечественной психотерапии, также, в полном соответствии с привнесенным в нее расширенным толкованием теории Павлова, по-прежнему довлеющими остаются представления о некой «медицинской модели психотерапии», что даже по определению звучит как нонсенс, примерно так же, как «анатомо-физиологическая модель философии». Медицина — относится к естественным наукам, а философия, психология и психотерапия — к гуманитарным. Все концепции психотерапии являются сугубо психологическими или философскими, само понятие психотерапии — обозначает

«лечение душой», а его трактовка как «лечение души» столь же неадекватна, как если бы понятия «фармакотерапия» или «радиотерапия» интерпретировались как «лечение таблеток» или «лечение радиоактивных веществ». Еще более странным является сочетание слов «психофармакотерапия», которое подразумевает лечение чего-то, что пока не обнаружено в качестве некой материальной субстанции, с применением химических веществ.

Еще одно примечание касательно сферы терминологии: так как лечение с помощью души хотя бы терминологически — существует, а никакой души нет, точнее — она остается гипотетической (никто ее так и не нашел), чтобы обрести хоть какой-то предмет исследования и лечения, в науках о душевной жизни была произведена терминологическая «революция» — понятие «душевные расстройства» заменили определением «психические», а клиника душевных болезней стала именоваться психиатрической. Хитрее всех поступил Фрейд — он даже не стал искать какую-то особую субстанцию и вступать в малопродуктивную полемику с анатомами и физиологами, а просто пошел другим путем, обозначив ее в качестве «нечто», о чем будет сказано в следующем — самом кратком разделе. В заключение следует отметить, что поиски местоположения психического продолжаются по настоящее время, например, некоторые ученые, с учетом весьма спорных открытий в области психофармакологии и биохимической («серотониновой») теории депрессии, явно иронизируя, помещают ее в синаптическую щель, где осуществляется обмен серотонина.

Очень многое в последующем развитии отечественной науки и общественного сознания кажется не только нелогичным, но где-то даже таинственным, а при более пристальном

взгляде — одновременно предопределенным предшествующими событиями. Например, такой феномен, как талантливый психиатр и выдающийся шоумен Анатолий Кашпировский, [1] который со всей очевидностью продемонстрировал не столько терапевтические горизонты психического воздействия, сколько возможность давать любые установки населению, что сильно облегчило задачи политтехнологов и имиджмейкеров. Все принято на вооружение, но никакого интереса к глубокому научному анализу этого эксперимента по «коллективной рефлексологии», за исключением академика Н. П. Бехтеревой, никто не проявил. Сейчас не только неискушенная публика, но и многие специалисты с интересом наблюдают за событиями в популярной телепередаче «Битва экстрасенсов», которая вроде бы со всей очевидностью показывает, что в отдельных случаях возможно (ничем не объяснимое) считывание достоверной психологической информации о прошлых событиях, в том числе — людьми, которые ранее об этих событиях не знали ничего. При этом точность описаний прошлого во всех деталях в отдельных (пусть и единичных) случаях в тысячи раз превышает вероятность случайного угадывания, если это, конечно, не фальсификация; но участие в экспериментах такого уважаемого и авторитетного ученого, как профессор Михаил Виноградов, делает такое предположение малосостоятельным. Однако почему-то это идет в форме развлекательного шоу, а не строго научного эксперимента (хотя какие-то исследования все же проводились, но публиковались пока, насколько мне известно, только в таком «высоконаучном издании», как «Комсомольская правда»). Невольно напрашивается вывод, что это не представляют

[1] До Кашпировского не менее талантливо сеансы массового гипноза проводил Ф. А. Месмер (1734–1815), а первую операцию под гипнозом сделал еще Дж. Брэд в 1847 году.

никакого научного интереса, ибо — не по Павлову. Уместно заметить, что даже если эти эксперименты — реальность, они ни в коей мере не подрывают материалистического мировоззрения, а лишь расширяют или дополняют его, в частности, предположением, что информация может существовать в неком «свободном» виде, как и материя, одновременно оставаясь доступной сознанию. Увы, нет даже таких простых гипотез. В то же время открытия, например, генетиков, подаются с неизменным восторгом и с формулировками типа: «Они открыли код жизни!» Это, конечно же, неправда. Они почти расшифровали код, по которому строится тело. Что такое жизнь и из чего она слагается — остается вопросом даже в биологии, не говоря уже о психической жизни.

Лекция 5

Психоаналитический уход от основного вопроса

Теория психической травмы

Зигмунд Фрейд, вне сомнения, намного опережал современные ему представления, и именно поэтому его идеи так трудно входили в психиатрическую науку и практику. Еще в «Предуведомлении...» к «Исследованиям истерии» (1892) Фрейд формулирует гипотезу, что большинство психических расстройств связаны с полученной ранее психической травмой (никакой анатомии или физиологии). Там же он отмечает, что при глубоком и заинтересованном исследовании пациентов можно достаточно быстро убедиться, что в их рассказах в той или иной (нередко — иносказательной) форме вспоминается всегда «одно и то же событие, которое спровоцировало первый приступ»; и в этом случае «причинно-следственная связь вполне очевидна»[1].

В отличие от полемизировавших (вплоть до 80-х годов XX века) по этому поводу коллег-психиатров Фрейд в том же 1892 году пишет, что причиной психического расстройства может быть «любое событие, которое вызывает мучительное чувство ужаса, страха, стыда, душевной боли», но развитие

[1] Фрейд, З. Собрание соч. в 26 томах. — СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2003. — Т. 1. — С. 17.

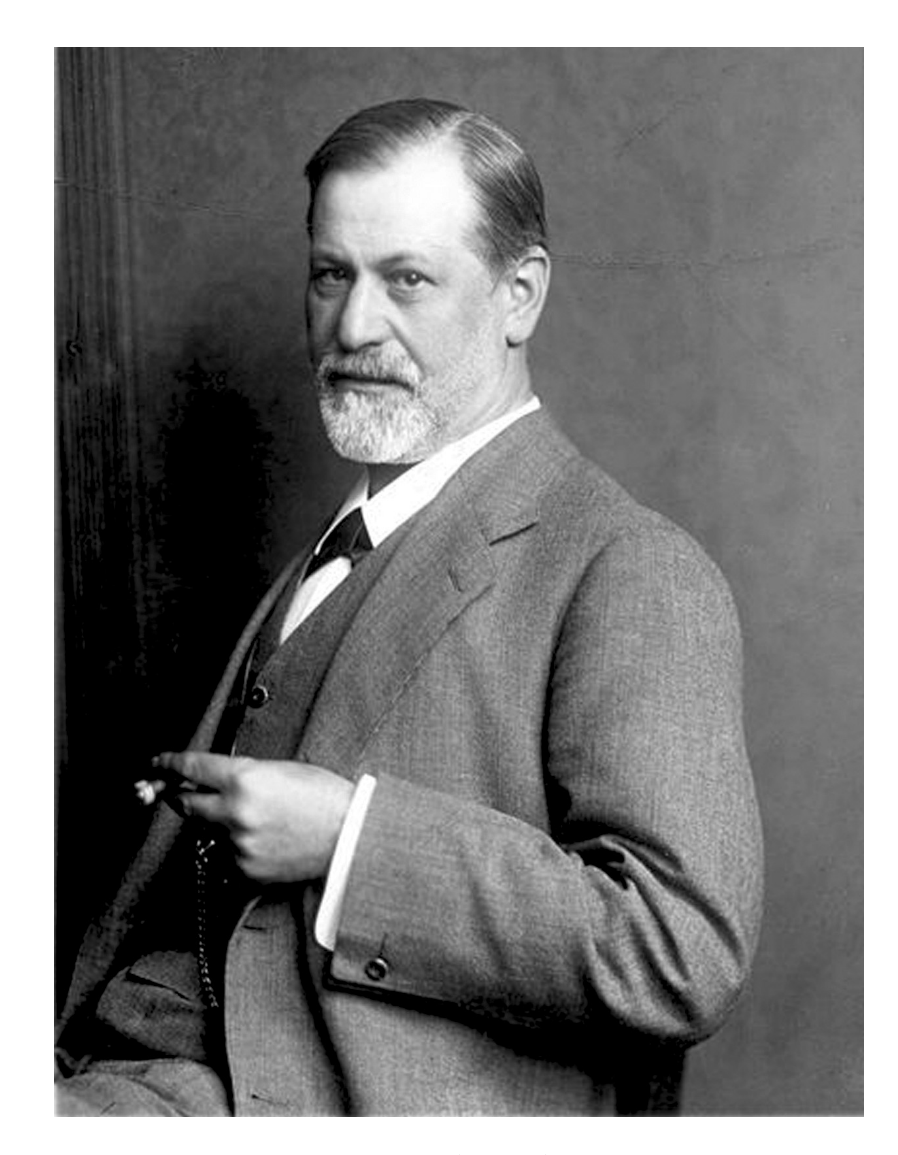
патологического процесса существенно зависит «от восприимчивости пострадавшего»[1].

Фрейд указывает также на автономные механизмы и специфику психодинамики патологического процесса: он удивляется, что даже очень давние переживания могут оказываться чрезвычайно патогенными, а воспоминания о них с годами не становятся менее значимыми или менее болезненными.

Тем не менее связь психических травм и всего, что касается психических и соматических расстройств, пока мало осмыслена, а обилие новых теорий не сильно увеличило сумму практически ценного знания. Поэтому в чрезвычайно кратком и предельно упрощенном виде представим психоаналитические подходы к проблеме, которые в отечественной психологии, психотерапии и медицине на протяжении длительного периода времени игнорировались. Хотя, как признают наши американские коллеги, именно в психоанализе были заложены основы клинического подхода ко всей посттравматической патологии, позднее реализованные в рамках современной классификации психических расстройств (ДСМ-4 и МКБ-10), но почему-то лишь применительно к посттравматическому стрессовому расстройству, диапазон проявлений которого чрезвычайно широк — от легкой дисфории до тяжелых проградиентных психозов и охватывает практически всю психиатрию.

Вне психоанализа нередко весьма примитивно воспринимается введенное Фрейдом гипотетическое понятие «психическая энергия». Для пояснения обратимся к лекции, которую Фрейд провел в Венском медицинском обществе в 1895 году.

[1] Фрейд, З. Собрание соч. в 26 томах. СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2003. — Т. 1. — С. 20.

Зигмунд Фрейд

Если человек получает какое-либо яркое впечатление (позитивное или негативное — несущественно), в его психике (подчеркнем — не в мозге, а в психике)[1] увеличивается «нечто», что Фрейд называет «суммой возбуждений». И тут же начинают действовать механизмы (реализуемые и интрапсихически, и обеспечивающие отреагирование вовне), направленные на уменьшение этой «суммы возбуждений» в интересах сохранения психического гомеостаза. Здесь будут рассматриваться только негативные ситуации, хотя и позитивные впечатления сопровождаются аналогичными реакциями.

Например, если человека ударили, он, чтобы снизить возбуждение, в примитивном варианте, нанесет ответный удар, и это принесет ему некоторое облегчение. Но реакция может быть и иной, особенно если нанести ответный удар некому или невозможно — в силу ограничений, налагаемых культурой, при стихийном бедствии или в случае захвата в заложники. И тогда ответной реакций может быть обида, плач, чувство унижения, стыда или бессильной ярости и т. д. Но реакция присутствует всегда, и чем интенсивнее психическая травма (точнее — индивидуальная реакция на нее), тем сильнее ответное внешнее действие или внутреннее переживание (то есть «сумма возбуждений» в психике).

Такие ситуации случаются с каждым, но когда мы имеем дело с нормальной реакцией, любое негативное воспоминание постепенно блекнет и лишается своей аффективной составляющей. При патологическом развитии процесса эта аффективная составляющая, наоборот, усиливается. Фрейд особенно подчеркивает, что снижение остроты переживаний существенно зависит от того, последовала ли сразу после

[1] Фрейд, кстати, никогда не употреблял выражения типа «Мне пришло в голову...». — Типичная для него фраза: «Мне пришло на ум».

того или иного психотравмирующего события энергичная реакция на него, так как в случае, если для такой реакции не было возможности, вероятность патологического реагирования существенно возрастает[1]. Унижение или оскорбление, «на которое удалось ответить хотя бы на словах, припоминается иначе, чем то, которое пришлось стерпеть»[2]. Можно согласиться с физиологами, что обобщенное понятие «переживание» или общий уровень тревоги может иметь некий анатомо-физиологический субстрат, но было бы интересно, если бы кому-то удалось обнаружить его также для унижения и оскорбления.

Хотя уже мало кто всерьез воспринимает рефлекторную теорию психики, мы по-прежнему не сильно продвинулись в понимании того, что же есть это увеличивающееся в психике «нечто», но более чем 100-летняя практика мировой психотерапии подтверждает реальность описываемых механизмов, хотя знание о них остается гипотетическим. Фрейд отказался от попыток физиологического объяснения механизмов психической деятельности еще в 90-х годах XIX века, отложив (как оказалось, навсегда) уже начатую рукопись «Объективной психологии». Отложил после долгих сомнений и даже с некоторым чувством вины, что вполне понятно для последователя Дарвина и Гельмгольца, написав в свое оправ-

[1] В Японии, где строгая почтительность в отношении старших и начальников является естественной составляющей национальной культуры, одно время (а возможно, и сейчас) был весьма распространенным такой способ снижения производственного стресса: в каждом цеху или офисе выставлялся манекен начальника, который можно было оплевать, обругать, избить палкой и т. д. (при полном одобрении таких действий со стороны руководства).

[2] Добавим к этому наблюдению Фрейда, что, как показывает опыт, многократное фантазирование (исключительно интрапсихически, без вербализации и свидетелей) на тему отмщения обидчику не только не помогает, а наоборот — усиливает фиксацию на травме, в отличие от ее предъявления, например, психотерапевту или даже вообще — кому-то понимающему и сопереживающему другому.

дание: «У меня нет никакой склонности считать, что область психического как бы плавает в воздухе, не имея какого-либо органического основания. Но кроме этого убеждения у меня нет никаких ни теоретических, ни терапевтических знаний, так что мне приходится вести себя так, как если бы передо мной было только психологическое»[1]. Современные психопатологи лишь теперь начинают приближаться к такому пониманию проблемы.

Психическое и нервное

Вернемся еще раз к этому «нечто», которое увеличивается в психике. Но вначале отметим, что, по нашим представлениям, психическое возбуждение и нервные разряды в соматической сфере — это, конечно же, не одно и то же, хотя эти две «линии» нередко взаимосвязаны и пересекаются. Большинство специалистов, безусловно, встречались с людьми абсолютно здоровыми соматически, но лишенными каких-либо признаков психической энергии (что, в частности, характерно для тяжелой депрессии), так же как и с людьми, которые, страдая тяжелой соматической патологией, в некоторых случаях являются источником неиссякаемой психической энергии для окружающих (мне приходилось встречать таких даже в хосписах).

В тех случаях, когда (возросшая в результате тех или иных событий) «сумма психических возбуждений» не может быть отреагирована (в том числе — вербально), начинают функционировать защитные механизмы, главным из которых является вытеснение (в данном случае — имеется в виду вытеснение из сознания переживаний, о которых,

[1] Freud, S. Project for a scientific psychology. The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. — P. 295.

по образному выражению Фрейда, и забыть нельзя, и помнить — невозможно). Как «функционирует» вытеснение? Поскольку «сумма возбуждений» присутствует (в психике) и не может быть отреагирована, защитные механизмы трансформируют эту энергию в «нечто соматическое». Происходит то, что в психоанализе получило название «конверсии». То есть — психическое возбуждение «смещается» из психики в нервную систему и (через нее) в телесную сферу. В этом кратком изложении теории Фрейда, которая не является главным предметом нашего обсуждения, мы будем апеллировать только к соматическим вариантам вытеснения, хотя и психопатологические синдромы развиваются по тому же «сценарию», но эти механизмы много сложнее. Тем не менее напомним, что различные варианты соматизации, как правило, связаны с первой линией психологических защит, таких как рационализация, проекция, отрицание или замещение, которые давно общепризнаны далеко за пределами психоанализа, и с ними мы постоянно сталкиваемся не только в случаях невротической или пограничной патологии, но и в повседневной жизни. Но если не срабатывает этот уровень психологических защит, вытеснение запускает механизмы «второй линии защиты», основное предназначение которой состоит в том, чтобы непереносимая психическая травма (как бы) «вообще не была пережита», и тогда мы наблюдаем у наших пациентов такие симптомы, как расщепление (вплоть до шизофренического спектра), трансовые состояния, множественные идентичности, аутизм и т. д., вплоть до полного отключения психики, но при сохранении нервной регуляции физиологических (телесных) функций.

Как уже неоднократно отмечалось, в современных представлениях о психике пока очень много устаревших понятий и штампов. Например, мы все еще традиционно говорим, что

«человек думает головным мозгом», хотя это представление соответствует реальности не более чем выражение о том, что мы «ходим спинным мозгом», так как все двигательные импульсы замыкаются именно на этом уровне (спинного мозга). Мы все еще нередко идентифицируем психику и мозг и именно поэтому считаем, что для коррекции психических нарушений нужно воздействовать на мозг некими химическими веществами. Увы, это слишком просто, чтобы быть истиной.

Психика и мозговая или любая другая нервная ткань — это взаимосвязанные, но, скорее всего, совершенно различные системы. И у них есть одно кардинальное различие: в отличие от психики, которая (хотя и не всегда) способна различать воображаемое и реальное, нервная система лишена этого качества. Поэтому даже воображаемая или наблюдаемая (например, по телевидению), или описываемая другим (в процессе психотерапии), или просто тысячекратно припоминаемая психическая травма — в любом случае запускает механизмы соматического отреагирования. Несмотря на то, что эти механизмы у наблюдателя или слушателя (в отличие от тех, кто реально пережил экстремальную ситуацию) действуют в минимальной степени, при многократном повторении таких «проекционных» психических травм они, безусловно, не проходят бесследно (что в первую очередь относится к нам, психопатологам).

Хотя нам по-прежнему неизвестно объективное содержание этого «нечто» (увеличивающегося в психике), но (весьма условно) мы можем сказать, что в случае мощной или длительной (хронической) психической травмы происходит преобразование «психической энергии» в «нервную энергию» или «энергию иннервации органов или тканей». Но при этом — необычной иннервации (не такой, как всегда, можно сказать — «искаженного типа», «залповой» и чрезвычайно мощной), разрядка которой осуществляется в соматической сфере (но может «замкнуться» и на психике), запуская все последующие механизмы патогенеза психического расстройства. В этом смысле, мозговая ткань состоит с психикой в таких же психосоматических отношениях, как и любая другая[1].

Еще одна вызывающая множество споров специфика: в ряде случаев для конверсионных симптомов характерно символическое значение, что также находит свое многократное подтверждение в психоаналитической практике. Унижение или обида, которые человек не смог «проглотить», может вызывать нарушения именно в сфере «глотания» (в самом широком диапазоне — от беспрерывного «заедания» травмы до отказа от пищи); то, что другой не смог «переварить», проявится впоследствии в симптомах желудочно-кишечного тракта; принятое «близко к сердцу» будет иметь ту же локализацию; сексуальная неудовлетворенность, так же как и сексуальное насилие или сексуальное пренебрежение, будет проецироваться в гениталии; а «непосильная (психическая) ноша» скажется на состоянии позвоночника. Думаю, что последний вариант (в его ситуационной форме) многим приходилось наблюдать и в повседневной жизни, когда печаль, тоска или тяжелая утрата тут же «сгибают» человека. Именно поэтому психоаналитики так внимательны ко всяческим

[1] Хотя не только в психоанализе, но и далеко за его пределами признается уникальность идей Фрейда и это, вне сомнения, так, будет справедливым отметить, что, в принципе, Фрейд пошел тем же, давно проторенным в медицине путем: поиском структуры и функции. Так появляются инстанции (или структуры) психики в виде Оно, Я и Сверх-Я, которые, безусловно, являются лишь удобными и необходимыми для понимания некоторых механизмов метафорами, а психика, вне сомнения, функционирует как единое целое, и, следовательно, изменение в любой из ее гипотетических «структур» является отражением общего психического неблагополучия.

метафорам, которые используются пациентами для описания их страданий.

Впервые различия нервных расстройств соматического и психогенного происхождения были также замечены Фрейдом, в частности, при периферическом параличе руки у пациентки Шарко, когда потеря чувствительности и двигательных функций совершенно не соответствовала зонам иннервации. То есть — паралич поражал руку пациентки не согласно зонам ее анатомической иннервации, а так, как она была представлена в ее психике и обыденном сознании — как просто рука (в целом)[1].

Несмотря на то, что соматизация способствует (пусть и патологическим путем) разрядке возникшего психического напряжения[2], в психике формируется специфический очаг возбуждения (по Фрейду — «пункт переключения»), ассоциативно связанный со всей имеющейся в памяти «атрибутикой» полученной психической травмы и уже «проторенными» путями выхода в нервную систему. И это «ядро» будет активизироваться всякий раз, когда будет появляться любой стимул, хотя бы отдаленно напоминающий полученную ранее психическую травму, одновременно запуская патологические

[1] Какие еще предположения можно сделать? Во-первых (то, о чем пока не говорилось), люди склонны облекать свои душевные порывы и переживания в телесно-ориентированные выражения, вспомним хотя бы некоторые, нередко сопровождающие аффект фразы: «Да пусть отсохнет мой язык...», «Лучше бы ослепли мои глаза...» или «Чтоб я ослеп...», «Не хочу этого даже слышать...» или «Чтоб я оглох...», «Я скорее отрублю свою руку...», «Чтоб мне не сойти с этого места...», «Не щадя живота...», «Только через мой труп...». Во-вторых, как доказал Фрейд, а до него говорил Мебиус (1893), представления могут иметь самостоятельное значение, определяя не только локализацию, но и форму проявления психосоматической патологии, и именно так, как эта локализация или реакция представлены в обыденном сознании (ведь большинство людей не изучали анатомию и физиологию). Кто из врачей готов заниматься болезнями, возникающими от представлений?

[2] А также, что не менее важно, позволяет, не апеллируя к самой психической травме, нередко связанной именно с самыми близкими людьми, предъявлять свою боль окружающим, включая этих «самых близких».

механизмы отреагирования (поведенческие или соматические). В заключение упомянем также введенный Фрейдом «закон сохранения психических содержаний», которые (по аналогии с законом сохранения энергии) не могут никуда исчезнуть (даже если актуально воспринимаются как забытые), а лишь трансформируются из одних форм в другие, в том числе — патологические[1].

Не уверен, что мне все удалось прояснить в таком кратком изложении, и надеюсь, мои коллеги будет снисходительны за существенные упрощения. Вне сомнения, большинство

[1] В эпоху Фрейда еще не было теории информации, а уж тем более информатики (даже учения о второй сигнальной системе не было). Поэтому его представления ограничивались «болезнями, возникающими вследствие психических травм». Уже в XXI веке мы получили еще один факт, безусловно, многократно повторявшийся и ранее. Имеется в виду эпидемическое развитие психических расстройств (например, якобы от отравления какими-то газами) у девочек одной из чеченских школ. Напомним, что демонстрация этого сюжета по ТВ тут же спровоцировала возникновение аналогичной эпидемии в другом районе (за десятки километров от первого), с той же клинической картиной. Анализируя этот случай, нам следовало бы пересмотреть само понятие «психическая болезнь», так как медицине пока не известны другие болезни, передающиеся информационным путем, а кроме того — можно было бы сделать вывод, что информация может быть не метафорически, а реально опасной. И тогда уместно предположить, что это относится к любой информации, а также к тезису о свободе ее распространения, которая приобретает все более безудержные формы, включая противоречащую общечеловеческой морали и нравственности. Почему-то запрещается только националистическая и шовинистическая, а две первых — торжествуют. Полная свобода информации столь же опасна, как и свободная продажа цианидов или возбудителей чумы. Но это не совсем наша тема, а на понимание тех, от кого это зависит, рассчитывать не приходится. Есть более актуальный для психопатологов вопрос: чем можно обосновать лечение расстройств, возникающих вследствие получения той или иной информации, с помощью химических веществ, воздействующих на некие ткани, а не на саму информацию? Как представляется — даже если согласиться, что у психики имеется материальный носитель в виде мозга, где (как в компьютере) все «записывается и обрабатывается», то применение химических веществ для воздействия на носитель информации — это примерно то же самое, что пытаться восстановить поврежденный или «завирусованный» диск путем погружения его в кислоту или щелочь. В последнем случае результат будет однозначным. Впрочем, он мало отличается и от последствий применения психофармакологии, иногда после интенсивного и продолжительного лечения спросить о результате практически уже не у кого — той личности, которую когда-то начали лечить, уже нет.

из этих механизмов трудно принять, но лишь до тех пор, пока вы не встретите их ежечасное подтверждение в своей практике.

Гипотеза о психогенном происхождении некоторых психических расстройств высказывалась и ранее, но, строго говоря, она никогда не была сколько-нибудь научно проработана. Фрейд же посвятил обоснованию этой идеи фактически всю жизнь, начиная с периода учебы у Жана Шарко и последующей совместной работы с Йозефом Брейером.

Об этом большинству хорошо известно, и уместно только напомнить, что еще до начала сотрудничества с Фрейдом Брейер разработал собственный метод психотерапии психических расстройств. После погружения пациентов в гипнотическое состояние он предлагал им подробно описывать различные психотравмирующие ситуации, имевшие место в прошлом. В частности, предлагалось вспомнить о начале, первых проявлениях психического страдания и событиях, которые могли быть причиной тех или иных психопатологических симптомов. Однако далее этого методического приема Брейер не продвинулся. Позднее, уже в совместных исследованиях Фрейда и Брейера, было установлено, что иногда только один рассказ (в некотором смысле — «насильственное воспоминание») об этих ситуациях приводил к избавлению пациентов от их страдания. Брейер назвал это явление «катарсисом» по аналогии с термином, предложенным Аристотелем для обозначения феномена «очищения через трагедию», когда, воспринимая высокое искусство и переживая вместе с актером страх, гнев, отчаяние, сострадание или мучение, зритель очищает душу. Здесь мы вновь встречаем обращение к античным (ненаучным) представлениям о душе, но никакого другого, в какие бы термины не облекались современные подходы, объяснения этому так и не было найдено. Позднее

Фрейд обосновывает особое значений детской психической и особенно — детской сексуальной травмы, и это также подтверждается практикой любого опытного психотерапевта, но надо признать, что и психические травмы зрелого возраста ничуть не менее патогенны. Обобщая собственный более чем 30-летний терапевтический опыт, не могу не признать, что до 70% моих пациентов имели ту или иную сексуальную травму в раннем детстве и чаще всего — полученную от родителей или других ближайших родственников. Эти травмы действуют чрезвычайно патогенно, ребенок оказывается уязвленным в своих самых светлых чувствах и в своем самоуважении, при этом — уязвленным, как правило, именно тем взрослым, от которого ему свойственно, прежде чем от кого-либо другого, ожидать любви и защиты. В таких случаях, как правило, развиваются тяжелые (нарциссические или психотические) психические расстройства.

Забытое единство: Фрейд, Крепелин и Блейлер

Будет совершенно справедливо напомнить, что Крепелин также обращался к этим же подходам и рассматривал психопатологию с тех же позиций, лишь немного позднее Фрейда — в частности, в 1900 году в его «Введении в психиатрическую клинику», которое было опубликовано в России в 1923 году. Примечательно, что в этом великолепном клиническом труде Крепелин разбивает психическую травму на две категории: «невроз испуга» и собственно «травматический невроз», хотя различия между ними практически отсутствуют.

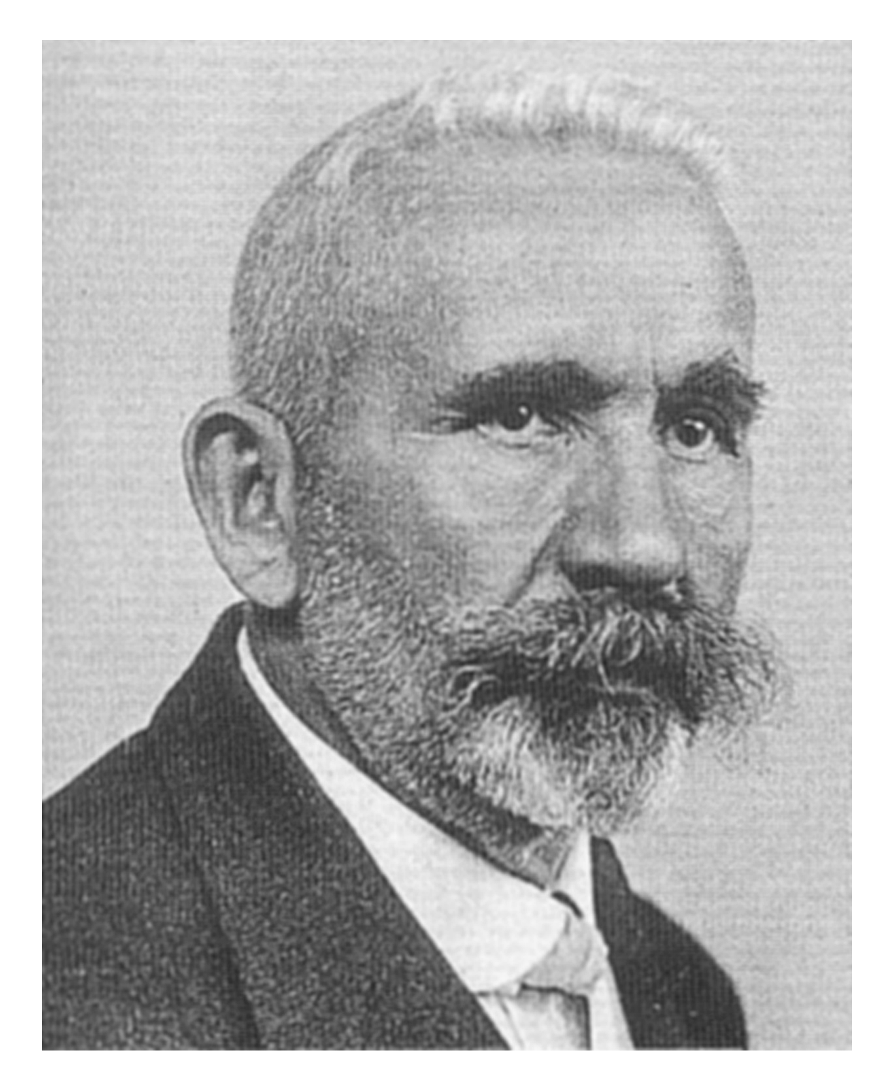
Не желая делать пересказ талантливого автора, описания которого остаются такими же актуальными, как и 110 лет назад, приведем две достаточно объемные цитаты по поводу каждой категории почти полностью.

«Невроз испуга. Под влиянием глубоко потрясающих событий, особенно массовых несчастных случаев (война, землетрясение, катастрофы, пожары, кораблекрушения), у большего или меньшего количества затронутых им лиц вследствие резкого эмоционального волнения может внезапно наступить помутнение сознания и спутанность мыслей, сопровождаемые бессмысленным возбуждением и — реже — ступорозной заторможенностью волевых усилий. Вызванное опасностью душевное волнение мешает ясному восприятию внешнего мира, размышлению и планомерному действию, на место чего выступают примитивные средства защиты, ограждения себя от внешнего мира, инстинктивные движения бегства, защиты и нападения. К этому могут присоединиться всякого рода истерические явления, делирии, припадки, параличи...»[1]

И вслед за этим текстом Крепелин дает (в чем-то — более скупое) описание «травматического невроза»:

«За последние десятилетия выяснилось, что не только после тяжелых, но и после совсем незначительных несчастных случаев, иногда даже без того, чтобы имело место поранение, могут остаться постоянные, даже с течением времени усиливающиеся расстройства, которые в общем представляют из себя смесь подавленности, плаксивости и слабоволия с неприятными ощущениями, болями и расстройством движений. Головные боли, чувство головокружения, слабость, дрожание, напряженность мышц, неуверенность движений («псевдоспастический парез с тремором»), расстройства походки,

[1] Крепелин, Э. Введение в психиатрическую клинику. М.; П., 1923. — С. 310–311.

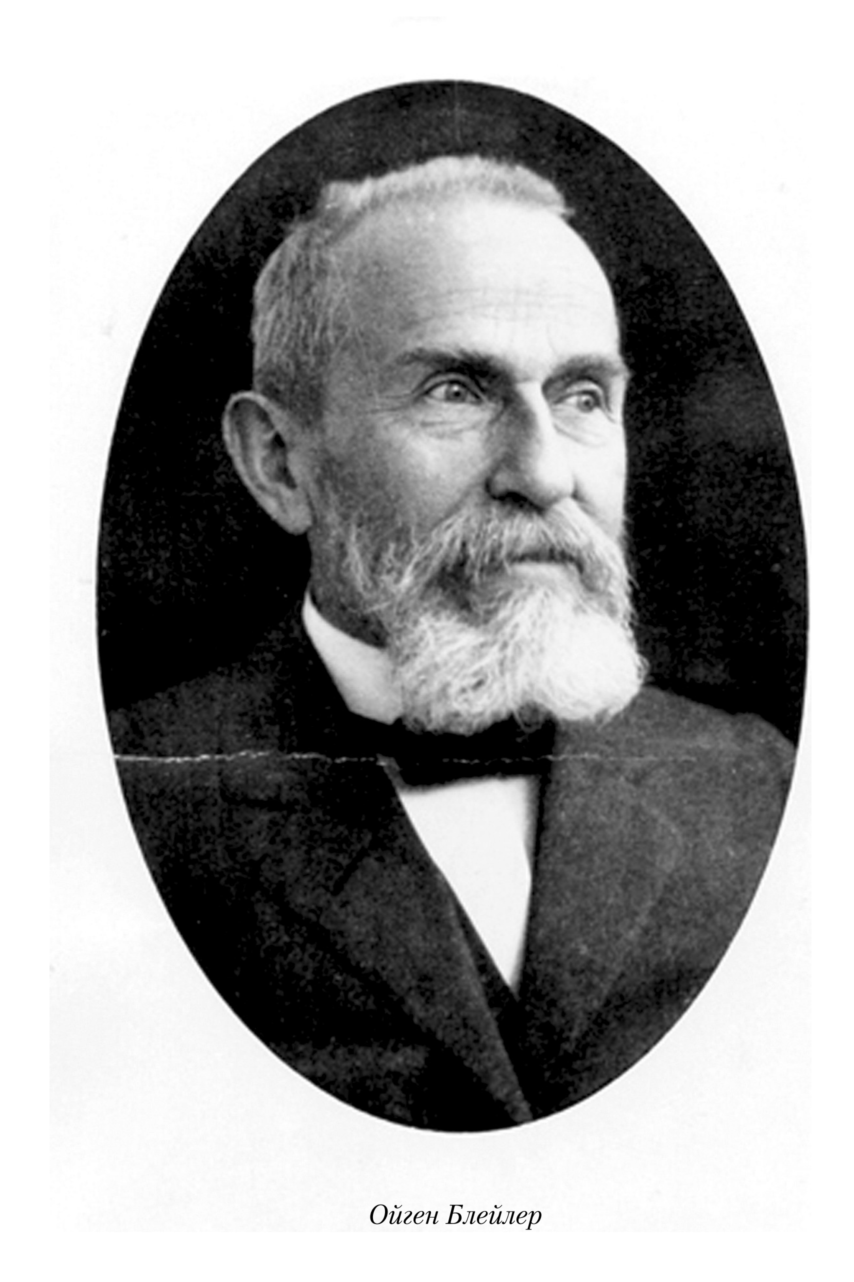

Эмиль Крепелин

необычные неприятные ощущения и боли всякого рода мешают ему постоянно... Настроение подавленное, плаксивое или угрюмое, раздраженное. К сильному напряжению воли больные не способны, очень быстро устают при всяком задании, малодушно прекращают свои попытки после безуспешных усилий. Очень распространена склонность настойчиво обращать внимание врача на отдельные черты в картине болезни. Даже если больные вне наблюдения не представляют ничего особенного, но при обследовании они довольно тугоподвижны, с трудом воспринимают, не могут вспомнить самых обыкновенных вещей, дают совершенно неподходящие ответы, но рассказывают подробно и жалобно о своем несчастии и своих страданиях. Расстройства движений также выступают тогда в очень сильной степени... Часто к картине травматического невроза примешиваются еще другого рода черты...»[1].

Как нетрудно заметить, не используя специальных терминов, Крепелин описывает в качестве последствий психических травм фактически всю психопатологию. Вслед за Крепелином во многом аналогичное мнение высказывает другой выдающийся психиатр Ойген Блейлер. В частности, в его «Руководстве по психиатрии» (1916) он, обращаясь к опыту Первой мировой войны, определяет травматические неврозы как заболевания, «которые возникают психически, на почве волнения или от несчастия или другим каким-нибудь путем в связи с последними», и делает весьма существенное дополнение, которое также уместно привести полностью.

[1] Крепелин, Э. Введение в психиатрическую клинику. М.; П., 1923. — С. 311–312.

Ойген Блейлер

«Некоторые авторы... допускают, по крайней мере для многих случаев, существование подкладки физического свойства — нечто вроде молекулярных изменений нервной системы на почве физического или психического «сотрясения» или слишком сильного раздражения, употребляя даже выражение «травматический рефлекторный паралич». Согласно наблюдениям во время войны все это играет совершенно второстепенную роль»[1].

К сожалению, в последующем эти идеи и выводы были «вытеснены» из психиатрического знания, уступив место сугубо биологическим подходам, но они продолжали существовать в психоанализе.

В двух работах, написанных в 1915 г. («Мысли о войне и смерти» и в 1919 г. («Введение к психоанализу военных неврозов»), Фрейд вновь подтверждает свою приверженность психогенному фактору развития психопатологии, который находил все новые подтверждения в практике. Наиболее четко эта позиция выражена в работе «По ту сторону принципа наслаждения» (1920), где Фрейд писал: «Ужасная война, которая только что закончилась, вызвала большое количество таких заболеваний (боевых неврозов. — *М. Р.*) и, по крайней мере, положила конец искушению относить эти случаи к органическому повреждению нервной системы, вызванному механической силой»[2]. Но, повторю еще раз, этот подход оставался значимым только в психоанализе, а психиатрия пошла совсем другим путем.

[1] Блейлер, Э. Руководство по психиатрии. Берлин, 1920. — С. 410.

[2] Фрейд, З. По ту сторону принципа удовольствия. — С. 143–144.

Лекция 6

Парадигмальность науки

Кому доверять?

Большинство людей доверяют ученым и науке. И это, наверное, правильно. Мне вовсе не хочется подрывать это доверие, но было бы нечестно скрывать, что большинство ученых не доверяют друг другу, так как личные убеждения и пристрастия и даже корыстные интересы, включая вопросы престижа, в науке также играют немалую роль, хотя, мягко говоря, не поощряются гораздо более жестко, чем в социуме. Единожды солгавшему вход в научное сообщество может быть закрыт навсегда. Но есть множество искренне заблуждающихся или искренне верящих в то, что другие столь же искренне отвергают или опровергают. А порой даже самые нелепые идеи излагаются с таким высоким наукоподобием, что и маститые академики не сразу поймут, что перед ними «очередная пустышка». Иногда такие «пустышки» изобретают и сами академики. Например, в 70-е годы XX века известный инженер-механик и конструктор академик А. А. Микулин начал выпускать одну за другой книжки по оздоровлению организма, рекомендуя очищение от шлаков сосудов путем прыжков на пятках и удаление из организма статического электричества с помощью его заземления (на ночь, на батареи отопительной системы). Читали, верили, были последователи...

Особое доверие к науке у каждого человека имеет веские основания. Во-первых, это наши первые учителя — родители, которые дают нам самые необходимые и самые важные сведения об окружающем нас мире и жизни, и в силу их опыта почти всегда оказываются правы, а мы привыкаем к доверию к старшим. Потом их сменяют знающие гораздо больше учителя, а как же не доверять учителям учителей — ученым? Мне не раз приходилось сталкиваться с тем, как удивляются люди, узнавая, что многие научные теории по своей сути остаются гипотезами, возведенными в ранг теорий. Такова, например, биологическая гипотеза Дарвина о происхождении видов, физическая гипотеза Большого взрыва, в результате которого якобы образовалась наша Вселенная, теория развития общественных отношений, теория пассионарности Гумилева, теория моноответа организма, согласно которой якобы шизофрения не может совмещаться с эпилепсией, на основании чего до настоящего времени применяется электросудорожная терапия, и множество других. Поэтому одной из задач современной науки является исследование вопроса о том, что представляет собой само научное знание и каковы его критерии?

Но здесь возникает еще один вопрос — наук много и понимание научности также множественно, фактически — в каждой из наук свое. Напомним, что существуют точные науки, к которым относятся только три категории: физика, математика, информатика и кибернетика (хотя по поводу последних уже можно было бы поспорить). Затем идут естественные науки, отвечающие за изучение всех внешних по отношению к человеку природных явлений.

Базовыми для естественных наук являются математика, механика и астрономия, а в целом к ним относятся также физика, химия, биология, экология, география и медицина. Однако «самой главной» в современных естественных науках по-прежнему остается математика, так как все остальные — так или иначе — используют ее аппарат для описания изучаемых явлений и в конечном итоге стремятся к точному «формульному»[1] определению действующих закономерностей с помощью численных значений. Учитывая эти требования, любая гипотеза в естественных науках, в принципе, должна отвечать правилу доказательства и проверяемости. Но это правило соблюдается далеко не всегда. Например, никто не может проверить или доказать уже упомянутые гипотезы — Дарвина или Большого взрыва, тем не менее — обе принадлежат к естественным наукам.

Список гуманитарных наук еще обширнее: история, педагогика, психология, политология, право, религиоведения, риторика, социология, филология, философия, футурология и еще около десятка других. Здесь, строго говоря, никаких математических закономерностей и их формульного описания уже не требуется, хотя многие гуманитарные науки устойчиво тяготеют к этому, и особенно — психология (еще с той поры, когда она хотела встать в один ряд с естественными науками, но так и не встала, и думаю — не встанет). Как нетрудно заметить, точные и естественные науки (включая биологию, анатомию, физиологию и генетику) занимаются исключительно материальными объектами и оперируют понятиями структуры и свойств, а также их изменениями, а гуманитарные (включая горячо мной любимые психологию и психотерапию) — нематериальными. Поэтому повторю здесь уже приведенную в 1-й лекции гипотезу, что и методы познания во втором случае могут быть качественно иными.

Кроме наук нам следует упомянуть также такой специфический вид человеческой деятельности и познания, как

[1] Не путать с «формальным».

искусство, форм которого бесчисленное множество, но в целом искусство определяется как процесс и одновременно итог значимого выражения *чувств* в образе (неважно каком — художественном, литературном, сценическом, балетном или ином). Сразу заметим то, что почему-то никто не хочет замечать, — уже этим делением чувства (в определенном смысле) выводятся за пределы всех наук! То есть с некоторой натяжкой можно предположить, что как только мы начинаем говорить о чувствах — это уже даже не гуманитарные науки, а искусство. И поэтому не удивительно, что совсем недавно в Европейском союзе было предложено ввести психотерапию в раздел «свободных профессий» в качестве одной из них, наряду с живописью, ваянием, поэзией, архитектурой и т. д.

Еще одно примечание — искусство, хотя и рассматривается как одна из форм общественного сознания, является частью (повторим) не науки, а культуры человечества, и сделаем еще один непростой вывод, что сами науки, нередко объединяемые с культурой, соотносятся с ней весьма опосредованно[1]. И последнее — науки не предполагают какой-либо особой эстетики, а искусство обязательно включает ее и определяется не только формой, но и мастерством передачи определенной духовной или чувственной информации. Большинство гуманитарных концепций почти всегда имеют некую эстетическую составляющую, как говорят иногда: чтобы быть верной, теория должна быть еще и красивой. Но здесь сильно возрастает возможность обмана и даже самообмана исследователя, как при встрече с красивой девушкой с многообещающим взглядом, которая может оказаться и «страшно какой умненькой», и слегка глуповатой, а то и носительницей ВИЧ-инфекции, что,

[1] К этому вопросу мы еще вернемся в разделе, посвященном культуре, техническому прогрессу и цивилизации. — см. статью «Неочевидный образ будущего» с. 234 настоящего издания.

естественно, прояснится много позднее. Последнее сравнение не случайно, ибо новыми гуманитарными концепциями чаще всего заражают, а не учат. В целом же, можно было бы признать, что грань между гуманитарными науками и искусством достаточно размыта и отчасти условна, например, художник рисует красками, скульптор ваяет из камня, глины или гипса, литератор — создает свои произведения из слов. В принципе, то же самое делает и психолог-теоретик, и философ, и психиатр.

Как «подсмотреть» у природы?

Каждая наука всегда стремится к некоему наиболее простому объяснению, когда множество каких-то фактов объединяются каким-то одним или хотя бы минимальным количеством правил, причем желательно, чтобы эти правила никогда не нарушались, и в этом случае найденная тем или иным ученым закономерность получает особый статус — «Закона природы». Но таких не так уж много, и все они преимущественно в точных науках — закон всемирного тяготения Ньютона, закон Ома (описывающий соотношение силы тока, напряжения и сопротивления)[1] и т. д.

Хотя эти законы существовали и действовали всегда, открывали их достаточно долго и постепенно, нередко случайно. Многие ученые питают надежду, что и законы функционирования психики когда-то будут открыты (пока нам

[1] Это мы все помним из школьного курса, в частности, что порождаемый напряжением ток обратно пропорционален сопротивлению, которое ему приходится преодолевать, и прямо пропорционален порождающему напряжению. Но, в принципе, закон Ома является фундаментальным и может быть применен к любой физической системе, в которой действуют некоторые потоки энергии, преодолевающие сопротивление. В свое время у меня был соблазн спроецировать этот закон и на гуманитарную (психотерапевтическую) практику, так как когда мы работаем с сопротивлением пациента, напряжение между субъектами терапии (пациентом и терапевтом) существенно возрастает и требует гораздо больших усилий с обеих сторон для его преодоления.

доступны лишь их внешние проявления, впрочем, не более чем «внешние» проявления закона всемирного тяготения, а вот что стоит за ним — уже очень гипотетично). Мне, как и ряду других коллег, достаточно трудно воспринимать работы, где описываются, например, анатомические или физиологические корреляты морали, совести или воли, так как последние принадлежат к явно нематериальным феноменам, и так же как и Дж. Локку, который доказывал, что мораль не может быть врожденной, ибо она изменяется во времени и в индивидуальном сознании, мне ближе представления о неком эпифеномене. Но, упомянув Локка, должен сказать, что не разделяю его идею о «первичности ощущений перед разумом», ибо при такой логике, доведя ее до абсурда, можно было бы либо предполагать, что вне ощущений не должно быть и закона всемирного тяготения, либо утверждать, что высшим или единственным разумом во всей *необъятной* и *вечной* Вселенной обладаем только мы. Это было бы сверхнарциссично.

Со времен Древней Греции, где геометрии и измерениям придавался почти божественный характер и зародилась логика — вначале как чисто математическая процедура, «подлинной наукой» считаются только точные и естественные ее направления. Но уже Платон делил мир на идеальный и реальный, при этом под идеальным понималось не совсем то, что сейчас — идеальными считались стремящиеся к безупречности геометрические правила и законы, а реальными — их практические воплощения, например, в виде формулы длины окружности, в которой всегда имеется определенная погрешность. При этом Платон считал, что идеальные правила существуют в Природе, а познать их практически можно только умозрительно, то есть как бы «подсмотреть» у Природы, — постигая ее умом. Многочисленные боги и Природа в античности еще не разделены, они как бы единое целое.

Вся античная наука была умозрительной. Такова была ее *парадигма*, то есть способ постановки и решения тех или иных проблем, а также методов их исследования (в более широком значении — парадигма описывает, как и на основе каких идей, взглядов и понятий осуществляется осмысление мира).

Существуют ли надежные теории?

Вслед за античностью в Европу пришло христианство, где Бог уже отделен от природы, но способ познания (его парадигма) оставался прежним — умозрительным, в том числе, например, геоцентрическая система Птолемея просто описывала то, что ему удалось подсмотреть у Природы. Примерно так же действовал и Николай Коперник. А вот Галилей уже начал перепроверять и Коперника, и Творца, поставив перед собой особую задачу: постичь замысел последнего. Это был, безусловно, парадигмальный сдвиг: в науке появился качественно новый принцип — не доверять умозрительным заключениям, а перепроверять все экспериментальным путем. Простой пример: со времен умозрительных заключений Аристотеля считалось что «скорость падения предмета пропорциональна его весу», а Галилей проверил это и внес коррективы, то есть — экспериментально доказал, что ускорение свободного падения не зависит от массы тела. Так развивалась новая парадигма: вначале в механике, а затем и во всех точных науках, главенствующей стала экспериментальная парадигма — вместо умозрительной, доказательная — вместо максим, аксиом и постулатов. Затем эта же парадигма начала использоваться в естественных науках, а в XIX веке она была привнесена и в гуманитарную сферу — науки о психике.

Это течение, получившее название позитивизма, появилось лишь в 1844 году как плод философских изысканий Огюста Конта[1]. Примечательно (и многими не было замечено), что позитивизм сразу и решительно снимал многие философские вопросы, в том числе о сущности и природе различных явлений. Позитивист даже не будет задаваться вопросом, что есть разум или чувство. Он сразу начнет предлагать методы исследования интеллекта или измерения чувствительности. Ученый-позитивист вообще не интересуется такими эфемерными понятиями, как воля, совесть, переживание и т. п., в центре его внимания — только факты, только то, что можно фиксировать, измерять и проверять. Все, что объективными методами не может быть обнаружено или измерено, позитивистская парадигма исходно объявляет вненаучным. И все. Казалось бы, вопрос закрыт.

Но затем вдруг оказалось, что ряд физических законов имеют массу погрешностей и допущений, действуют только в каких-то конкретных условиях, а к части явлений природы они оказались вообще не применимыми и ничего не объясняющими, особенно в термодинамике, в закономерностях теплового излучения, не говоря уже о так называемых психофизических законах в психологии. Далее позитивизм столкнулся с еще одной трудностью: оказалось, что данные, полученные даже в самых чистых экспериментах (и не в «какой-то там» психологии, а в точных науках), зависят от того, кто проводил эксперимент и на основании какой теории действовал экспериментатор (эта «погрешность» получила наименование ошибки от «нагруженности теорией»). Дальше, как говорят, больше: оказалось, что результаты зависят не только от того, на какой предшествующей теории (или

[1] Конт Огюст (1798–1857) — французский философ и социолог. Основоположник позитивизма и социологии как самостоятельной науки.

теориях) базировался экспериментатор, а обусловливаются также тем, на основе каких теорий (например, оптических или электрических) разрабатывалась аппаратура для эксперимента, что позволило сделать еще один вывод: в лабораторных и даже во многих естественных экспериментах *научные факты скорее конструируются, чем выявляются*. Суммируя все сказанное в этом абзаце, можно констатировать, что позитивизм почти похоронил сам себя, придя к выводу, что все теории ненадежны, рождаются и умирают, когда появляются новые, а наука (включая современную) всегда обладает лишь неким приблизительным знанием.

Знание — это не то, что знают люди

Здесь уже можно перейти в XX век и обратиться к автору «критического рационализма» Карлу Попперу, который у нас известен по нескольким работам с апологией буржуазного образа жизни, например «Открытое общество и его враги»[1], хотя его главные работы посвящены методологии науки, и одной из самых интересных (в том числе для нас — психологов и психотерапевтов) представляется книга «Предположения и опровержения» (1963). Поппер исходил из того, что знание является объективным и не сводится к тому, что знают люди. Ключевым понятием этого подхода является фальсифицируемость[2]. Критический рационализм предполагает, что все научные теории могут и должны рационально критиковаться

[1] Поппер, К. Р. Открытое общество и его враги. Т. 1–2. — М.: Феникс, 1992.

[2] Фальсифицируемость (или — опровергаемость) вводит понятие «критерия Поппера», который применяется для проверки научности любой эмпирической теории. Теория удовлетворяет критерию Поппера (то есть — является фальсифицируемой), если существует методологическая (на конкретном этапе — хотя бы предполагаемая) возможность ее опровержения путем постановки того или иного эксперимента, даже если такой эксперимент еще не был поставлен. Фальсифицируемость теории, по Попперу, является необходимым условием ее научности.

и, если они имеют эмпирическое содержание[1], должны быть подвергнуты эксперименту, который может их опровергнуть. Таким образом, возникает своеобразный парадокс: знания являются научными только тогда, когда они опровержимы. Если знание потенциально опровержимо, самым главным критерием является: опровергнуто оно или нет, и если не опровергнуто — теория оценивается в зависимости от того, насколько серьезна критика содержащегося в ней подхода или знания.

Подтвердить опытом, как считает Поппер, можно все что угодно. В частности, например, астрология или экстрасенсорика подтверждаются многими эмпирическими свидетельствами. Но подтверждение теории (даже в целом) еще не говорит о ее научности. Испытание гипотезы должно заключаться не в отыскании подтверждающих ее данных (что авторам тех или иных теорий, как известно ученым, почти всегда удается), а в настойчивых попытках опровергнуть ее. Развитие науки может идти только в том случае, если выдвигаемые гипотезы будут настолько смелыми, насколько это

[1] Эмпирический уровень познания — это процесс мыслительной (и преимущественно — языковой) переработки данных (или любой информации), полученных с помощью органов чувств (напомним здесь тезис Сократа, что исследование с помощью чувств — это исследование с помощью тела, которое всегда «обманывает» душу, а также то, что психические явления, по Сократу, должны познаваться принципиально иным путем, чем материальные). Эмпирическое познание может состоять в анализе, классификации или обобщении материала, получаемого посредством наблюдения (то есть — опять же с помощью органов чувств). Затем образуются понятия, обобщающие наблюдаемые предметы и явления. Таким образом формируется эмпирический базис тех или иных теорий. Для теоретического уровня познания характерно то, что «здесь включается деятельность мышления как другого источника знания» и уже на основе мышления происходит построение теорий и предпринимаются попытки объяснения наблюдаемых явлений, и формулируются (на уровне сознания) те или иные законы. (см. также: Дегтярев, М. Г., Войшвилло, Е. К. Логика: Учебник — М.: Валдос-Пресс, 2001. — С. 14.). К общенаучным методам, применяемым для обоснования эмпирических и теоретическом идей, относятся: анализ, синтез, аналогия и моделирование.

возможно, и опровергающими предшествующее знание. Но это, естественно, не означает, что они должны быть заведомо неправдоподобными (они должны оставаться научными).

Согласно современной логике две взаимосвязанные операции — подтверждение и опровержение — не обладают равной доказательностью, так как у опровержения «прав всегда больше». Фактически, достаточно одного противоречащего той или иной теории факта, чтобы окончательно опровергнуть ее обобщающий характер, и вместе с тем сколь угодно большое число подтверждающих примеров не способно раз и навсегда подтвердить конкретную теорию и превратить ее в непреложную истину. Например, даже осмотр миллиарда деревьев не делает общее утверждение: «Все деревья теряют зимой листву», — истинным. Наблюдение потерявших зимой листву деревьев, сколько бы их ни было, лишь повышает вероятность, или правдоподобие, данного утверждения. Зато всего лишь один пример дерева, сохранившего листву среди зимы, опровергает это утверждение. Но постараемся за этими предельно облегченными рассуждениями не потерять главное — любая парадигма или базирующаяся на ней теория должна объяснять какие-то факты и делать это исключительно убедительно, а также обладать хоть какой-то прогностической способностью — давать научному сообществу модель постановки проблем и их решений. В связи с чем уместен вопрос: что дала нам рефлекторная теория для понимания психических феноменов и какие из положений о высшей нервной деятельности неопровержимо связаны с сознанием и психикой в целом? Мне таковые неизвестны. Таким образом, применительно к психологии эта теория недоказуема и неопровержима одновременно, то есть — вообще не является сколько-нибудь психологической в строго научном смысле. Но она, безусловно, принадлежит к теориям физиологической регуляции телесных функций.

Парадигма античных представлений о психическом была умозрительной, впрочем, как и в течение всего последующего времени, вплоть до окончания новейшей эпохи[1]. В XIX и первой половине XX века усилиями выдающихся умов (психиатров и психологов) ее пытались сделать позитивистской, опирающейся на клинические факты и эксперименты, но все эти факты и эксперименты относились к одним системам — анатомии или физиологии (вплоть до биохимии), где действуют свои законы, где имеются четкие отношения между структурой и функцией, а затем проецировались на другую систему — психику. В этом смысле практически все психофизиологические подходы — ненаучны, хотя уверен, что с этим мало кто согласится.

В заключение этих утомительных рассуждений обратимся к еще одному вопросу, а именно — адекватности модели и методов исследования тому, что исследуется. Например, по моим (отчасти также умозрительным) представлениям, анатомические, физиологические или даже электрофизиологические подходы к изучению душевных процессов столь же «адекватны», как попытки определять напряжение, сопротивление или силу тока в цепи путем взвешивания проводника, по которому он идет, или же исследовать химические реакции с помощью шумомера. Откровенно признаюсь, что у меня также нет чего-либо существенно нового в плане методических подходов к исследованию психического, но размышлений об этом много, хотя все они также носят умозрительный характер и все мое небольшое преимущество состоит только в том, что мной это осознается. Исследуя психику наших пациентов с помощью собственной психики терапевта (познавая подобное подобным), мы тысячекратно убеждаемся в существовании

[1] Окончание новейшей эпохи датируется 1945 годом, после которого начинается современность.

бессознательного, сопротивления, вытеснения и т. д., но никаких предположений о том, как здесь можно было бы применить общенаучные принципы объективизации или критерии «опровержимости—неопровержимости» пока нет, ибо вне нашей психотерапевтической специальности и при отсутствии соответствующей квалификации «подсмотреть» или показать это кому-либо другому — невозможно.

Некоторые из моих коллег, с которыми обсуждалась идея этой книги и гипотеза о мозге как о центре нервной регуляции и одновременно биологическом интерфейсе (связующем звене между психическим и физиологическим), интересовались — не пытаюсь ли я предложить новую парадигму? Совершенно искренне отвечаю: «Скорее нет, это все-таки только парадигмальный фрейм», — уже хотя бы потому, что суждение о смене той или иной парадигмы возможно только с точки зрения удаленной исторической ретроспективы, это — во-первых, а во-вторых, во всем сказанном пока нет никаких гипотез о проверяемости или опровержимости. Если кто-то сформулирует принципы такой проверки или опровержения, это было бы интересно.

Лекция 7

Парадигмальный кризис

Воображаемая фармакология

Мы так много говорили о психическом расстройстве, но так и не дали его определения. Причина очень простая — по сути, здесь нужно полностью согласиться с В. М. Бехтеревым[1], его пока нет. Одни ученые определяют его через противоположность — как отсутствие психического здоровья. Другие во главу угла ставят наличие у пациента психического страдания (как при депрессии), которое при многих жизненных ситуациях является нормальным явлением (например, при разочаровании в любви или утрате близкого человека), а характер патологического приобретает только при фиксации в этом состоянии. Но при некоторых патологических процессах, в том числе, например, при шизофрении, страдание, как осознаваемый пациентом психический (а при «стертых формах» — даже как наблюдаемый поведенческий) феномен в ряде случаев может вообще отсутствовать. Страдают скорее родные и близкие пациента, и они же обращаются к психопатологам за помощью, а затем нередко они же апеллируют к изоляции душевнобольного, мотив которой в самой краткой форме можно выразить словами: «Мы больше не можем этого выносить!». В последней фразе о родственниках нет ни малейшего обвинительного оттенка — во многих случаях этого не сможет вынести никто, кроме психиатра. Тот или иной человек может чувствовать себя даже превосходно (как случается при некоторых гипоманиакальных состояниях), в то время как все окружающие будут считать его «ненормальным». Третьи добавляют, что патологическим процессом психическое расстройство становится только тогда, когда оно приобретает неадекватные формы, хотя, что включает понятие «адекватности», столь же неопределенно. Четвертые предлагают считать патологическими только те субъективные страдания, которые не имеют никаких внешних (объективных) причин, но вопрос «не имеют» или «не найдены» — всегда остается открытым.

[1] См. с. 119 настоящего издания.

То, что сейчас признается практически всеми, имеет прямое отношение к нашему исследованию: для установления диагноза того или иного психического расстройства уже давно даже не предполагается обнаружение каких-либо структурных изменений в анатомии мозга[1]. Отчасти то же самое можно сказать и о физиологических и биохимических изменениях, которые также не выявляются с помощью тех или иных анализов, но в обосновании фармакотерапии всегда гипотетически присутствуют. И именно на эти гипотетические биохимические изменения и направлено психофармакологическое воздействие, в связи с чем не так давно появилось такое мало приятное для медицины определение, как «воображаемая фармакология». Констатируем: психиатрический

[1] Мы в данном случае не говорим о состояниях (также относящихся к психиатрии), связанных с патологией развития, эндокринной патологией и нейроонкологией, а также — возникающих вследствие повреждений мозговой ткани в результате физических травм или воздействия токсинов.

диагноз не имеет никакого анатомического обоснования и в большинстве случае лишь предполагает некое гипотетическое физиологическое (биохимическое). Но это противоречит всей нозологии (учению о болезнях), которая требует, чтобы для каждой формы патологии, если она претендует на то, чтобы считаться заболеванием, были установлены: ее причина, патогенез (механизмы развития), типичные внешние проявления (симптомы) и главное — специфические (только для этого конкретного заболевания) структурные изменения в органах и тканях, подтверждаемые внешними признаками и лабораторными данными. Применительно к психопатологии у нас имеются только внешние проявления (психиатрические симптомы в виде поведенческих или психосоциальных феноменов), да и то в ряде случае — чисто субъективные.

Кроме того, проявления психических расстройств всегда несут отпечаток той социальной и культурной среды, в которой воспитывалась и действует личность (включая личность того, кто ставит диагноз): вряд ли кому-то придет на ум обвинять обнаженных аборигенов некоторых африканских племен в эксгибиционизме, а если разгуливать нагишом начнет европеец, диагноз ему обеспечен. Беседующий с духами шаман у северных народов России будет одним из самых почитаемых членов общества, а ученого, который только попытается обратить это в научный эксперимент, скорее всего, объявят шарлатаном или не вполне психически здоровым и подвергнут остракизму. Мы последовательно дистанцируемся от всего, что связано с душевными процессами и не укладывается в рамки грубого материализма. Именно так: не познаем, а дистанцируемся. Даже «английский сплин иль русская тоска», которые некогда составляли значительную часть обычного межличностного общения, все чаще, по императивам современной европейской культуры, перемещаются в клинику, ибо даже друзья и родные предпочитают действовать в такой ситуации согласно тезису: «Извини, это не моя проблема».

Одно и то же психическое расстройство не только в различных культурах, но также в зависимости от специфики наличных общественных отношений может проявляться поразному. Там, где психические расстройства «не поощряются», не находят понимания и поддержки со стороны окружающих (как это было в советской России или наблюдается в современном Китае), обычно преобладает соматизация, а пациенты предъявляют жалобы преимущественно на дисфункции внутренних органов и годами лечатся у врачей-интернистов (принимая тысячи совершенно не нужных им таблеток, то есть вводя в организм огромные дозы каких-то химических веществ). В США, где общественное отношение к ментальным расстройствам намного лояльнее, гораздо чаще обращаются к психотерапевтам и психологам. В последнем случае ни сами пациенты, ни их терапевты, обсуждая различные варианты пониженного настроения, апатии, ощущений профессионального выгорания, неудовлетворенность межличностными или сексуальными отношениями или даже дисфункции тех или иных органов (соматические проявления) — заболеваниями их не считают. Обе стороны обычно исходят из предположения, что чаще всего за этим стоят какие-то личные проблемы, а терапевт только помогает найти их и способ их решения, который (способ) всегда принадлежит пациенту, чтобы вернуть ему возможность вновь просто жить и испытывать счастье. Наши западные коллеги-психотерапевты не без гордости сообщают, что даже некоторые психотические пациенты, например страдающие шизофренией (правда — исключительно из состоятельных семей), предпочитают лечиться у психотерапевтов, в то время как не такая уж дешевая психо-

фармакология в последние годы в экономически развитых странах все чаще оценивается как «лечение для бедных». Но вряд ли психотерапевтам стоило бы слишком обольщаться или обобщать таким образом новые подходы ко всем тяжелым формам психических расстройств. Мне известен целый ряд случаев, когда психотерапевты с трудно скрываемым удовольствием передавали своих пациентов психиатрам, ибо просто не знали — что делать? Психиатры, в принципе, оказываются в такой же ситуации, но у них на этот счет есть четкие инструктивные указания[1]. Критиковать психиатрию легко. Можно даже потратить всю жизнь на обоснование неадекватности методов психиатрического лечения, как это делали некоторые известные деятели антипсихиатрического движения. Но пока ничего другого не придумано.

Современная российская психиатрия интерпретирует психическое расстройство как патологический процесс, имеющий либо физическую, либо психическую природу. И уже то, что последнее признается — большое достижение последнего времени. Но признавая психическую природу как возможную, надо пытаться вначале хотя бы как-то конкретизировать теоретические подходы к этиологии и патогенезу

[1] Хотя весьма трудно представить — какие могут быть инструктивные указания одних людей относительно психики других? Как к микроволновой печи? «Если вы заметили дым, идущий из прибора, срочно отключите его от сети...» В общем-то, если принять идею интерфейса, психиатры так и поступают — отключают от «сети». А если говорить серьезно, то применительно к психике существует лишь одна «инструкция по применению» — это десять заповедей, независимо от того, как к ним относиться — как к божественному откровению или своду человеческой мудрости. Но терапевтический опыт показывает, что их нарушение закономерно приводит к психопатологии, а сохранение здоровой психики возможно только в случае безусловного исполнения этих заповедей и при этом в их расширенном толковании, то есть: «Почитай родителей...» — должно предполагать наличие их обоих, и достойных почтения; «Не лги» — означает, что человеку вообще не знакома ложь, он никогда не был обманут и даже ни разу не сталкивался с тем, чтобы кто-то обманывал кого-то другого и т. д. А поскольку это невозможно, вероятность встречи с совершенно здоровой психикой ничтожно мала, даже теоретически недостижима.

психических расстройств, не удовлетворяясь тем, что уже было предложено психоанализом более ста лет назад. Нужен какой-то шаг вперед. И при этом, конечно, лучше исходить не из кастовых приоритетов тех или иных направлений психологии, психотерапии или психиатрии, а из интересов наших пациентов. Пока же, несмотря на то, что никаких веских доказательств биохимической природы психопатологии нет, большая часть терапии реализуется на основе психофармакологии и осуществляется так, как если бы они были. Это, безусловно, парадигмальный кризис.

Остался ли материализм в точных науках?

Как уже было обосновано в первых главах, своими истоками материализм обязан в первую очередь медицине. Уже намного позднее он был воспринят точными науками, и самое главное физикой, где затем зародился и, казалось бы, навсегда утвердился позитивизм с приоритетами доказуемости и объективного факта (все остальное вообще не рассматривалось). Нужно признать, что сам термин «материализм» со временем приобрел некое магическое звучание и особое обаяние, которое пускалось в ход каждый раз, когда требовалось что-то априори раз и навсегда отвергнуть. Российская любовь к иностранным словам имела, как представляется, дополнительное значение, ибо нигде в мире материализм не приобрел такого общенационального пафоса (если кто-то сомневается, советую побывать в научных учреждениях католических и протестантских стран, включая их академии наук). Напомним, что слово «материя» в переводе на русский обозначает вещество, и таким образом, если говорить родным языком — всеобъемлющий материализм редуцируется до более скромного понятия «веществизм»,

делая одновременно более понятным его суть и содержание. Дольше всего этому течению сопротивлялась психология, но и ее постепенно «построили». Продолжает сопротивляться философия, спрятавшись за мало кому понятные за ее пределами термины типа «трансцендентное», «вещь в себе» и т. д. Мы не говорим о религии и институтах церкви, так как здесь не может быть и речи о каком-либо сопротивлении, там ситуация принципиально иная — бескомпромиссная борьба, которая диктуется необходимостью нравственно и духовно сохранять и защищать себя и свою паству.

Но в XX веке неожиданный и почти сокрушительный удар по материализму нанесла физика, которая, в полном смысле, перевернула или даже опрокинула классическую картину мира и «осквернила» все материалистические подходы, да еще и набросала «камней в огороды» всех смежных наук. Такого «хулиганства» не было, по сути, со времен Галилея. Его в конце концов простили, даже церковь простила, согласившись, что «она все-таки вертится», но затем был нанесен новый удар по «основам мироздания», и уже не по церковным догмам, а по самой научной «религии» — позитивизму. Искренне попрошу читателя набраться терпения всего на одну страницу текста, который, скорее всего, мне не удастся доходчиво изложить, ибо даже сами физики этого пока не смогли.

Очень кратко — только содержательная часть. Напомню, что со времен Ньютона сформировалось представление, что каждое материальное тело обладает внутренней («врожденной» — в данном случае это чисто физический термин) характеристикой — массой, которая и является мерой количества материи, содержащейся в нем (отсюда в психологии происходило множество попыток «взвесить душу», в том числе — «успешных»). Но затем появилась теория относительности

Альберта Эйнштейна, которая добавила к этому представлению о материи нечто новое — оказалось, что понятия массы явно недостаточно и нужно учитывать вложенную в то или иное материальное тело энергию. Это еще ничего, но вслед за этим начала развиваться физическая теория «волн— частиц» (то есть — как хочешь, так и называй, в зависимости от своих научных интересов) и физическая теория поля, согласно которой масса вообще не является внутренним свойством каждого тела — она появляется только у взаимодействующих тел. А отдельная изолированная частица вообще не обладает массой. Отсюда физики делают вывод, что понимание новой природы массы предполагает глубокую взаимосвязь всего, что есть во Вселенной. Каждая волна или частица и каждая песчинка несет в себе отпечаток этой связи и влияет на все другие, поэтому в физике поля вообще не существует понятия изолированного объекта. Дальше — больше: физики договорились до того, что любое изолированное тело, наделенное «врожденными» характеристиками вроде массы — это просто еще одна физическая иллюзия, и рассматривать тела таким образом — это все равно что изучать несуществующее. Приехали. Проще говоря, изолированное тело не обладает ни массой, ни зарядом, ни скоростью, ни энергией и никакой другой характеристикой[1]. Однако на вопрос, а откуда же все это берется, ответа физика не дает, иногда просто иронически заявляет: «Свыше», — или, того хуже, — относит этот вопрос к непознаваемым. Вслед за теорией поля (в физике) появляется новое направление — Полевая физика (именно так — с заглавной буквы, чтобы не путать с первой), которая обосновывает еще более занятные гипотезы. В частности, отвергая

[1] Вспомним, что примерно то же самое утверждалось Аристотелем, но лишь относительно не обладающей телесными свойствами души, а теперь — физики фактически повторяют эти же идеи о материальных объектах.

все предшествующие гипотезы, это направление точных наук предполагает, что ни материальные объекты, ни частицы не создают поля и не взаимодействуют друг с другом — всему причиной (вводится новое понятие) «полевая среда», которая рассматривается как новая реальная сущность, которая связывает все объекты во Вселенной и обусловливает их взаимодействие и свойства. Проще говоря, в Полевой физике поле из вспомогательного понятия (до этого, скорее — некой чисто математической функции) трансформируется в объективную физическую реальность. Вообще-то, все, что здесь описывается содержательно, в физике растворяется и тонет в математических формулах, условных коэффициентах, скидках на всяческие дополнительные теории и т. д., и т. п.

Самое главное: было много колебаний по вопросу — а что же такое поле? Но потом его также отнесли к материальным объектам, и до недавнего времени физики изучали материю в двух ее проявлениях: вещество и поле. Вдумаемся в эту фразу и переведем ее на русский язык: поле (если и это материя) — это вещество, и его (вещество) надо изучать в двух проявлениях — вещество и поле. Тавтология какая-то. Все это восходит к работам одного из крупнейших физиков XX века Поля Дирака[1], который в своей нобелевской речи заявил: «С общефилософской точки зрения, число различных типов элементарных частиц (по крайней мере, так кажется на первый взгляд) должно быть минимально, например один

[1] Дирак Поль (1902–1984) — английский физик и математик, лауреат Нобелевской премии (1933).Чтобы немного оживить эти рассуждения, наводящие на психолога и психотерапевта, скорее всего, скуку, добавим, что Поль Дирак был человеком, наделенным исключительным чувством юмора, и любил потеоретизировать по поводу любых идей и наблюдений, включая обыденную жизнь. Например, однажды он высказал предположение, что существует оптимальное расстояние, на котором женское лицо выглядит привлекательнее всего, так как в двух предельных случаях, на нулевом и бесконечном расстоянии, ничего не видно и «привлекательность обращается в нуль», а, следовательно, должен существовать оптимум.

или самое большее два». В связи с чем появились теории, предполагающие, что вся материя — это просто «сгустки» поля. Человек (индивид или личность) — это тоже «сгусток поля». Таким образом, если доверять физикам, то наше полупрезрительное отношение к приверженцам биополя (в психологии и психотерапии), вполне возможно, не так уж справедливо. Чтобы завершить «повествование» дилетанта о Полевой физике, констатируем: как утверждают современные ученые-физики, благодаря этой теории впервые появляется целостная концепция всего Мира и действующих в нем законов, и эта концепция ставит под сомнения все, чему мы привыкли верить за последние 500 лет развития науки.

Физическая теория поля в психологии

Физика была и остается наукой наук, и почти все в физиологии «заимствовано» из нее, а из последней затем частично адаптировано к психологии. Первым теорию поля в психологию привнес Курт Левин[1], книга которого так и называется «Теория поля в социальных науках»[2]. Некоторые относят Левина к гештальт-психологии, но это не так, он, конечно же, принадлежит к психодинамическому направлению, а с гештальтом его роднит только представление о целостности личности (хотя Левин предпочитает говорить об индивиде) и всех ее психических актов. После сказанного о физике и хотя бы беглого знакомства с психологической теорий поля можно было бы признать, что Левин экстраполировал

[1] Левин Курт (1890–1947) — немецкий ученый, до 1926 года профессор психологии Берлинского университета, после прихода к власти фашистов был вынужден покинуть Германию, эмигрировал в США, где преподавал в Стэнфордском университете, а с 1940 г. возглавил Центр исследований групповой динамики при Массачусетском технологическом институте, являясь также вице-президентом Института этнических проблем.

[2] Левин, К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000.

современную ему физику поля на психологию, просто заменив понятие «элемент» (частицы-волны) на личность, а понятие «пространство-время» на «социум». Это нисколько не снижает безусловную ценность его разработок, и такой метод используется многими авторами, которым удается увидеть аналогии, не замечаемые другими[1]. В своей другой книге «Динамическая психология» Курт Левин писал: «Вместо того, чтобы вычленять из ситуации тот или иной элемент, значимость которого невозможно оценить без рассмотрения ситуации в целом, теория поля, как правило, предпочитает начинать с характеристики ситуации в целом», — а одна из главных задач психологии, по мнению этого автора, состоит в том, чтобы «найти адекватные научные понятия, благодаря которым стало бы возможно такое представление сочетаний психологических факторов, чтобы из них можно было вывести поведение данного индивида»[2]. Из этого тезиса вытекает также то, что пока адекватных научных понятий в психологии явно недостаточно. И с этим трудно не согласиться. Приведем еще одну созвучную всему сказанному в этой книге цитату из Левина: «Более пятьдесяти лет психология росла в атмосфере, которая признает «реальными» в научном смысле этого термина только физические факты... чтобы сохранить установку, которая некогда работала для прогресса науки,

[1] Например, одно из новых направлений в психологической практике — оргконсультирование, при ближайшем рассмотрении явно родилось из психологии семьи и семейной психотерапии, что легко заметить при простой замене в содержательной части этих двух концепций понятия «семья» на «группу» или «коллектив», и наоборот.

[2] Левин, К. Динамическая психология. М.: Смысл, 2001. — С . 253. (Психологическая теория поля, так же как и ее физический аналог, изобилует формулами, гипотетическими коэффициентами, описанием векторных процессов и пространств, новыми терминами типа «конструкт напряжения», «квазипотребности», «добавочные полевые силы» и т. д., и тем, кто впервые столкнется с ней или просто проявит интерес, целесообразно вникать исключительно в ее содержание, отчасти абстрагируясь от ее математического аппарата. — *М. Р.*)

но теперь изжила себя»[1]. После Курта Левина появилось несколько работ, которые шли в том же направлении и, как представляется, черпали новые психологические подходы из того же источника — современной физики, в частности, можно упомянуть недавно изданную на русском книгу Роберта Уилсона «Квантовая психология»[2]. Оценить реальный научный вклад этого направления пока вряд ли возможно — будущее покажет.

Остановимся на этом. Для самого строгого и взыскательного читателя повторю еще раз — в этих лекциях мной ничего не утверждается, это просто размышления и сомнения. Если же кто-то после ознакомления со всем, что здесь написано, задаст уже традиционный вопрос типа: «А я все-таки не понимаю...», — у меня не останется иного выхода, как ответить: «Это утверждение, а не вопрос».

[1] Левин, К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000. — С. 179–180.

[2] Уилсон, Р. Квантовая психология. М.: София, 2007.

Часть 2
Статьи

Одержимость и паранойя

Эта статья была подготовлена в качестве предисловия к третьему тому собрания сочинений З. Фрейда, когда уже вряд ли было уместно говорить о его вкладе в интеллектуальную жизнь европейского общества и современное гуманитарное знание. Поэтому здесь почти ничего не будет сказано об этом выдающемся авторе, а основное содержание будет посвящено преимущественно тому, что было до него и «параллельно» с ним, чтобы приблизиться к пониманию того нового, что предложено Фрейдом. В книге «Одержимость дьяволом и паранойя»[1] излагаются два хрестоматийных для психоаналитиков случая психических расстройств, в свое время квалифицированных как «одержимость» и «паранойя». Первое понятие практически исчезло из обращения, а второе — в рамках естественнонаучной концепции — утратило многое из своей таинственной, почти мистической сущности и содержания. В моей статье будет предпринята попытка хотя бы частично восстановить это утраченное.

[1] Фрейд, З. Собрание сочинений в 26 томах. Том 3. Одержимость дьяволом. Паранойя. Перевод с немецкого С. Панкова. СПб.: ВЕИП, 2006.

Одержимость

Практически уже забытое понятие «одержимость»[1] феноменологически объединяло множество состояний, но, по сути — оно составляло донаучное определение почти всего комплекса психических расстройств, которые в настоящее время, хотя и много реже, все еще встречаются почти в классической форме при истерии, паранойе и шизофрении. В средневековой медицине одержимость связывалась с вселением в человека злых духов, желающих овладеть его телом и душой, при этом обычно речь шла о божествах «низшего порядка», носителях низменных желаний и страстей. Отличительным признаком одержимости считалось осознание чуждости («наведенности») тех или иных ощущений или действий, совершаемых конкретной личностью, включая спонтанную речь от лица тех, кем они одержимы. Как свидетельствуют исторические источники, изгнание духов (экзорцизм[2]) в отдельных случаях приводило к улучшению состояния несчастных, что не стоит воспринимать только скептически (естественно, не в отношении духов, а в отношении терапевтического воздействия священнослужителей). Основными причинами таких расстройств считались всяческие прегрешения, отступничество от почитания Бога и Святого Писания, недобрые помыслы и деяния.

Процесс изгнания духов, начиная с эпохи Средневековья и по настоящее время, строго регламентирован. Допуск к нему предполагает ряд испытаний на крепость веры, наличие особого статуса в церкви и специальной квалификации экзорциста. Дух, которого экзорцист призывает в свои помощники,

[1] В традиционной культуре как синоним с равной частотой использовалось определение «бесноватость», одной из причин которой считались сексуальные отношения с бесами или животными.

[2] От *exorkein* (*греч.*) — заклинать.

должен занимать в демонической иерархии более высокое положение, чем изгоняемый злой дух. Сеансу экзорцизма всегда предшествуют продолжительная подготовка — пост, молитвы, апелляция к благословлению главы церкви, при этом не только самого экзорциста, но и церковной братии, которая входит в число добровольных помощников. Длительность таких сеансов обычно определяется духовными и физическими возможностями участвующих священников. Специфично и заслуживает позитивной оценки то, что в молитвах и обращении к одержимому не допускается выражений, направленных против него, а только в отношении овладевшего им духа. Хотя из истории известны и менее гуманные методы: одержимых били плетками или даже раскаленными прутьями, наносили им увечья, клеймили, давали им обильные дозы слабительного и рвотного, делали кровопускание, опускали в почти кипящую или ледяную воду и т. д. (аналогичные «методы» применялись и в начале научного периода психиатрии)[1]. В процессе экзорцизма иногда практиковалось предоставление для духа нового тела (чаще — животного), которое затем убивали или сжигали. Трудно сказать, насколько это было эффективно, но уж точно небезопасно, в том числе для экзорциста, который всегда должен был помнить, что злой дух может воспользоваться его слабостью и вселиться в него. Эти опасения следовало бы признать справедливыми, правда, в рамках более подходящей теории психического заражения. В качестве дополнительных средств использовались благовония, чеснок, мускатный орех, валериана и другие активные вещества, до настоящего времени применяемые в медицине.

[1] Экзорцизм все еще применяется. Например, в 2005 году в монастыре Святой Троицы (Румыния), посчитав, что одна из монахинь одержима дьяволом, несчастную привязали к кресту, в рот вставили кляп и оставили без еды и воды в холодном помещении, где 23-летняя девушка скончалась на третий день пыток.

Примечательно, что уже в Средние века официальной церковью рекомендовалось и самим одержимым, и экзорцистам вступать в контакт с дьяволом и спросить его: «Кто ты? Чего ты хочешь?» — а уже затем противопоставить ему силу Бога, что можно было бы назвать неким прообразом современных аналитических подходов, где (в отличие от соматической медицины) пациента обычно спрашивают не «как он себя чувствует», а «что он чувствует», и затем слушают его, если нужно — годами.

Приведем не вызывающее сомнений в своей достоверности описание случая одержимости из «Общей психопатологии» К. Ясперса, с клинической точностью демонстрирующего те внутренние переживания, которые в случае художника Кристофа Хайцманна и в изложении Фрейда остаются «за кадром»[1].

Патер Сурин, который практиковал изгнание бесов, а следовательно — искренне верил в Бога и в возможность одержимости дьяволом, чрезвычайно ярко описывает один из таких случаев, произошедший в процессе сеанса экзорцизма: «Дьявол покидает тело одержимого и вселяется в мое, валит меня на землю и жестоко избивает в течение нескольких часов. Я не могу описать в точности, что же со мной происходит: этот дух объединяется с моим духом и отнимает у меня сознание и свободу моей собственной души[2]. Он царит во мне как какое-то другое Я, будто у меня две души: одна лишена возможности распоряжаться собственным телом и загнана в угол, тогда как другая — захватчица — обладает непререкаемой властью. Оба духа борются внутри одного тела, и моя

[1] Фрейд, З. Собрание сочинений в 26 томах. Том 3. Одержимость дьяволом. Паранойя. Перевод с немецкого С. Панкова. СПб.: ВЕИП, 2006. – С. 18–68.

[2] Напомним, что в христианстве, с одной стороны, считаются неотделимыми, а с другой — четко разделяются такие понятия, как «дух», «душа» и «тело».

душа оказывается, так сказать, расщепленной надвое. Одна часть подчинена этому дьяволу, а другая действует согласно собственным или Божественным побуждениям. Я чувствую глубокий покой и согласие с Богом и одновременно не знаю, откуда берется то страшное неистовство и та ненависть к Нему, которые я ощущаю в себе, то бешеное желание оторваться от Него, которое всех так изумляет; но я чувствую также великую радость и кротость духа, которая кричит во мне наряду с дьяволом. Я ощущаю себя проклятым, я испытываю ужас — словно в одну из моих душ вонзились шипы отчаяния, моего собственного отчаяния, тогда как вторая душа вовсю насмехается над виновником моих страданий и проклинает его. Мои крики доносятся с обеих сторон, и я не могу понять, что же в них преобладает — радость или ярость. Когда я начинаю приближаться к причастию, меня начинает бить безумная дрожь, которую я не в силах остановить; кажется, что она вызвана как страхом его непосредственной близости, так и преклонением перед ним. Одна душа побуждает меня перекрестить собственные уста, а вторая останавливает меня и заставляет в бешенстве кусать пальцы. Во время таких приступов мне бывает легче молиться; мое тело катается по земле, и священники проклинают меня, словно я — Сатана; я испытывал радость из-за того, что стал Сатаной, — но не потому, что бунтую против Бога, а из-за собственных жалких грехов»[1].

Современная психопатология интерпретирует это как психическое заражение, которое может случиться с каждым, включая специалистов. Но преходящие (транзиторные) ощущения и переживания подобного рода (намного менее выраженные) могут наблюдаться и у вполне здоровых людей,

[1] Ясперс, К. Общая психопатология. Пер. с нем. Л. Акопяна. — М.: Практика, 1997. — С. 163–164.

когда в одном и том же человеке сталкиваются амбивалентные чувства, борются два взаимоисключающих мотива, за каждым из которых стоит определенная «часть» одной и той же личности. Это состояние может быть чрезвычайно кратковременным или относительно протяженным, и главным критерием отсутствия клинического расстройства является сохранение единства Я, которое, оставаясь «над схваткой», способно сдерживать, отслеживать и критически оценивать такое «раздвоение». В тех же случаях, когда та или иная часть бесконтрольно и полностью захватывает всю личность, мы сталкиваемся с клиническим вариантом расстройства. А поскольку все психические расстройства так или иначе культурально обусловлены, в наше (далекое от искренней веры) время мы чаще встречаемся не с одержимостью дьяволом, а с другими ее формами: от переселения душ инопланетян до полной поглощенности идеей облагодетельствовать весь мир тем или иным, иногда, на первый взгляд, кажущимся почти научно обоснованным способом. Хотя и новые «пришествия Христа», и декларации способности воскрешать умерших — также встречаются.

Одержимость, в психиатрии обычно характеризуемая как «религиозный бред», остается далеко не редким явлением. И диагностические ошибки здесь также далеко не редкость, как со стороны стоящих на атеистических позициях психиатров, которые не берут на себя труд сколько-нибудь внимательного изучения внутреннего мира верующего (нанося ему необоснованный фармакологический ущерб), так и со стороны священнослужителей, в некоторых случаях пытающихся отменять врачебные назначения и изгонять бесов даже у пациентов с посттравматической эпилепсией, в том числе — делая это публично и тем самым нанося дополнительную (порой непоправимую) психическую травму

и без того страдающей личности. В целом следует признать, что какого-либо стремления к сотрудничеству в сфере духовного не проявляют обе стороны, исключение составляет, пожалуй, только Германия, где многие священники сочетают служение в церкви с психотерапевтической деятельностью. Отечественная психиатрия, несмотря на явное снижение накала атеистического мировоззрения в современном обществе, все еще остается неким разделом соматической медицины, то есть — бездуховной областью знаний и практики, и не принимает в расчет религиозный ответ на превратности судьбы. В качестве способствующих причин можно было бы упомянуть духовный вакуум в сочетании с расцветом оккультизма, которым пропитано все современное искусство. Большинство психоаналитиков также принадлежат к атеистам, но у этой группы есть одно «маленькое» преимущество — им известно понятие психической реальности и они способны ее принимать, какова бы она ни была.

Поскольку одержимость встречается и в наше время, специалистам целесообразно напомнить, что в рамках религиозных канонов Бог является Господом всех духовных сил, включая злые. Но не он насылает их на человека. Одержимость является либо следствием отступления от Бога и, таким образом, отказом от его защиты, либо испытанием, налагаемым Богом на нетвердых в вере. При этом грехи являются «дверью» для злых духов. В религиозном мировоззрении человек может принадлежать либо Богу, либо дьяволу, и если человек не принял Бога сердцем, то он всегда рискует предать себя Сатане. Примечательно, что в христианской традиции изгнание бесов осуществляется не силой слова Божьего, как это иногда трактуется, а именно силой Святого Духа, которого должен быть исполнен тот, кто решился изгонять бесов. Еще одна существенная для нашей сверхмонетизированной

эпохи «деталь»: изгнание бесов не может претендовать на вознаграждение, так как эта власть была передана Иисусом со словами: «Даром получили, даром отдавайте». Об этом нелишне знать как тем, кто делает бизнес на «снятии порчи», так и тем, кто к ним обращается. Особые требования предъявляются к поведению после изгнания: если человек не приходит к Богу и не дает места в душе Святому Духу, то бесы вернутся с еще большей силой, захватив с собой «семь других духов». Поклонникам различных изданий по демонологии будет целесообразно напомнить, что в соответствии с христианским учением демоны никогда не говорят правды, поэтому никакие их высказывания, транслируемые через одержимых, нельзя воспринимать как откровения или предсказания.

Ошибочность суждений

В наиболее общем виде случаи одержимости и бреда объединяются таким понятием, как «расстройство способности к суждению», особенно если при этом все остальные психические функции (эмоциональная и волевая сферы) не нарушены. Здесь нужно сделать одно существенное примечание: ошибочность суждений всегда определяется относительно какой-то объективной реальности или общепринятой истины, знание которых априори придается диагносту. При таком подходе уникальные суждения выдающихся личностей, открывающих новые пути познания мира, психических или социальных процессов, могут быть случайно (или даже намеренно, как это было в нашей недавней истории) квалифицированы как патологические, особенно — в сфере гуманитарного знания, которое всегда неочевидно. Психоаналитики, как известно, исходят из принципа психической реальности (которая у каждого своя) и множественности

этих психических реальностей, динамично сменяющих друг друга на протяжении жизни даже у одного и того же человека. Например, период пубертата сопровождается появлением новых чувств и властно побуждающих импульсов, ранее не известных личности ребенка и нередко воспринимаемых как чуждые и даже пугающие. Социальная и сексуальная инволюция нередко сочетаются с чувством подавленности и отрицанием новой реальности. Аналогичные ощущения «чуждости» испытывают и наши пациенты на ранних стадиях психического расстройства, а некоторые могут даже четко датировать тот период, когда они начали думать или чувствовать иначе, чем это было прежде, и оказались в иной психической реальности. К сожалению, за пределами психоанализа существует не так много специалистов, склонных проявлять интерес к этой новой реальности; чаще всего предпринимаются попытки ее уничтожения, как правило, химическим или даже электрошоковым воздействием. Если принять эту возможность как реальную, то — независимо от того, мыслим ли мы метапсихологически или материалистически, можно «пойти дальше» и всерьез заняться проблемой улучшения общественного сознания химическим или электрошоковым путем.

В целом, следовало бы признать, что с ошибочностью суждений мы сталкиваемся сплошь и рядом и, таким образом, должны отнести их к явлениям нормальной психической жизни. Но это не относится к бреду, который составляет одну из основных категорий серьезной психопатологии. Как можно было бы дифференцировать эти, такие похожие, феномены?

Паранойя

Паранойя относится к моносимптоматическим психическим расстройствам, так как единственным ее проявлением

является устойчивый и не изменяющийся бред. При этом ложные мысли и идеи пациента имеют обыденное содержание, то есть — чаще всего отражают ситуации, встречающиеся в реальной жизни: пациент считает, что его преследуют, обманывают, изменяют ему, пытаются унизить, подчеркнуть его неполноценность, отравить или заразить чем-либо или даже уничтожить. Встречается бред и «позитивной» окраски: пациент убежден в своей особой значимости или особой миссии, или любви к нему другого человека, как правило, занимающего высокое общественное положение (вплоть до Бога).

Характерная особенность: вне этого «узкосфокусированного» интеллектуального расстройства у пациента обычно нет никаких нарушений поведения, странностей или причудливостей (поэтому в качестве синонима иногда используется такое определение, как «интеллектуальная мономания»). В некоторых случаях бредовые состояния могут сопровождаться расстройствами настроения, однако их продолжительность и выраженность, как правило, не слишком велики, и порой их трудно отличить от обычных колебаний настроения, которые бывают у всех людей.

Никаких органических заболеваний или повреждений мозговой ткани, которые могли бы быть причиной расстройства, у таких пациентов не выявляется, впрочем, как и связи патологических нарушений с приемом алкоголя, наркотиков или других психоактивных веществ. Генетический фактор расстройства также не установлен. В силу этого в настоящее время практически общепризнано, что основные причины бредовых расстройств относятся к психосоциальным, а главными провоцирующими моментами являются: психические травмы, особенно — случаи унижения, физического или психического насилия в прошлом (преимущественно — в детстве), жестокость и отсутствие заботы со стороны родителей, их чрезмерная требовательность к ребенку или формирование установки на непосильные для него достижения. В результате нормальное чувство базисного доверия не формируется, и такая личность оказывается исходно ориентированной на ощущение враждебности ближайшего окружения или всего мира, но в большинстве случаев выраженной патологии выявляются «особо опасные» лица или «специфические» для данного пациента группы лиц или зоны отношений, в том числе — к родителям, врачам, тем или иным представителям государственных структур или власти в целом, включая Божественную власть.

Манифестация расстройства обычно приходится на зрелый возраст с пиком в 40 лет, и затем оно имеет склонность к хроническому течению. Фармакотерапия при этом страдании мало изменяет клиническую картину, а психотерапия всегда чрезвычайно затруднена из-за стойкого недоверия пациента ко всем и ко всему. В таких случаях практически не наблюдается добровольного прихода пациента к психиатру или психотерапевту. Чаще всего это происходит (и то — далеко не всегда) по настоянию родных, а отношение к терапевту исходно носит изучающе-враждебный и конфронтационный характер. Госпитализация обычно бывает только принудительной, при проявлении склонности к насилию, в том числе — убийству других (и реже — себя), отказе от пищи (в связи со страхом отравления) и по другим подобным основаниям.

Психологические эквиваленты

Паранойя относится к тяжелой психиатрической патологии, но ее «стертые» или «смазанные» формы встречаются повсеместно и сопровождаются теми же феноменами и

эффектами, что и клинические варианты. Однако в случае психологического подхода мы говорим не о паранойе, а о «застревающей личности», для которой характерны трудности в смене психологических установок, чрезмерная фиксация на негативных переживаниях и склонность к «накоплению» неотреагированных эмоций в сочетании с трудолюбием, настойчивостью в достижении целей, упрямством, педантичностью, а также злопамятностью и наивностью. В индивидуальной жизни таких людей всегда присутствует некий обидчик или даже серия обидчиков, а также неизбывная потребность торжества над ними. Этот тип поведения не имеет ничего общего с ранимостью «неклинического» невротика. Психическая травма у «застревающей личности» провоцирует не внутреннее переживание и очередной кризис самооценки с оттенком вины, а состояние глубокой уязвленности, порождающее чувство вражды и ненависти, а также потребность в возмездии и восстановлении справедливости, в некоторых случаях с весьма специфическими представлениями о путях ее достижения. Чрезвычайно точный портрет такой личности дает Генрих фон Клейст в повести «Михаэль Кольхаас»: «Среди соседей не было ни одного, кто бы ни испытал на себе его благодетельной справедливости. Короче, люди бы благословляли его память, если бы он не перегнул палку в одной из своих добродетелей, ибо чувство справедливости сделало из него разбойника и убийцу».

Немного истории

Современная клиника паранойи существенно схематизировалась и многие исходные полутона этого расстройства почти утрачены. А они представляются достаточно существенными. Как самостоятельная форма психического расстройства паранойя впервые упоминается в середине XIX века, при этом

уже тогда считалось незыблемо установленным, что она всегда возникает вторично, после предшествующих аффективных (то есть — очень сильных) переживаний и реакций, нередко повторных или хронического характера.

Уже в 1865 году немецкий врач Л. Снелль определяет это расстройство как «мономанию», а через три года его коллега В. Зандер на основе своих клинических наблюдений делает еще один важный вывод, в частности, что паранойя обычно развивается постепенно, «совершенно так же, как у других людей складывается их нормальный характер», и возникает и проявляется как итог завершения психического развития конкретной личности.

В 1876 году К. Вестфаль в дополнение к уже известным представлениям о хронической паранойе выделяет острые случаи аналогичного расстройства, ничем (кроме длительности течения) не отличающиеся от основной формы. В 1890 году венская психиатрическая школа под руководством Т. Мейнерта уточняет основной симптом и определяет его как (развившуюся в результате мощной психической травмы) «неспособность к правильному истолкованию впечатлений внешнего мира и к оценке собственной личности».

Особый вклад в исследование этого расстройства, впрочем, как и в психиатрию в целом, внес Э. Крепелин, ограничив паранойю только теми формами первичных интеллектуальных расстройств, которые характеризуются стабильной бредовой системой, достаточной эмоциональной живостью и отсутствием интеллектуального снижения у пациентов на протяжении всей жизни. Одновременно Крепелин расширил перечень предрасполагающих факторов, дополнив их одиночеством, житейскими неудачами и разочарованиями. Он пытался найти и генетический фактор, но ни ему, ни его последователям это не удалось.

Характеризуя паранойю, Крепелин пишет, что «путем болезненной переработки жизненных событий незаметно развивается непоколебимая бредовая система, при полном сохранении сознательности»[1]. Среди способствующих факторов этим автором отмечаются также завышенная самооценка, конфликт с требованиями и трудностями жизненной борьбы плюс повышенная эмоциональность. В результате формируется «склонность оценивать и толковать жизненные опыты более или менее произвольным образом, с чисто личной точки зрения, приводить их в связь с собственными желаниями и опасениями»[2]. При этом «религиозные направления мыслей ведут... к убеждению в избранности Богом, соединяющемуся со склонностью публично проповедовать и искать последователей, что довольно часто и удается»[3]. Здесь Крепелин одним из первых сообщает о передаче психического расстройства от одной личности к другой, именуя это «индуцированным помешательством», что вообще чаще всего случается при паранойе[4]. При этом сомнения и предположения постепенно превращаются в уверенность и затем в непоколебимое убеждение[5].

Уже в начале XX века большинство специалистов пришли к заключению, что паранойя представляет собой не болезнь, а, как уже отмечалось, своеобразное развитие личности[6], с чем отчасти согласился и сам Крепелин[7]. И хотя этот тезис

[1] Крепелин, Э. Введение в психиатрическую клинику. Пер. с нем. проф. П. Ганнушкина. Москва; Петроград: Народный Комиссариат Здравоохранения, 1923. — С. 320.

[2] Там же.

[3] Там же. — С. 322.

[4] Там же. — С. 171.

[5] Там же. — С. 189.

[6] Каннабих, Ю. История психиатрии. М.: ЦТР МГП ВОС, 1994. –С. 480.

[7] Русским эквивалентом греческого термина «паранойя» является «сумасшествие» или «схождение с ума» (см.: Каннабих, Ю. История психиатрии,

все еще считается дискуссионным, тем не менее все больше специалистов, вслед за Карлом Ясперсом, признают, что «грань между психопатологией аномальных личностей и характерологией стерлась»[1].

В 1918 году Э. Кречмер[2] выделил отдельный тип «параноиков борьбы», когда бред выступает в форме «активного утверждения собственной правды перед лицом окружающего мира»[3], а типичные проявления расстройства в этом случае сочетают в себе идеи унижения, внутренней гордости и бреда величия. Одновременно еще раз было подчеркнуто, что расстройство нередко начинается вследствие какого-то постыдного или унизительного переживания[4].

В последующие годы акцент при изучении паранойи смещается на субъективные переживания пациентов как источник образования бреда, так как именно определенные настроения, желания и влечения конкретной личности порождают бредоподобные идеи и фантазии. Характерно, что эти идеи обычно тесно связаны с событиями, а точнее — «легализуются» через события, происходящие во внешнем мире, которые почему-то «вдруг» овладевают сознанием пациентов и затем порождают неприемлемые — с нашей точки зрения, и даже не вполне понятные (с точки зрения культуры) чувства.

1994. — С. 310). То, что эти идея достаточно трудно акцептировались в России, безусловно, имеет многочисленные причины, начиная с языковых: если паранойя, по-русски — это сумасшествие, то тогда предшествующий абзац должен звучать так: «сумасшествие — это просто своеобразное развитие личности».

[1] Ясперс, К. Общая психопатология. Пер. с нем. Л. Акопяна. М.: Практика, 1997. — С. 853.

[2] Kretschmer, E. Über den sensitiven Beziehungswahn (О сенситивном бреде отношения). Berlin: Springer, 1918.

[3] Ясперс, К. Указ. соч. — С. 502.

[4] Там же. — С. 497.

Описание случаев

Описание случаев паранойи составляет один из самых трагических и самых впечатляющих разделов психиатрии, который в настоящее время многократно тиражирован в кинематографе, и это симптоматично: кинематограф удовлетворяет наш спрос, а следовательно — мы хотим это видеть.

В научной литературе наиболее известными являются классические случаи Рольфинка, Вагнера и Шребера, которые описали Крепелин, Блейлер и Фрейд. Чтобы дополнить клиническую картину некоторыми штрихами, при этом не столько триллероподобными аспектами этой формы страдания, сколько вполне человеческими самоотчетами пациентов, приведем некоторые данные из работ Крепелина и Блейлера и лишь упомянем случай Шребера, оставив все самое интересное для самостоятельного изучения.

Некто Рольфинк был осужден за мошенничество, но посчитал этот приговор абсолютно незаконным и затем начал свою «непримиримую борьбу». Приведем только записи самонаблюдения этого пациента: «То, что я стал жертвой столь великой несправедливости и при этом не утратил веры в справедливость, поначалу заставило меня поверить в свое особое предназначение... Однажды мне пчришла в голову мысль, будто я — народный герой-мученик; я почувствовал, что мне предстоит подвергнуться пяти пыткам, прежде чем смерть избавит меня от мучений... Но для этого нужно было, чтобы я, его ученик, умер той же смертью, что и Учитель»[1]. Здесь вроде бы и придраться особенно не к чему — такие строки могли принадлежать и писателю, и романтику, и борцу за свободу. Но хотелось бы особенно обратить внимание читателя на идеи

[1] Ясперс, К. Общая психопатология. Пер. с нем. Л. Акопяна. М.: Практика, 1997. — С. 724.

жертвенности, мученичества и смерти во имя искупления как способ приближения к Богу.

Еще более демонстративен случай Вагнера[1], которым овладела идея порочности его семьи и привела к убийству четверых детей и жены, а затем поджогу нескольких домов в селении, где Вагнер учительствовал. При этом свой план он считал «делом всего человечества», был уверен, что он обязан поступить именно так. Чрезвычайно наглядна характеристика, которую серийный убийца дает сам себе: «Вы поймете... что я увлекаюсь человеком, сильным духом и телом, что мне импонируют сильные, беззаботные, идущие напролом преступники и звери... Сильными людьми я считаю тех, которые без шума исполняют свой долг. У них нет ни времени, ни надобности становиться в позу и стараться быть чем-то большим»[2]. Здесь следовало бы подчеркнуть еще одну характерную особенность — полное отсутствие чувства вины и раскаяния, а нередко — и страха наказания за свои злодеяния. Вторым существенным феноменом является искаженная психическая реальность[3] — Вагнер любил своих детей и убил их именно исходя из его представлений о любви к ним.

В психоанализе наиболее известным является случай Шребера[4], который был убежден, что «его миссия — искупить мир и вернуть человечеству утраченное блаженство», особенно в связи с предполагаемым им скорым «концом све-

[1] Блейлер, Э. Руководство по психиатрии. Берлин: Издательство товарищества «Врач», 1920. — С. 442–443.

[2] Там же. — С. 455.

[3] Фрейд придавал особое значение феномену «психической реальности», которая отражает, а нередко — и замещает объективную реальность, но никогда полностью не соответствует последней.

[4] Фрейд, З. Психоаналитические заметки об одном случае паранойи, описанном в автобиографии (1911) // Фрейд, З. Собрание сочинений в 26 томах. Том 3. Одержимость дьяволом. Паранойя. Перевод с немецкого С. Панкова. СПб.: ВЕИП, 2006. – С. 71–145.

та»[1]. Мемуары Шребера (после их публикации в 1903 году) обсуждались многими психиатрами. Однако еще задолго до этого (в 1895) Фрейд на основании исследования пациентов и историй болезни писал, что «паранойя является защитным неврозом» и что «ее главный механизм — проекция»[2], при этом в качестве главного «провоцирующего» фактора в более поздних работах Фрейда также отмечались социальные «унижения и обиды»[3]. Напомним, что Шребер, несмотря на его страдание, был кандидатом в Рейхстаг, некоторое время исполнял должность главного судьи апелляционного суда, обсуждалось его назначение на пост президента сената, но помешало помещение в клинику.

Во всех этих случаях есть идеи преследования, несправедливости, социального унижения с последующей трансформацией в поиски правды, мести и возмездия, нередко реализуемые в форме серийных убийств.

Существуют ли дополнительные диагностические критерии паранойи? Их не так много: во-первых, идеи, излагаемые пациентом, всегда не соответствуют действительности или искажают ее; во-вторых, эти идеи полностью овладевают сознанием и не подда-

[1] То, что такие случаи представляют не только исторический интерес, подтверждается недавней трагедией с группой верующих под руководством страдающего психическим расстройством Петра Кузнецова, произошедшей в Пензенской области в 2008 году.

[2] Проекция — механизм психологической защиты, впервые описанный Фрейдом как раз в связи с паранойей. Если говорить весьма упрощенно, его суть состоит в искреннем (но объективно — ложном) приписывании другим тех социально неприемлемых намерений, недостатков или чувств, которые испытывает сам субъект: «Это не я ненавижу X, а он ненавидит и пытается уничтожить меня». Если быть более точными, то в подходе Фрейда к интерпретации паранойи первоначальным фактором является отрицание любовных чувств (греховных или запретных), затем их обращение в противоположность, и уже затем вступает «главный механизм» — проекция.

[3] Фрейд, З. Психоаналитические замечания об одном биографически засвидетельствованном случае паранойи (1911) // Фрейд, З. Собрание сочинений в 26 томах. Том 3. Одержимость дьяволом. Паранойя. Перевод с немецкого С. Панкова. СПб.: ВЕИП, 2006. — С. 124.

ются коррекции с помощью логики, даже если они противоречат доводам рассудка, результатам проверки и доказательствам; и в-третьих, единственным признаком расстройства являются только те или иные нелепые идеи, а пациент воспринимается как вполне адекватная личность до тех пор, пока не затрагиваются его особые убеждения — и в этом случае обычно говорят о первичном бреде (или паранойяльном синдроме). В случаях, когда к идеям присоединяются галлюцинации, фантазии и те или иные чувственные ощущения, это квалифицируется как вторичный или чувственный бред (параноидный синдром), для которого характерен устрашающий для пациента характер переживаний. Бредовые идеи величия, приобретающие систематизированный характер и предъявляемые обычно в сочетании с бредом преследования, относятся уже к парафренному синдрому, принадлежащему к шизофреническому спектру психических расстройств.

В формировании бредовой структуры выделяют три основных этапа[1]: 1) фаза ожидания или бредового настроения, которая характеризуется общим беспокойством и тревогой, что должно произойти что-то необычное; 2) фаза озарения, когда у пациента возникает ощущение, что он понял что-то такое, чего раньше понять было невозможно; одновременно прежний человек как бы перестает существовать и появляется новая личность, которая видит и воспринимает мир уже по-другому, нередко — с ощущением восторга от открытия «новой сути вещей», хотя она еще «логически» и не осмыслена; 3) фаза систематизации, когда бредовая система оказывается для пациента логически целостной и непротиворечивой, причем он способен часами доказывать ее истинность, легко отметая любые доводы и демонстрируя поразительную память в отношении всего, связанного с его построениями,

[1] Кемпинский, А. Психология шизофрении. Пер. с польского А. А. Боричева. СПб.: Ювента, 1998.

переживаниями и открытиями, а все, что находится за пределами этой конструкции — становится уже не столь важным. В отличие от классической одержимости, которая может осознаваться и самим пациентом, для диагностики паранойи всегда требуется, как минимум, еще один человек, так как сам подверженный бреду никакой психопатологии в нем не видит. Пытаться запретить эти идеи властным или фармакологическим воздействием, что в общем-то одно и то же — бесполезно. Это то, что хорошо известно любому психопатологу, но — это далеко не все, а лишь то, что лежит на поверхности.

Между нормой и патологией

Поскольку все остальные психические функции сохранены и лица, имеющие бредоподобные идеи, нередко демонстрируют высокие социальные достижения, получается, что, строго говоря, мы не можем квалифицировать это как расстройство мышления (или должны уточнить, что оно является *расстройством мышления только по содержанию*). Следовательно, бред имеет какую-то иную природу, а его причисление к расстройствам мышления носит чисто феноменологический характер: с одной стороны, мы видим в нем нечто, что позволяет относить его к аномальным явлениям, а с другой — мы констатируем, что пациент (в отличие от нас — специалистов и большинства других) не способен критически оценивать эти суждения, не замечает их ошибочности и более того — вообще не склонен полемизировать по этому поводу, презрительно отвергая любые противоречащие представления. Поэтому, исходя из введенного Фрейдом принципа вытеснения, мы можем предполагать, что приверженность бреду носит защитный характер и приносит пациенту определенное удовлетворение, способствуя освобождению его от неких непереносимых чувств и переживаний.

Мы все периодически фантазируем или даже бредим (во сне или наяву), когда хотим избежать каких-то мучительных воспоминаний или чувств, стократно или тысячекратно (в различных вариантах) проигрывая те или иные события или ситуации, которые могли бы произойти или, наоборот, не случиться. Однако в большинстве случаев мы сохраняем критическое отношение к этим мыслям и переживаниям, оставаясь в рамках реального мира (согласованного с миром окружающих). Клинический бред отличается тем, что он манифестируется появлением (более или менее резко отличающегося от мировосприятия окружающих) нового мира для одного-единственного человека. Здесь уместно задать вопрос: а всегда ли мироощущение большинства окружающих является истиной? Если мы ответим на этот вопрос положительно, то тогда всех, кого в недавний период нашей истории относили к диссидентам, совершенно закономерно было помещать в психиатрические лечебницы. А если довести эту идею до абсурда, то точно так же нужно поступать со всеми, кто не разделяет идеи современной западной демократии. Примеры такого решения проблем также имеются.

Бредовые идеи могут быть как сугубо личностно окрашенными (например, бред преследования или бред величия), так и иметь общественное звучание (бред изобретательства, социальных преобразований, борьбы). При этом и те и другие могут полностью захватывать личность, когда весь смысл жизни оказывается подчиненным одной идее. Впрочем, такое поведение характерно для многих выдающихся личностей; и хотя критерии отличий бреда от одержимости социально значимыми идеями весьма размыты, все-таки нельзя не признать, что бред всегда имеет некий оттенок пародии на

высокие творения разума. Но это вовсе не предполагает, что такая внешняя оценка снижает значимость этих суждений для их носителя. И эта внутренняя значимость должна быть предметом самого пристального и самого искреннего исследования, даже если при этом нам приходится погружаться в искаженный мир одного-единственного человека, где нередко подвергается сомнению все, что до этого считалось нами истиной. И пока мы вместе не сможем понять и не обнаружим то, что явилось причиной такого искаженного восприятия и суждений, никакие химические способы лечения не будут эффективными.

Если при истерии связь между вытесненным переживанием и содержанием психопатологии нередко достаточно «прямолинейна» и в той или иной мере соответствует полученным психическим травмам, нереализованным желаниям, психопатологическим комплексам и влечениям пациентов, то в случаях бреда и паранойи — это всегда загадка. Единственное, что, благодаря Фрейду, мы всегда точно знаем: «исходный элемент» психического расстройства имеется в бессознательном и продолжает действовать, хотя пациент обычно не подозревает об этом. Второе, чем мы обязаны уже современному психоанализу: и проблема, и способ ее решения принадлежат пациенту. И этот способ вовсе не обязательно должен быть только патологическим.

К сожалению, даже среди тех, кто идентифицирует себя в качестве психоаналитиков, не так много специалистов, которые понимают, что мы не лечим, а исследуем совместно с пациентом его проблемы и именно этим путем вначале выходим на «аффективный след» и затем приходим к возможности разрядки аффекта. Первыми психоаналитические подходы к бреду использовали, как уже упоминалось в первой части книги, представители цюрихской школы

О. Блейлер и К. Юнг в 1907–1911 годах. В соответствии с методом Фрейда они пытались понять бред исходя из теории влечений, а содержательные элементы бреда интерпретировать как символы. По поводу этих первых успехов К. Ясперс, не принадлежащий к психоаналитическому направлению, сделал два весьма необычных заключения: 1) «Выражаясь буквально, они вновь открыли “смысл безумия...”» и 2) «...Использованная ими для этой цели процедура, как нетрудно убедиться на основании полученных результатов, ведет в бесконечность»[1]. Бесконечность здесь можно понимать двояко: и как погружение в бесконечность психического, и как протяженность самой процедуры анализа. Но, как позднее было сказано Э. Фроммом: «...Ничто так ярко не свидетельствует о гениальности Фрейда, как его совет тратить время — даже, если потребуется, многие годы — для того, чтобы помочь одному-единственному человеку достичь свободы и счастья».

В отличие от большинства других форм психопатологии паранойя сама дает нам некоторый ключ к проблеме, и Фрейд особо указывает на него еще во введении к случаю Шребера: «Провести психоаналитическое исследование паранойи было бы вообще невозможно, если бы подобные пациенты не отличались склонностью разглашать, пусть и в искаженном виде, как раз то, что другие невротики хранят в тайне»[2]. И далее Фрейд добавляет, что «параноикам, по-видимому, не приходится преодолевать внутреннее сопротивление»[3] — чрезвычайно важная констатация.

---

[1] Ясперс, К. Общая психопатология. Пер. с нем. Л. Акопяна. М.: Практика, 1997. — С. 498.

[2] Фрейд, З. Психоаналитические заметки об одном случае паранойи, описанном в автобиографии (1911) // Фрейд, З. Собрание сочинений в 26 томах. Том 3. Одержимость дьяволом. Паранойя. Перевод с немецкого С. Панкова. СПб.: ВЕИП, 2006. – С. 73.

[3] Там же.

История страдания Шребера излагается автором настолько высокохудожественно и захватывающе, что лучше ознакомиться с ней в оригинале, чем читать сухие и маловразумительные выкладки пересказа. В своем исследовании Фрейд последовательно описывает манифестацию психического расстройства Шребера в форме тяжелой ипохондрии, к которой затем присоединились мания преследования и идея великой миссии, со временем обретающая «большое религиозное» и даже всемирное значение — «...он призван спасти мир и вернуть миру утраченное блаженство. Но для этого ему нужно первым делом превратиться в женщину»[1]. Постепенно его бред, с учетом его религиозных установок и наличного состояния культуры, приобретает вид «завершенной системы», которую «невозможно подправить, непредвзято оценивая положение вещей»[2]. И хотя понятие «непредвзятости» содержится в заключении одного из лечащих врачей Шребера, мы можем подвергнуть его сомнению: мы не должны судить о пациенте непредвзято, а как раз наоборот — попытаться встать на его место и посмотреть на мир с его предвзятой позиции.

Кого-то поразит то, что этот неординарный человек впал в такое тяжелое заблуждение. Удивиться легко, а понять или хотя бы предложить путь к пониманию — задача неимоверной трудности. Внимательный читатель, следуя за Фрейдом, может приблизиться к такому пониманию, в том числе — как и почему происходила модификация бреда, когда унизительная идея оскопления начала трансформироваться в величие превращения в женщину, что совсем не отрицает кастрацию, но придает ей характер самопожертвования и качественно

[1] Фрейд, З. Психоаналитические заметки об одном случае паранойи, описанном в автобиографии (1911). — С. 80.

[2] Там же. — С. 79.

иного действа, направленного на «высшее благо» всего Человечества. В конечном итоге, главным итогом систематизации бреда становится то, что, несмотря на жестокие страдания и лишения, Шребер все-таки выходит из этой многолетней схватки победителем. Забудем на время, как и наш пациент, о бредовой природе его умопостроений, ибо для него они реальны и в этом безумии «есть свой метод»[1].

Читатель, знакомый с аналитической литературой, легко опознает в тексте и самого Шребера, и в интерпретациях Фрейда анальный комплекс пациента, его зависть к женщине, его гомосексуальные проявления и амбивалентные чувства к отцу, которые в менее ярких вариантах встречаются повсеместно. Понимание проблемы нарциссического расстройства во всем ее многообразии, конечно, потребует от читателя более серьезной методической подготовки, впрочем, как и понятия фиксации, вытеснения, проекции и многое другое. Несмотря на традиционно противоречивые оценки подходов Фрейда, уверен, что каждый вдумчивый читатель найдет здесь что-то свое и это что-то позволит хотя бы чуть-чуть расширить или даже заглянуть за горизонт того, что раньше было просто безликим психическим.

20 ноября 2006 г.

[1] Фрейд, З. Психоаналитические заметки об одном случае паранойи, описанном в автобиографии (1911). — С. 85.

Ускользающие смыслы: «Сталкер»[1]

«...Ты только не ходи туда!...»
«...Оттого, что я перестал туда ходить, что изменилось?»[2]

Зона

Сколько раз смотрел, и всегда ощущение какой-то незавершенности, недосказанности, впрочем, как и во всех других фильмах Тарковского. Всего несколько персонажей, и ни один из них — не главный. Главная — Зона. Нечто всеобъемлющее, загадочное и пугающее, поражающее и притягивающее своей обезличенностью и одновременно имеющее свой особый язык, постоянно напоминающий: прямых путей нет. И Она не просто напоминает — Она мстит за любое нарушение Ее порядка и правил хаоса. Казалось бы, никакой логики, но она есть — в ее отсутствии. Это завораживает и подчиняет, вовлекая в круговорот неких непредсказуемых и неслучайных случайностей. И только затем понимаешь: Ее неодушевленность кажущаяся. Она живет: в трепещущем листе, монотонном журчании ручья, вдруг появляющегося

[1] Доклад на Первом Международном Кинофестивале «Зеркало» им. Андрея Тарковского (Иваново, 6–13 июля 2007).

[2] Здесь и далее в кавычках приведены цитаты из текста сценария А. Тарковского.

и бегущего невесть откуда и куда; оглушающем всплеске падающей капли, в принятии тех, кто следует Ее законам, и неотвратимости наказания для тех, кто их не признает.

Все как в жизни. Мы все время куда-то забрасываем наши идеи и помыслы с веревочками наших желаний — и ждем: как отзовется? А затем идем, пытаемся прорваться или проползти вслед за ними, даже не подозревая — что ждет нас там? Есть только ориентир — куда идти именно сейчас. А что будет через минуту — всегда тайна, ибо у Нее есть свои права, включая право не любить человека с его неукротимым и неисполнимым желанием — подчинить и упорядочить этот хаос. Стать высшим судьей. А Она напоминает — этого никогда не будет.

> «В Зоне стрелять нельзя. В Зоне не то что стрелять — камень иной раз бросить опасно».

Профессор и писатель

> «Вы в самом деле ученый? Тогда конечно! Эксперимент, факты... Истина в последней инстанции. Только, по-моему, фактов не бывает. Их вообще не бывает, а уж здесь, в Зоне, и подавно. Здесь все кем-то выдумано, неужели вы не чувствуете? Все это чья-то идиотская выдумка! Нам всем морочат голову. Кто — непонятно. Зачем? Тоже непонятно».

Они не случайны. Могли быть мошенники, мечтающие о несметных богатствах, слепцы, жаждущие прозрения, неизлечимо больные. Но не в этом ценность бытия. Поэтому идут только двое — технократ и гуманитарий, и каждого ведут свои сомнения и свой смысл. Смысл — всегда где-то там. Там, где стирается грань между изменчивой реально-

стью и безмерными иллюзиями, и появляется страх. Наши страхи — это оборотная сторона наших желаний и помыслов. И не всегда благих и высоких — но мы искусно облекаем их в блестящие упаковки общественно значимых. А то, что мы говорим, и то, что мы думаем — не совпадает гораздо чаще, чем нам кажется. Поэтому слова не так уж важны. Они не так уж много значат. Нет смысла убеждать, оправдываться, просить или умолять. Получишь только то, что заслужил, прощения не будет. Чего боишься, то и случится. Даже только помысленное зло порождает его же, а закон Талиона — не только для людей и не только за поступки. — Природа действует также, отрезвляя наши мечты о всемогуществе и бессмертии демонстрацией реальной мощи и реальной Вечности. Но мы плохие ученики и продолжаем жить в мире иллюзий. Даже умудренный жизнью и опытом Профессор верит в чудо. В то, что время можно остановить или повернуть вспять. И что-то исправить в уже случившемся и непоправимом, скорее всего, даже не подозревая, что идет давно проторенным путем: спасение в вере.

Слегка преуспев в познании физических законов Природы, мы пытаемся замахнуться на ее социальные и исторические закономерности, переписывая и корректируя их «с учетом текущего момента», и выдавая желаемое за действительное. А что такое «текущий момент» для Вечности? И какое ей дело до желаний каких-то смертных. Тем более что исполнение желаний далеко не всегда — благо, а мы — не повелители, а рабы наших страстей, которые умирают вместе с нами.

«Профессор отхлебывает из кружки и брюзжит:
— И вы что, беретесь ответить, зачем существует человечество?
— Не перебивайте, — бросает Писатель. — Это невежливо. Лишь затем, — продолжает он, — чтобы производить произведения искусства! Образы абсолютной истины. Это, по крайней мере, бескорыстно...
(Пауза.)»

Не только человек, но и Человечество — смертно. И тогда остается только Вечность. Прикосновение к которой волнует и пугает, как и все, не поддающееся объяснению. Как и встреча с самим собой и осознанием тщетности что-то изменить — в прошлом и будущем... У Природы — есть свой замысел, который мы пытаемся постичь, но вряд ли это посильная задача. Природа наделила нас органами чувств лишь для того, чтобы мы могли приспособиться к ней, но — не познать. Мы сталкиваемся только с частными проявлениями законов природы, но не с самими законами и, безусловно, не в силах их менять. Поэты уже вопрошали: «Как слово наше отзовется?». — А наши помыслы? Разве они не такая же реальность? А может быть, даже мощнее, чем «взмах крыла бабочки».

«Мир по преимуществу скучен. — Непроходимо скучен, и поэтому ни телепатии, ни привидений, ни летающих тарелок... Ничего этого быть не может... Это в средние века было интересно. Были ведьмы, привидения, гномы. В каждом доме был домовой, а в каждой церкви был Бог...»

Проводник

«Он что, говорил кому-нибудь, зачем он ходил в Зону? Просто на самом деле человек никогда не знает, чего он хочет. Существо сложное. Голова его хочет одного, спинной мозг — другого, а душа — третьего... И никто не способен в этой каше разобраться. Во всяком случае, здесь

> речь идет о сокровенном. Вы понимаете? О сокровенном желании!»

У человека всегда есть потребность в неком месте, куда надо приходить. И затем — приводить других. Что это за место — совершенно неважно — пещера, храм или комната, где сбываются желания или есть только надежда, что они сбудутся. У каждого такого места есть свой служитель — проводник на пути к ускользающим смыслам. Его смысл — в служении Месту и еще чему-то — Высшему. Поэтому, в отличие от паломников, он ничего не просит и ни на что не надеется. Он просто верит, что спасение в вере. Безверие пугает его, но он ничего не может объяснить ищущим что-то прагматичное и пытающимся идти напролом и чувствует себя виноватым, даже когда говорит: «Так нельзя! Она этого не любит». Его, конечно же, не понимают, а он — все равно ведет их, напоминая порой то юродивого, то покорного слугу, но служит не им, а Ей, Зоне. Раз Она существует, значит, кто-то должен сюда приходить. Иначе что-то будет не так, как должно. А как должно? У каждого свой ответ, своя оправдательная цель и привнесенный смысл, онаученный или эмоционально предчувствуемый. И неизвестно — который лучше?

Наука уничтожает целостность мира, разбивая его на якобы понятные дискретности — химические, физические или биологические. Так ли на самом деле? Не исчезает ли при этом исходное единство всего сущего, времени, пространства, мыслей и чувств? Текучесть и взаимопроникновение наделенного духом и предположительно не обладающего им — безусловны, и именно на этом перекрестке стираются грани между явью и снами, несбыточностью надежд и необъятностью желаний, физическим и психическим, гипотезами и открытиями, фантазией и реальностью. И тогда понимаешь, что никакой фантастики нет — есть только предчувствие.

И это предчувствие — материально. Иначе невозможно объяснить, как фантастический сюжет через десятилетия воплотился в реальные апокалиптические пейзажи, кое-где уже заселенные сталкерами. Пока только в одном гиблом месте. А может, это будущее?

> «Насыпь здесь изгибается широкой дугой, и с того места, где стоят наши герои, хорошо видна голова состава, которым доставлена была сюда когда-то танковая часть. Но что-то случилось там, впереди: тепловоз и первые две платформы валяются под откосом, несколько следующих стоят на рельсах наперекосяк — танки с них сползли и валяются на боку и вверх гусеницами на насыпи и под насыпью. Несколько машин удалось, видимо, благополучно спустить под насыпь: видимо, их даже пытались вывести на дорогу, но до дороги они так и не дошли — остались стоять между дорогой и насыпью небольшими группами, пушками в разные стороны, некоторые вросшие в землю по самую башню, некоторые наглухо закупоренные, а некоторые — с настежь распахнутыми люками. — А где же... люди?.. — тихо спрашивает Писатель. — Там же люди были. — Это я тоже каждый раз здесь думаю, — понизив голос, отзывается проводник».

Итог

Претензии на власть над Природой и на свое верховенство в ней — это иллюзия. Пока не осознанная в качестве таковой. И путь к этому осознанию не близок и не прост. Он проляжет еще через множество испытаний и приведет, как и наших героев, к единственно возможному выводу: мы не вправе!

Даже не самые последние и не безуспешные однажды задумываются и пытаются дойти до чего-то... Чего-то сокровенного, где научная логика или даже художественный вымысел уже не работают. За комнатой, где исполняются желания, всегда маячит дверь, за которой расплата. Все, что в прошлом — уже непоправимо, а в будущем — страх возмездия за реальные или мнимые прегрешения, за все совершенное по неразумению и вроде бы в силу непреодолимых обстоятельств. И даже если все разрушено и лежит под обломками, остается некая связь с тем, что по другую сторону, что врывается в опустошенный мир дребезжащим зуммером...

> «— Это два двадцать три сорок четыре двенадцать? Как работает телефон?
> — Представления не имею, — говорит Профессор.
> — Благодарю вас, проверка. (Слышатся короткие гудки...)».

Триумф и трагедия идут рядом. Совсем недавно один из разработчиков водородной бомбы признался: перед первым испытанием они опасались — не сдетонирует ли атмосфера Земли? Но ведь так хотелось испытать! Профессор хочет оградить мир от маньяков, которые, возможно, захотят его уничтожить. А как нам определить — кто они и где они? А если Природа захочет уничтожить свое творенье, возомнившее себя верхом совершенства? Нет ли заблуждения в том, что Она неодушевлена? А если присмотреться повнимательнее? — Она пристрастна и мстительна. Око за око, зуб за зуб. За каждое око некогда голубых озер, за каждый взорванный утес, за каждую перерезанную артерию рек и каждую закатанную в асфальт травинку.

Это не фильм и не философия. Это Послание. Горькое и напоминающее, что возмездие неотвратимо.

> «Люди были молоды, вы понимаете? А сейчас каждый четвертый — старец. Скучно, мой ангел. Ой как скучно!» [...]
> «Блестит битое стекло, валяется мятый электрический чайник, кукла с оторванными ногами, тряпье, россыпи ржавых консервных банок»...

13 июня 2007 г.

Неочевидный образ будущего[1]

Исторические процессы духа

Представляемый материал будет апеллировать преимущественно к психоанализу Зигмунда Фрейда и концепции «исторических процессов духа» Вильгельма Дильтея, объединяя их общей целью — вникнуть в переживания индивида конкретной эпохи. Это проникновение в переживания, как и все психологическое знание — неочевидно, и в большинстве случаев автор не сможет представить каких-либо веских доказательств тем или иным идеям. Более того, учитывая рамки предполагаемого сообщения, все теоретические обоснования (хорошо известные специалистам) останутся «за скобками» и будут обобщены только некоторые фрагменты «истории болезни» современности, обычно ускользающие как от обыденного внимания, так и от научного анализа. Поэтому в данном случае целесообразнее говорить лишь о попытке «объективизировать» некоторые из наиболее актуальных гуманитарных проблем.

[1] У этой статьи необычная судьба. Впервые этот материал был кратко представлен в качестве доклада на пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи стран Европы и Израиля в 2001 году в Москве, где аудитория законодателей посчитала, что автор просто решил их эпатировать. Затем он был издан в Сборнике научно-экспертного совета Совета Федерации РФ и за последующие годы десятки раз переиздавался в России и за рубежом.

Идеи демократии

В последние годы становится все более очевидным: что-то происходит с демократическими институтами и идеей гражданского общества. И это «что-то» происходит не только в России. Совсем недавно почти привычными стали новые термины — «управляемая демократия», «суверенная демократия», ранее говорилось о «пост-демократии» и т. д. О чем это свидетельствует?

Обращаясь к просвещенной аудитории, вряд ли уместно апеллировать к периоду формирования демократических идей (XVIII век) и хорошо всем известным понятиям экономической и политической свободы, поэтому обратимся только к этической составляющей лозунга демократии: «равенству и братству». Эта этическая составляющая, по сути, предлагала новую веру: в величие свободы духа и свободной личности. Последний тезис априори предполагал естественное (или природное) равенство всех людей, а все имеющиеся формы неравенства рассматривались как искусственные, обусловленные сложившейся в обществе несправедливостью, а также — воздействием морально устаревших социальных институтов. Считалось, что достаточно освободиться от этих институтов, как человек проявится во всем величии своих духовных и физических сил.

И здесь было первое и глубочайшее заблуждение, ибо, как убедительно доказано психологической наукой и всем историческим и социальным опытом Человечества, люди не равны по своим физическим, интеллектуальным и духовным качествам, и с этим, как отмечал даже Маркс, ничего нельзя поделать. Тем не менее на протяжении двух последних столетий формальным критерием развития Европейской цивилизации (и европейского гуманитарного знания) оставалась

апелляция к тем нравственным императивам, тем правам и свободам, которые были записаны сначала во французской революционной «Декларации прав человека и гражданина», а затем, уже в середине XX века — во «Всеобщей декларации прав человека».

И хотя провозглашенные принципы «Свободы, равенства и братства» фактически никогда не отвергались и не пересматривались, в XX веке (и особенно — в начале XXI) они претерпели существенные изменения. Но пока — не были переосмыслены и даже не обсуждаются.

Искаженная психическая реальность

Философия позитивизма и либеральная идеология, появившаяся как преемница идей Просвещения и провозглашающая приоритеты, прежде всего — свободы экономической (следствием чего стало еще более явное неравенство), закономерно привели к появлению социал-демократических, а затем и коммунистических идей.

Причина достаточно очевидна — обесценивание идей Просвещения, из которых постепенно «вытеснялись» идеи всеобщего «равенства и братства», на смену которым закономерно пришли столь же невротически-иллюзорные (а если быть более точным — патологические) идеи парциального звучания: «пролетарского братства», «социалистического единства» и т. д., породившие аффективную разрядку с реками крови своих же соотечественников и затем — ушедшие в историю.

В итоге, к началу XXI века из всего идеологического обеспечения демократии сохранилась только идея экономической свободы, обретшая новое звучание в другом, на первый взгляд — «терапевтическом», а на самом деле — иллюзорно-спекулятивном лозунге: «равенства возможностей». Но и здесь так же: и наука, и социальный, и исторический опыт множества поколений тысячекратно подтверждают, что никакого равенства возможностей не было и нет. Ни для отдельных людей, ни для конкретных наций, ни для тех или иных государств. Официальная демократическая доктрина не предлагает в данном случае никакой объяснительной системы или интерпретации, а граждане демократических стран уже давно живут и действуют в условиях искаженной психической реальности.

Мной не раз обосновывалось, что демократия как форма этического, государственного и общественного регулирования уже исчерпала свой ресурс и не отвечает реалиям современного мира, что неизбежно вызовет потребность ее переосмысления, и в первую очередь — ее западных образцов, которые уже давно обслуживают интересы правящих элит и крупного бизнеса.

Кризис невротического гуманизма

В последнее десятилетие преобладает ощущение, что мы (имеется в виду Человечество в целом) сейчас переживаем или приближаемся к смене парадигмы развития и эта смена, скорее всего, будет осуществляться чрезвычайно болезненно и... нецивилизованно.

Если мы бросим взгляд на все предшествующие эпохи нашей европейской (Христианской) цивилизации, то прежде всего можем заметить, что все они опирались на реальные или иллюзорные гуманитарные концепции. В некотором смысле — гуманизм был стержнем развития европейской цивилизации и, соответственно — стержнем формирования личности европейского типа: ориентация на чувства, на воз-

вышенное и прекрасное, поддержка слабых, забота о сирых и убогих, борьба за справедливость наполняли человечество духовными силами, даже несмотря на то, что осуществление этих гуманитарных проектов часто граничило с огромной расточительностью и нерациональностью (типично невротический паттерн).

Но именно эти (гуманитарные) аспекты поведения сейчас, как представляется, подвергаются сомнению или — точнее — мало верифицируются на современной картине мира, а невротический тип реагирования на «превратности судьбы» приобретает качественно иные характеристики. От невротического «думать, сомневаться, переживать» мир все более явно смещается к силовым решениям с паранойяльной «уверенностью в своей правоте, ненавистью к инакомыслию и потребностью в агрессивном действии» (обычно оправдываемом как «противодействие»).

Мы вошли или входим в новую эпоху, о которой было много предсказаний, и многие считали, что это будет гуманитарная эпоха. Не разделяю этих ожиданий и думаю, что она будет скорее технократически-информационной, с опорой на прагматизм и силу, а не на гуманизм. Более того, думаю, что она уже — почти такая. При этом прошлые достижения в сфере духовной жизни — будут чем-то замещаться. Пока можно только предполагать — чем? Но совершенно очевидно, что наши прежние духовные ценности не могут быть переведены на язык технических систем и уже поэтому чужды современной эпохе.

При этом одновременно с кризисом гуманитарных идей будут ставиться под сомнение традиционные понятия смысла жизни, а также — духовные ценности и вера, которые не только являются существенными компонентами мировоззрения современной личности, но и входят в число

важнейших механизмов «социальной механики» — системы власти и управления. Поэтому вслед за модификацией поведения людей, скорее всего, начнется (точнее — уже началась) модификация действующих форм государственной власти практически во всех (самых демократичных) странах.

«Паранойяльный сдвиг»

Когда массы имеют высокие объединяющие идеи, это всегда порождает ту или иную социальную активность, особенно — в молодежной среде. Когда таких идей нет (опять же — прежде всего в молодежной среде), появляется качественно иное явление, которое можно было бы квалифицировать как «социальный активизм», в самом определении которого присутствует некий деструктивный компонент. Этот деструктивный компонент усиливается тем, что постепенно утрачиваются условия для диалога поколений, этнических групп, наций и народов, а у «активистов» — надежда быть выслушанными и уж тем более — услышанными. Круг лиц, которых надлежит слушать, все более сужается, при этом принадлежность к этому кругу определяется не столько особыми личными качествами новых «властителей дум», сколько их официальным статусом в государственной иерархии сверхдержав (ярчайший пример — американская демократия). В результате осмысленность бытия сменяется его неопределенностью, непредсказуемостью и небезопасностью.

Как представляется, современный социальный активизм отдельных национальных групп, включая наш «родной» русский национализм, впрочем, как и современный фанатизм отдельных направлений мировых религий и их переход в идеи мученичества и терроризма — нужно рассматривать как явления одного порядка и даже — как звенья одной цепи,

а именно — планетарной патологизации общественного сознания.

В силу упомянутых выше факторов современная действительность создает особую «питательную среду» для размножения вируса интолерантности и терроризма, развивающегося по известной формуле: «Это не я ненавижу X, а он ненавидит и преследует меня». Безусловно, особо подверженной заражению этим вирусом оказывается категория уже упомянутых социальных активистов. Во всяком случае, никто не заподозрит в террористе, скинхеде или фашисте «пассивную личность», так же как и не будет отрицать реальность феномена психического заражения и его особую вирулентность в информационную эпоху, особенно — если учитывать, что практически все новостные и кинопрограммы мало чем отличаются от хроники преступлений и происшествий (тем самым демонстрируя «новые социальные образцы»).

Психические травмы и травмированные сообщества

Почти все мы живем в многонациональных сообществах, где (несмотря на заметные всем экономические успехи) одновременно существует очень много людей, чьи представления о социальной справедливости подверглись большим испытаниям. Эти люди хранят в себе и давние исторические, и совсем недавние психические травмы и обиды, которые не были отреагированы и (следовательно) — остаются активно действующими. Это касается и титульных наций, и всех остальных. Никакой социальной терапии в этом направлении не проводилось и не проводится, в том числе: в особо нуждающихся в ней — посттоталитарных обществах.

Многие питают иллюзорные надежды на не выдержавшую проверку временем идею «плавильного котла» и иные подобные теории, а националистические настроения растут во всем мире... На фоне безбожного и безыдейного пространства европейской культуры, можно высказать предположение, что национальная идентификация — это последняя форма идентификации, когда уже больше нечем гордиться и нет никаких объединяющих идей или — пользуясь выражением Фрейда — утрачена «либидозная конституция массы», которая позднее была названа Гумилевым «пассионарностью».

Трансформация родительских структур

Нельзя не замечать и другого: на фоне последовательного усиления государственно-охранительного аппарата во всех развитых странах граждане чувствуют себя все менее защищенными. Если довести этот тезис до крайности и апеллировать к преобладающим чувствам европейцев, то получится, мягко говоря — мало приятный вывод: государство еще может кого-то наказать, но в ряде случаев и ситуаций уже почти никого не может защитить, включая VIP-персон всех уровней, которых убивают десятками каждый год. Общемировой уровень преступности за последние 30 лет увеличился в 4 раза, а в самых развитых демократиях, таких как США, — в 8 раз. В России — только за последние 15 лет — также в 8 раз. Правомерен вопрос: это неизбежное следствие развития демократии или ее побочный эффект?

Не уместно ли здесь провести параллель с типичным патогенным фактором детства, а именно — отсутствием чувства защищенности, заботы со стороны родительских структур и их чрезмерной требовательностью к ребенку, что во многих случаях провоцирует асоциальное поведение.

Востребованная агрессивность

Вряд ли требует особых доказательств тезис, что не только на постсоветском пространстве, а во всем европейском мире, наряду с ее невротической идеализацией, наблюдается кризис существующей формы демократической власти и ее институтов.

Перед каждой личностью появилось слишком много угроз: экологического, техногенного, социального и криминального происхождения, от которых власть не может защитить (а точнее — от которых и она сама в ряде случаев оказывается беззащитной).

В связи с этим граждане постепенно «переориентируют» свою лояльность на другие общественные институты (точнее — «организации самозащиты»): в том числе — крупные финансовые и промышленные корпорации с собственными «армиями», а также — этнические группы, расы, религии и т. д. Специалистам хорошо известно понятие «идентификация с агрессором»[1], и не будем развивать этот тезис.

Чем закончилась попытка противопоставить национализму интернационализм — всем очевидно. Не пора ли объективно признать, что мы живем в обществе, где агрессивность поощряется и даже более того — низкий уровень агрессивности, как индивидуальная или национальная черта, в некоторых случаях подается как негативное качество (например, в известных фразах «о «горячих» эстонских или финских парнях»). Естественная агрессивность сильно варьирует у различных этносов, и ее нельзя запретить или подавить; ее можно только канализовать и окультурить на основе единства духовных ценностей.

[1] Кратко суть этого феномена состоит в следующем: «Если я сам буду агрессором, ко мне не смогут применить агрессию».

Депопуляция Европы

Любой нормальный гражданин с огромной симпатией воспринимает заботу государства о повышении рождаемости, которая становится одной из актуальных проблем для большинства европейских стран. Но, как представляется, здесь не учитывается один важный фактор: есть процессы, которыми мы можем управлять, и есть исторические, цивилизационные и планетарные процессы, которые мы можем только отслеживать и заблаговременно приспосабливаться к ним.

Практически во всех европейских странах наблюдается явная или скрытая амбивалентность к пришлому населению. Однако, по прогнозам авторитетных экспертов, к концу XXI века афро-азиатское население будет составлять не менее 85–90% планетарной популяции. Уже сейчас все «белое меньшинство» планеты оценивается в 21%, а будет 10% (сейчас в планетарной генерация 20-летних европейцы составляют всего 13%). В ряде европейских стран, включая Россию, от 25 до 40% взрослого населения вообще не планируют иметь детей.

Одновременно с этим, по данным ВОЗ, за последние 2– 3 десятилетия во всех развитых странах мира наряду с низкой рождаемостью наблюдается увеличение числа бесплодных браков, причиной которых почти в 50% случаев является патология репродуктивной системы у одного из супругов. Фертильность[1] в европейской популяции уже давно намного ниже, чем в азиатской. Мы явно присутствуем при историческом процессе смены национальной и конфессиональной составляющей всей европейской популяции, и «планирование» этой новой семьи народов, скорее всего — вне нашей компетенции. Смена популяции — это явление Природы, а мы — лишь часть ее.

[1] Под фертильностью понимается способность женского или мужского организма к участию в оплодотворении.

Не наивно ли предполагать, что мы способны менять ход истории, опираясь при этом не столько на новые идеи, сколько на силу. Нет ли здесь заблуждения? Исторические процессы идут независимо от того, нравятся ли они нам или нет.

Психоз и эстетика зла

Уверен, что многие не согласятся, но наши демократические ценности сильно обветшали, более того, необходимо признать, что они во многом дискредитировали себя и уже не имеют того пафоса и привлекательности, за которые когда-то шли на баррикады и на смерть. Конфликт «между личностью и внешним миром» нарастает, и психопатологи знают, что именно этот фактор является одним из ведущих в развитии тяжелых психических расстройств.

Мы не заметили того, как после долгого периода развития по пути европейского христианского гуманизма, пришедшего на смену искренней вере, оказались без веры и без идей. Мы все еще прибегаем к высокому слогу при описании современной действительности и все чаще снисходительны к злу. Это звучит не очень убедительно, но давайте повнимательнее всмотримся в лицо современного кинематографа, который удовлетворяет наши эстетические потребности.

К тем, кто, отвергая идентификацию с насилием, будет отрицать победное шествие эстетики зла по всем каналам СМИ, возникает второй вопрос: откуда такая потребность в идентификации с жертвой? Мы последовательно психопатологизируем общество, а затем пытаемся улучшить его законодательным путем, провоцируя еще большее углубление конфликта.

Нарциссическое расстройство

Нашими общими усилиями мы создали высокую духовную и материальную культуру, получившую название европейской. Но она не единственная. Последнее столетие мы стали сначала объединять, а потом путать культуру с техническим прогрессом, а позднее — технический прогресс с цивилизационным процессом, который нарциссически идентифицируется нами только с Европейской цивилизацией. Нет ли здесь заблуждения или даже ряда заблуждений? Действительно ли весь неевропейский мир, в котором сейчас живет 79% населения планеты, страстно желает присоединиться к нашей преимущественно благоухающей, но местами дурно пахнущей алкоголем, безверием, наркотиками, распадом семьи, проституцией, порнографией, коррупцией и продажностью цивилизации?

А если они не захотят? Какое наказание ждет инакомыслящих со стороны тех, кто столетиями отстаивал право на инакомыслие? Не прослеживается ли здесь некая идея цивилизационного превосходства, которое ничуть не лучше расового или национального? Хотя, возможно — все гораздо проще.[1]

Культура и технический прогресс

Удивительно, что даже некоторые специалисты считают невозможным строго дифференцировать культуру, технический прогресс и цивилизацию.

---

[1] Не странно ли, что всеми возможными способами, включая прямую агрессию, США стараются «транспортировать» демократию западного образца даже в те страны, где для этого нет вообще никакой «почвы», и в то же время сами не следуют этой модели (всеобщего и равного избирательного права), а предпочитают высокообразованную, самостоятельно мыслящую «коллегию выборщиков». Не определяется ли такая стратегия относительной легкостью манипуляции общественным мнением неквалифицированного большинства?

Культура — сакрального происхождения, идет от культа, а затем — из храма, она возвышенна, духовна, исходно аристократична и персонифицирована, то есть — имеет высоких носителей, формирует (соответствующие конкретной эпохе) систему ценностей, идеалы и смыслы бытия. Культура — это то, что делает людей личностями.

Технический прогресс — мирского происхождения, он ориентирован в основном на удовлетворение телесных потребностей, начиная от орудий охоты и земледелия и кончая всеми современными попытками покорения природы и народов (как части живой природы); он имеет свои методы, орудия и даже выдающиеся достижения, которыми может воспользоваться любой человек, в том числе — обезличенный.

Цивилизация же, в отличие от ее традиционного понимания как «уровня общественного развития» — должна рассматриваться как непрерывный исторический процесс, развивающийся по своим (природным, в частном случае — социальным) законам, относительно независимым ни от культуры, ни от технического прогресса; а все ее формы, начиная от древнейших до современных, принадлежат к единой земной цивилизации.

При этом, как нетрудно заметить, на протяжении доступных нам периодов истории центр развития цивилизации постоянно перемещался в географическом и этническом пространстве планеты Земля. Была Месопотамская цивилизация, Египетская, Греческая... Сейчас — Европейская. Почему она должна быть последней? Лучшая ли она? Не возвращаемся ли мы вновь к идее «высшей стадии развития человечества»?

Утраченный тип личности

В классической теории государства обычно выделяют три основных типа власти: монархическую, аристократическую и демократическую. В некоторых странах, в частности в Древнем Риме, все три типа периодически существовали одновременно, а в некоторых – существуют и сейчас, например, в Англии, где есть и королева, и аристократическая (наследственная) палата лордов, и демократически избираемая палата представителей. В большинстве других стран аристократия практически исчезла, а на ее месте прочно обосновалась плутократия[1]. Некоторая часть власти представлена охлократией, которая в ее исходном понимании характеризуется как власть «черни» (то есть – необразованной и не способной к сколько-нибудь рациональным решениям части общества); в современном мире – это преимущественно партии «одной личности», возглавляемые яркими демагогами, играющими на низменных чувствах наиболее примитивной части населения. То, чего сегодня не хватает особенно заметно – это, безусловно, аристократия. Напомним истинный смысл этого слова: аристократ – это характеристика гражданина, обладающего совокупностью самых достойных личных качеств, высокообразованного и культурного, руководствующегося во всем непреложными принципами нравственности, долга и высокого служения и действующего исключительно во благо интересов своего народа, общества и государства. К сожалению, в большинстве современных стран, все попытки возрождения граждан такого качества, преимущественно «на основе внешней атрибутики», пока выглядят скорее гротескно, пародийно, а порой даже неприлично. Утрачено что-то, не имеющее измерения.

[1] В России это понятие нередко воспринимается не совсем верно в силу сходства звучания совсем с другим определением, хотя на самом деле греческое «плутос» обозначает богатство, но во многих случаях – это уточнение не сильно меняет смысл.

Исчерпан ли ресурс развития?

Может быть, стоит посмотреть и на демократию (как вариант «светской теологии», знаменовавшей кризис веры), и на технический прогресс, сформировавший специфическую мораль «общества потребления», как на глубоко взаимосвязанные процессы, где все меньше места для веры и культуры (что закономерно, ибо вера и культура не относятся к тому, что можно «потреблять»).

Предвидя типичные обвинения в «пораженчестве» и утверждение, что европейская культура устойчиво лидировала в течение двух последних тысячелетий, хотя европейцы никогда не были популяционным большинством, следует добавить: мы лидировали и выигрывали технологически и экономически в условиях более высокой общественной морали[1], а также — в силу асинхронного развития других стран

[1] Сейчас деньги стали настолько важными, что в ряде случаев позволяют относительно легко пренебрегать моралью, честью и честностью. Тотальная коммерциализация (предположительно) началась в середине 60-х годов XX века в спорте. Чуть позднее она охватила массовую культуру, когда гонорары поп-звезд начали превышать доходы «капитанов» крупного бизнеса, и одновременно с информационным взрывом началось активное «взаимодействие» политической элиты и артистического бомонда, с существенно отличающимися от преобладающих в обществе нормами морали и нравственности. К концу XX века коммерциализация почти поглотила литературу, науку, образование, медицину и даже межличностные отношения — дружба и привязанности все чаще определяются не образованием, не социальным статусом, а доходами. Уже почти не осталось философов и писателей в традиционном понимании этих слов — властителей дум целых поколений. Их сменило бесчисленное количество кандидатов и докторов философских наук и море литераторов. В свое время Зигмунд Фрейд обосновал, что каждый конкретный человек является врагом культуры, вкладывая в это выражение не всем понятный смысл, а именно: человек становится Человеком в высоком смысле этого слова не столько благодаря, сколько вопреки своей природе, и это возвышает его гораздо больше, чем паранаучный тезис о некой врожденной моральности. Массовый индивид общества потребления — уже не враг культуры. Он — вне культуры. При этом государственная мораль, идя на поводу безудержной демократии, категорически не желает принимать во внимание, что наряду с высокими в обществе всегда существует множество самых низменных потребностей, которые ни при каких условиях не должны удовлетворяться (в том числе путем законодательного запрета).

и народов, когда европейский научный и экономический прорыв долгое время «соседствовал» с феодальными и даже первобытно-общинными отношениями на значительной части территории планеты.

Сейчас практически все высокие технологии становятся общедоступными, за исключением некоторых стратегических, которые нашим же (сверх-державным) решением запрещены к передаче третьим странам (что в ряде последних характеризуется как вариант «неоколониализма»). Технологии — общедоступны, а популяционные ресурсы, впрочем, как и природные ресурсы — резко отличаются. Надо ли этого бояться? История — это не соревнование. Здесь требуется мыслить не узконациональными, а историческими категориями, пытаясь охватить столетия и тысячелетия, которые для истории — не более чем миг.

На вопрос: исчерпан ли ресурс развития — нет ответа. Как уже отмечалось, мы не знаем тех исторических законов, по которым развивается планетарная цивилизация. Мы можем лишь констатировать: европейская популяция демонстрирует тенденцию к убыванию, национальной и территориальной замкнутости в своих исконных территориях, а афро-азиатская — к приросту и к «экспансии». Последняя также демонстрирует более активное и агрессивное (как в хорошем, так и не в лучшем смысле) поведение в политическом, экономическом, географическом и историческом пространстве.

Здесь легко найти множество объяснений или спрятаться в очередной раз за некими привнесенными толкованиями. Можно попенять на леность души и тела, на ненадежность будущего и т. д., и т. п. Но на самом деле — мы не знаем: почему так?

О приоритетах развития

Практически все развитые страны озабочены только одной проблемой — экономического роста. Верно ли избран этот приоритет? Забота о том, чтобы все были накормлены и согреты, грубо говоря, мало отличается от типичных задач, с которыми постоянно сталкиваются в животноводстве. А того, что в Христианстве получило наименование «окормление» — при таком подходе вообще не требуется.

Одновременно именно ненасыщаемое тело, на удовлетворение потребностей и комфорт которого ориентирован прогресс, сейчас играет злую шутку с Европой. Прогресс требует, хотя и много меньшего, чем при строительстве пирамид, но тем не менее огромного количества рабочих рук. А начиная с 70-х годов XX века на нашем и Северо-Американском континентах появилось множество профессий, которые лишь «по остаточному принципу» выбираются представителями титульных наций. Это строители, горные рабочие, дорожные рабочие, обслуживающий персонал гостиничного и ресторанного бизнеса, уборщики и т. д. Поэтому все развитые страны вынуждены принимать мигрантов. И будут принимать.

И здесь возникает новая проблема: отношение к мигрантам и с мигрантами. Фрэнсис Фукуяма в свое время описал, как этот процесс происходил в XX веке в США, когда белое большинство снисходительно согласилось принять в свои ряды немного темнокожих американцев, при условии что те примут их идеалы и ценности. Этот проект оказался относительно удачным для экономически развитых США, где и белое большинство, и темнокожее меньшинство имели весьма специфическую историю. Но это вовсе не значит, что этот же сценарий удастся реализовать в современной Европе.

Обратимся еще раз к истории. Современные итальянцы — это уже не древние римляне, но и не варвары, которые разрушили Рим. Это новая идентичность. Если же действовать с позиций силы, предлагая «иным» «некоторые ограничения» на поселение или виды деятельности как цивилизованный вариант гетто или резерваций, мы можем не заметить, как сами окажемся там же.

Поэтому уже сейчас, даже не зная — куда повернет колесо истории, надо начинать к другим относиться так, как мы бы хотели, чтобы относились к нам, когда (или если) мы станем популяционным меньшинством на собственных исторических территориях. Не стоило бы забывать и о другом возможном варианте: если прогнозы глобального потепления подтвердятся и значительная часть территории Скандинавии, Европы и частично — США окажется непригодной для жизни, кто примет население этих стран? Поведение наций в условиях катастрофы и борьба за сохранение национальной идентичности, которая является высочайшей ценностью для любого народа — это самостоятельный, слишком большой и очень болезненный вопрос, требующий обсуждения и анализа и в его краткосрочной, и в долговременной перспективе.

Заключение

Исторический опыт свидетельствует, что все империи и все цивилизации конечны. И это должно нас чему-то учить. Они обязательно приходили в упадок и «разложение»: то ли «сами по себе», то ли набеги «варваров» способствовали. А на обломках этих империй и цивилизаций появлялись новые (включая нашу европейскую), и, как правило, историки характеризовали это как прогресс. Мы еще раз собираемся пересмотреть историю? В принципе, неплохо бы, особенно если учесть, что мы пришли к началу нового века с весьма противоречивым и мало осмысленным багажом достижений и утрат предшествующих столетий и даже тысячелетий. Мы

почти убедили себя, что живем в мире, прогнозируемом и управляемом на основе научных подходов. Так ли это?

Литература

1. Дильтей, В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических система // Новые идеи в философии, № 1. — СПБ., 1912.
2. Кант, И. Критика чистого разума. — Симферополь: Реноме, 1998.
3. Решетников, М. М. Психопатология героического прошлого и будущие поколения // Прикладная психология. № 4, 1998. — М.: Магистр. — С. 36–42.
4. Решетников, М. М. Современная российская ментальность. — М.: Российские вести, 1996.
5. Решетников, М. М. «Психологические» аспекты локальных войн // «Россия и Кавказ» — сквозь два столетия. — СПб.: Звезда, 2001. — С. 269–277.
6. Решетников, М. М. Бедность в современной России: анализ проблемы. — М.: Научно-экспертный совет при Председателе Совета Федерации РФ Федерального Собрания РФ, 2003. — С. 131–142.
7. Решетников, М. М. Глобализация — самый общий взгляд; Исламское противостояние и проблема терроризма // М. М. Решетников. Психодинамика и психотерапия депрессий. — СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2003. — С. 107–155.
8. Решетников, М. М. Клинический метод в изучении и разрешении межнациональных конфликтов (Социально-историческая психиатрия) // Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора.

Материалы 1-й Всероссийской конференции. — СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2004. — С. 37–64.
9. Решетников, М. М. Общие закономерности в динамике состояния, поведения и деятельности людей в экстремальных ситуациях с витальной угрозой. Отделенные последствия и реабилитация пострадавших // Методическое пособие для врачей, психологов и педагогов. — СПб., 2004. — 26 с.
10. Решетников, М. М. Современная демократия: тенденции, противоречия, исторические иллюзии // Психология власти. Материалы международной конференции «Психология власти» / Под. ред. проф. А. И. Юрьева. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. — С. 68–76.
11. Решетников, М. М. Неочевидный образ будущего: европейские иллюзии и реальность. В кн. «Гуманитарно-правовой диалог в условиях глобализации». — М.: Совет Федерации Федерального Собрания РФ, 2005. — С. 53–55.
12. Решетников, М. М. О концепции и стратегии борьбы с наркоманиями в России. — СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2005. — 39 с.
13. Фрейд, З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» // З. Фрейд. «Я» и «Оно» — Труды разных лет. — Тбилиси: Мерани, 1991. Т. 1. — С. 71–85.
14. Ясперс, К. Общая психопатология. Пер. с нем. Л. Акопяна. — М.: Практика, 1997. — С. 851.
15. Apprey, M. Heuristic steps for negotiating ethno-national conflicts: Vignettes from Estonia. — New Literary History: Journal of Theory and Interpretation, 1996, vol. 27: 199–212.

16. Fukuyama, F. The End of History, Five Years Later. — J. History and Theory, vol. 34, 1995, n. 2 — P. 27–43.
17. Twemlow, S. W. and Sacco F. C. Reflection on the making of a terrorist // Terrorism and war. — London — New York: Karnac, 2002 — P. 97–123.
18. Volkan, V. Bloodlines: From Ethnic Pride to Ethnic Terrorism. — New-York: Farrar, Straus and Giroux, 1997.
19. Volkan, V. Das Versagen der Diplomatie: Zur Psychoanalyse nationaler, etnischer und religioser Konflikte. — Giessen: Psycho-sozial Verlag, 1999.
20. Volkan, V. Traumatized societies / In: Violence or Dialogue? Psychoanalytic Insight on Terror and Terrorism. — London, International Psychoanalytic Association. 2003. — P. 217–237.
21. Vucho, A. Beyond bombs and sanctions // Terrorism and war. — London, New York, Karnac, 2002 — P. 51–70.

Psychic Disorder

Summary

This book contains historical and methodological analysis of concepts of psyche and psychic disorder, as well as critical revision of great philosophers' and medical doctors' ideas about psychopathology and its treatment, from ancient world to nowadays, including Plato, Aristotle, Hippocrates, Galen, Avicenna, outstanding psychiatrists of Middle Ages, early and late Renaissance, then S. Freud, E. Kraepelin, J. Bleuler, I. M. Sechenov, I. P. Pavlov, V. M. Bechterev and many others. The author formulates pioneering hypothesis about human brain as biological interface between «ideal» and «real» and challenges applicability of natural scientific approaches to area of humanitarian knowledge. The book holds especial interest as it illuminates tragic periods in Russian science development, particularly so-called «Pavlovian» session of the USSR Academy of Sciences and Academy of Medical Sciences (1950). This episode and its influence on medicine, psychology, physiology, scientific ethics and morals is not well known. The book is informative, polemically written, beautifully illustrated by art reproductions and portraits of outstanding scientists.

In the Introduction the author attempts to outline potential frames of a new paradigm. Reader is encouraged to transgress dichotomy of «structure-condition» analysis, typical for modern medicine.

In the Forewarning different methodological approaches to concepts of norm and pathology in psychiatry, psychotherapy and psychology are reconsidered, and classification of psychic disorders suggested by Kraepelin is analyzed. This classification was originally declared natural-scientific, although in fact it was, and still is, humanitarian (psychological) as a classification of psychological types. When psychiatry rejected psychological concepts underlying this classification, it failed to find substitutes for them, and since then it has been deprived of any conceptual basis at all. However, it is taken for granted that patients who fit Kraepelin's quasi-natural-scientific classification receive any treatment including pharmacology, ECS and insulin shock.

The first chapter, Untimely Philosophy of Psychotherapy – some reviewers understood the title as Outdated... – examines various approaches to human soul and psychopathology which have been partly lost and which can be developed in future, in the author's opinion. The author analyses works of outstanding philosophers and medical doctors of ancient world – Socrates, Plato and Aristotle, as well as Hippocrates, Galen and Avicenna. The chapter deals particularly with the philosophers' understanding of human soul and its life and with their statements that we cannot explore psychic processes by means of our bodily senses; that similia similibus curantur; that material and spiritual substances function differently and they cannot be researched by the same means. The author notices that medical doctors have never proved the idea that brain is a center of psychic regulation; they just declared it on the basis of their anatomic and surgical experience, insufficient for such a subject. In the end of the chapter the author suggests that central role of brain, which was accepted first in medicine and then in general knowledge, needs reconsideration; new paradigm will give this nervous tissue rather modest, but still important role of biological interface between ideal and real.

In the second chapter Methodological Collisions of Psychotherapy it is proved that development of psychiatry took two parallel ways: humanitarian (social) reforms in mental patients treatment and, simultaneously, search for chemicals which can influence human psyche. The second way was connected to crude materialism with its idea that any psychic processes have chemical/physical nature and roots. Then the author thoroughly analyses cooperation of psychiatry with the christian church (witch-hunt) and later with any totalitarian regimes, be that communism or fascism. Physical concept of determinism is challenged, and its inapplicability to psychic processes is proved. Fallacies are analyzed connected to such forms of psychopathology (not dealt with by modern psychiatry) as general paralysis, hypothyroidism and epilepsy. Controversies between «psychics» and «somatics» are reviewed.

In the third chapter Physiological Psychology change of paradigm is explored. Medieval anatomic paradigm was replaced by physiological approaches to human psyche, suggested by I. Sechenov (Brain reflexes), I. Pavlov (higher nervous activity and second signal system) and V. Bechterev (reflexology). The author proves invalidity of these approaches, which have since then dominated the field.

The fourth chapter Method of Negative Stimulation in Science offers text and analysis of so-called «Pavlovian Session» of the USSR Academy of Sciences (1950). These minutes have not been widely known, even in Russia. They contain the demand – initiated by Stalin – to teach all students at all Universities of the USSR Pavlov's theory of psychic activity. Thus, the hypothesis, which reduced psychic activity solely to reflexes, was declared «the only correct theory». Quotes from leading physiologists, psychologists and psychiatrists speaking at that session show that these scientists, who had been frightened and humiliated,

slandered themselves in public. In result of the session, Pavlov's theory became a sort of religious dogma in the USSR; Russian scientists, students, and people in general, were schooled like «Pavlovian dogs».

The fifth chapter Psychoanalytic avoidance of the main question (question of matter/consciousness priority) deals with Freud's approaches to psychopathology; theory of psychic trauma is outlined. In the beginning of the XXth century this theory was supported by Kraepelin and Bleuler, but then psychiatry became attracted to biological approaches, which have dominated the field since then.

The sixth chapter Crisis of Paradigm raises issues of scientific paradigm and limitations of contemporary knowledge in natural sciences, even more so in area of human psyche. Ancient (speculative) and modern (positivism) approaches to scientific knowledge are analyzed, and it is suggested that «knowledge is not just what people know».

In Conclusion the author returns to the problems of psychopathology and its treatment by means of psychopharmacology, the latter is described as «imaginary pharmacology». The notion of psychic disorder as «disease» is challenged. The author observes that we consistently distance ourselves from everything which is connected to our soul and which is beyond crude materialism; this attitude is not exploration but rather avoidance. The author resorts to field physics and formulates a hypothesis that materialism as unconditional philosophic basis is fading out, even in exact sciences.

Именной указатель